

Ицлеввой 209

Константин Костин

Каждый знает, что 15 февраля 2013 года над Челябинском взорвался метеорит. А вот чего не знает никто — того, что после падения метеорита небольшая уральская деревушка, вместе с частью гор, оказалась на другой планете. И теперь землянам предстоит выжить в чужом мире. В мире, населенном жуткими хищниками. В мире, где обитают черти. Нет, не какие-то мифические черти, а самые настоящие — инопланетные черти. Выжить в борьбе с голодом, чужой природой. И, при этом — остаться людьми!

Глава 1. Предзнаменование

Зима 2013 года выдалась на редкость мягкой. Нет, в декабре морозы были, и были неслабые, но ведь это был еще тот, 2012 год! К тому же в декабре за погодой никто особенно и не следил. Человечество замерло в ожидании обещанного, Конца Света, но... но его так и не случилось. Чему тут удивляться? У нас погоду — и ту предсказать не могут, чего там про Конец Света говорить?

А, может, и не должно было никакого Конца Света случиться. Специально придумали его, чтобы иметь возможность лишней раз выпить. И на работу не ходить.

Тогда, 21 декабря 2012 года, Апокалипсис отметили во всему земному шару. Тоже людей можно понять. Тут дело такое — если не отметить Конец Света, то после него, вполне вероятно, уже вообще ничего и никогда отмечать не придется.

Однако, 2013 год, все же, наступил. Признаться, сам я Новый Год не особо люблю. Крайне раздражает вся эта нервозность перед праздниками, вся эта суматоха, когда каждый за последнюю неделю пытается успеть сделать то, что не успел за целый год. В магазинах — толпы, на дорогах — пробки. Если даже сильно захотеть — все равно ничего не успеешь. Так что проще расслабиться и вообще ничего не хотеть...

Впрочем, я куда-то отклонился от основной линии повествования.

Итак, на дворе стоял февраль 2013 года и выдался он необычайно теплым. Ни разу не было не то что тридцати мороза, как это обычно у нас, на Урале бывает, а даже и двадцати! Вообще, как человек, исколесивший добрую половину мира, побывавший по обе стороны экватора, я понял, что такой суровый климат, как в Челябинске, еще поискать надо. Умеренно-континентальный, мать его... ночь в две трети суток, сугробы выше человеческого роста, мороз под сорок, своры бездомных собак, бродящих по улицам... кому-то, возможно, будет дико, и я еще раз подчеркну — то, что написано выше — вовсе не описание какой-нибудь заснеженной планеты из фантастических романов и не постапокалиптическая картина — это абсолютно нормальная, обычная уральская зима! А в феврале 2013 года я даже зимние шорты, с начесом, ни разу из шкафа не достал. Словно тропики наступили!

Сейчас, когда я пишу эти строки, с той зимы миновал не один десяток лет, но я до сих пор никак не могу взять в толк, что дернуло меня, человека теплолюбивого, и вообще дите асфальта, принять приглашение двоюродного дядьки и приехать на выходные к нему на "фазенду" поохотиться.

Да и охоту, признаться, я не люблю. Жалко мне в зверушек стрелять. Что они мне такого сделали, чтобы я палил по ним? Да, когда жрать нечего или когда зверушка оказалась не вполне дружелюбной — другое дело. Но просто так отнять жизнь у живого существа... тогда я вообще не представлял себе, что смогу пальнуть в кого-либо. Зачем мне полный сейф оружия? Скорее, это гены. У меня все предки так или иначе были связаны с оружием. С армией или иными структурами. Небось, еще псов-рыцарей на Чудском озере били. Вот так были рыцари псами, а пришел к ним песец...

Сама "фазенда", как дядя Боря называл свой деревенский дом, располагалась на северо-западе Челябинской области, в настолько глухих местах, что медведи по улицам ходили не фигурально, а буквально выражаясь. Одно время у него вообще на сеновале жила рысь с двумя детенышами. Я повторю — не домашняя, или какая-нибудь прирученная рысь, а

совершенно нормальная дикая рысь! Охраняла дом получше всякой собаки, дядя ее даже прикармливал, пока животное вконец не обнаглело и не кинулась на него. У дяди после этого случая осталось несколько шрамов на животе и шкура огромной кошки на стене, чем он гордился в равной степени.

Были у дяди еще две замечательных черты. Во-первых, он был полковником, начальником автомобильной службы одной из воинских частей. Понятно, что с транспортом у проблем он не знал — в огороде стоял МТЛБ, всегда готовый к поездке на охоту или рыбалку, а во дворе — командирский УАЗ-469, всегда готовый... ну просто, как пионер — "Всегда готов!". Хрен его знает, к чему, но готов. Исправный, заправленный, с несколькими брикетами сухпайка под сиденьем.

С оружием у дяди тоже всегда все было в порядке. Помню, в пять лет, ночуя у него в гостях, на "фазенде", я пожаловался, тогда еще капитану, что у меня под кроватью, вроде как, завелся барабашка. В ответ на это военный дал мне Калаша и отправил спать дальше. Конечно, вспоминая позже, такой поступок я нормальным не считал. Ребенку в пять лет вполне хватило бы и пистолета! Автомат-то зачем? Это уже перебор...

Видимо, барабашка посчитал так же. Больше он меня не беспокоил.

А вторая замечательная черта дяди Бори — самогонка. В бане у него стоял огромный самогонный аппарат, судя по всему, переживший и ГКЧП, и перестройку, и даже Октябрьскую Революцию! Сколько я себя помнил, дядя гнал самогон. И настаивал его на кедровых орешках и коре дуба. Как мне стукнуло пятнадцать — напиток лучше я не пил! Вообще авторитетно заявлю, что лучший самогон только у военных или партийных шишек. Остальное — фигия на постном масле. Тут мне можно верить, в самогоне я разбираюсь.

Вот к этому человеку я и собирался на охоту... да и в Челябинске особо делать было нечего — крупные заказы я уже закончил и ждал оплаты. За мелочь предоплату уже получил и просто, ввиду врожденного гена лени, присутствующего у каждого программиста, компостировал заказчикам голову.

Ну, блин, а вы как хотели? Купив автомобиль, заплатив за него деньги, вы становитесь интересны автосалону только чтобы взять еще денег — за обслуживание. Купив квартиру, рассчитавшись за нее, вы становитесь интересны управляющей компании только чтобы взять еще денег — за коммуналку. Даже купив несчастный телефон, вы интересны салону сотовой связи только затем, чтобы отправить на этот телефон SMSку и взять с вас еще денег. Думаете, вокруг — демоны, исчадия ада, а программисты — такие белые и пушистые, как зайчики из Playboy? Ага, размышлялись!

В общем, начхав на всех, уже в четверг после обеда я забил багажник вещами, положив сверху два чехла с дробовиками, и отправился отдыхать.

Тут я немного соврал. Начхал я не на всех. Перед стартом я зашел к соседу, тоже "заядлому" охотнику, и предложил присоединиться.

— Ты с ума сошел? — поставил он диагноз, не отрываясь от компьютера. — Завтра метеорит сорока пяти метров в поперечнике будет проходить на рекордно близком от Земли расстоянии! NASA обещает транслировать это в прямом эфире! А в твоей Хацапетовке есть Wi-Fi?

— Не знаю, — признался я.

— Ну вот видишь! — многозначительно поднял палец сосед. — Я не могу пропустить такое событие! Ты хоть понимаешь, что за последние сто лет более крупный метеорит не проходил так близко от Земли?

— А за сто лет? — уточнил я.

— Ну... был там один... Тунгусский... — задумчиво произнес Гена. — Только он подошел ближе. Гораздо ближе. Слушай, как ты думаешь — может майя ошиблись? На пару месяцев?

Разумеется, это была шутка. Глупая, но недалекая от правды. Да какого черта? Если бы сосед в тот момент знал, насколько он близок к правде!

— И ты решил понаблюдать за Апокалипсисом из первого ряда? — усмехнулся я.

— Ага. Блин, это же надо успеть купить начос и соус!

Завидую ему порой... вот у человека проблем — НЛО, метеориты, инопланетяне. Порой, после показа какой-нибудь очередной передачи по телевизору, задаюсь вопросом — как такому дали разрешение на оружие? Ведь он на полном серьезе начинает рассуждать о технологиях, подаренных нам пришельцами, правительствах, скрывающих контакты с внеземными цивилизациями и скором непременном порабощении человечества рептилоидами. Впрочем... и нормальным мой сосед умеет быть. Или так талантливо притворяется?

Начхав и на него, я погрузился в свою Subaru Impreza и выехал из города. Темнело стремительно быстро. Да еще и эти долбаные пробки. Со скоростью черепахи я двигался по трассе, забитой фурами. Но это — семечки! Как поднимусь в горы — поеду еще медленней. Не было еще случая, чтобы хоть парочка дальнобоев не ушли с откоса. Оно и понятно — перевалы, лед. Тормоза у фур нередко перегревались на спусках, и многотонная машина, груженная по самое "не хочу", собирая собой легковушки, сметая их, словно кегли, слетала вниз. На подъемах — другая проблема — тяжелые грузовики не могли вскарабкаться и, в лучшем случае — просто стояли, заблокировав движение, в худшем — результат был аналогичный тому, что на спуске, но в обратную сторону.

Решив не искушать судьбу, понадеявшись на полный привод своей Impreza, я повернул на старый Екатерининский тракт. По этой дороге, названной, как это несложно догадаться, в честь Российской Императрицы Екатерины II, еще в XVIII веке вывозили с Урала самоцветы золото, малахит. Куда вывозили тоже догадаться несложно — в Петербург. Прошло две с половиной сотни лет, а изменилась только дорога! Везут-то все равно в столицу...

Но, после истощения родников и запуска железной дороги, тракт начал захиревать. Люди, кормившиеся с тракта, разбежались кто куда, оставляя после себя хозяйство — дома, огороды... хотя, какие, к черту, огороды в горах? Небольшой кусок земли, уходящий под крутым углом вниз, заканчивающийся обрывом — вот и весь огород. Я все гадаю — как там что-то выращивать умудрялись? Небошь, в дождь, когда трава становится скользкой, будто каток, по такому огороду и ходить-то опасно. С той стороны, где обрыв, даже ограды никакой нету. А зачем? Кто там заберется? А если кто-то задается целью стырить что-нибудь с огорода, забравшись по отвесной скале — такому целеустремленному злодею ограда помехой не станет.

Отдельно стоит отметить, что строили тогда на славу, так что целые деревни, сложенные из бревен в полтора обхвата толщиной, продолжали стоять по краям дороги и в нашем столетии. Я как-то полистал карту области — только обозначенных на ней опустевших населенных пунктов — не меньше сотни. А уж сколько их, не обозначенных — одному Богу известно.

Огороды и палисадники заросли, ворота и изгороди покосились, а где-то и вовсе разрушились, от черепицы тоже мало что осталось, но сами срубы, с пустыми глазницами

окон, торчащими в никуда остатками печных труб, продолжали стоять. По этим местам и днем было жутко ездить, чего уж говорить про ночные прогулки?

Словом, если б мне в руки попала Книга Мертвых — "Некрономикон", места лучшего, чтобы ее почитать, и не придумать. Ночь, полнолуние, село, оставленное людьми в прошлом веке, книга, написанная человеческой кровью на человеческой коже. Что может пойти не так?

Да, историй про эти деревеньки тоже хватало. Этот пропал, тот пропал. Кого-то, конечно, находили, но большинство исчезали бесследно. Люди недалекие, суеверные, списывали потери на счет темной силы, но иные понимали, что заброшенные дома — отличное прибежище для различного рода маргиналов. Оружие схоронить, или наркотики передать — лучшее место поискать нужно. А если кто посторонний стал свидетелем — тут же его можно и кончать. Все потом спишут на леших, оборотней, привидений. Да обрыв-то — вот он, за околицей.

Опять же, если сравнить количество погибших на трассе и пропавших без вести на обезлюдившем тракте, то станет понятно, что старая дорога в сотни раз безопаснее. Уверенности добавляла короткая "Рысь" с пятью патронами двенадцатого калибра, снаряженными картечью, которую я предусмотрительно положил на соседнее сиденье. Ночью, да без ствола, я б сюда и не сунулся.

Моя Impreza настырно ползла по колее, свидетельствующей, что я далеко не первый балбес, кому пришло в голову срезать путь, и наверно, не последний. Полный привод швырялся снегом. Свет фар выхватывал из темноты остатки опустевшего задолго до моего рождения селения.

Темно. Тихо. Не души. В городе, или еще где, хоть что-то указывает на присутствие человека — там окурок, здесь газета, подальше — пустая бутылка. Даже в Припяти следов человеческой деятельности столько... но не здесь. Запустенье полнейшее.

Я не знаю точно, что заставило меня повернуть голову — пытаюсь удержать машину в колее, по сторонам я старался не глазеть. Да и не на что тут, по большому счету, глазеть было. Скорее, почувствовал чье-то присутствие. Шестое там чувство или десятое, но присутствие постороннего человек всегда чувствует. Как говорил мой дядька, который полковник, а, стало быть, человек неглупый: "В жизни есть две главные вещи. Первое, это сложно — быть внимательным. А второе, это очень сложно — быть очень внимательным". Если довериться чувствам, ощущениям, инстинктам — результат всегда будет больше, чем от разума. Ну и опыт, естественно, не помешает.

Повернув голову, я увидел ЭТО. Над домами, над остатками стропил, парил шар. Невысоко — не больше пятнадцати метров. И не отличающийся внушительными размерами — с колесо от легковушки. Вряд ли больше. Оранжевый шар. Светящийся оранжевый шар. Хотя, нет... светиться-то он вроде как и светился — яркий внутри, все более тусклый ближе к краю, но с четкой границей, однако вокруг ничего не освещал.

Сперва я подумал что это луна. Но нет! Луна светила намного ярче и была выше. Не говоря уже о том, что габариты у нее больше. Луну я тоже видел. Галлюцинация? Снова нет. Слишком реальным был этот шар.

Как и любой современный человек я, конечно, много слышал об инопланетянах, объектах, тарелках и так далее. С таким соседом как у меня — тем более. Скажу даже больше — я ничуть не сомневался в наличии жизни на других планетах. Большим безумием было бы предполагать, что во всей вселенной, которая, как известно, безгранична, не

найдется еще нескольких планет, с похожими на наши условиями, а, стало быть, и с жизнью. Другой вопрос — на каком расстоянии они находятся и есть ли у внеземных существ более важные дела, чем сотни лет лететь сначала сюда, а потом, столько же — отсюда?

Но я, вне всяких сомнений, видел перед собой объект. Вел он себя совершенно не так, как описывают многочисленные "очевидцы" — не мельтешил в воздухе, не менял непредсказуемо направление полета, не метался, как угорелый. Он просто летел. Совершенно не торопясь, со скоростью, чуть выше моей, то есть порядка сорока километров в час, на высоте около пятнадцати метров, он преспокойнейшим образом летел параллельным курсом.

И я отчетливо понимал, что шар в курсе, что он здесь не один. Если я заметил его, то не заметить с высоты ворчащую двигателем Subaru Impreza при полной иллюминации бортовых огней, включая противотуманки — невозможно даже при большом желании. Но на меня объекту было совершенно начхать. Он просто летел себе. Куда надо летел.

Многие говорят про чувство страха, паники и тому подобное. Но у меня этого не было! Я напому — на пассажирском кресле лежала заряженная "Рысь", но мне и в голову не пришло потянуться к оружию. Любопытство — было, не отрицаю. Но страха — ничуть!

Хотя... было другое. Какой-то магнетизм у этого шара, заставляющий смотреть на него и смотреть. Оппозитник Subaru равномерно стучал поршнями, колонки выдавали Dubstep, снежинки кружились в свете фар, а объект летел. Бесшумно. А я молча пялился на него.

Лишь после того, как шар скрылся за верхушками деревьев, я, прикурив сигарету и сделав несколько крепких затяжек, запоздало погладил дробовик по рукоятке. Не пригодился. И, наверно, слава Богу.

Выбросив окурочек в окно, я тронул машину с места.

Глава 2. Громыхнуло

У дяди, как всегда, было людно. Благо, размер дома позволял — настоящий, казацкий, с высоким потолком и просторной горницей, центр которой занимал длинный дубовый стол с двумя лавками, в углу трещала дровами русская печка, а на стене висела шкура рыси. Той самой рыси.

— О, Алеша пожаловал! — воскликнул полковник, вставая с кресла во главе стола.

Кроме него в помещении присутствовали: капитан Семенов — местный участковый, отец Илья — батюшка из деревенской церквушки, и двое незнакомых мне молодых людей — девушка, чуть помладше меня, и парень, еще младше. Судя по явному сходству, они приходились друг другу братом с сестрой.

— Это Мишаня и Маришка, — шепнул мне на ухо дядя Боря. — Сын и дочка начальника штаба.

Поздоровавшись, я снял куртку, и занял место около девушки. Вот меня всегда поражало, насколько красивые у военных дочери. Почему так? Если военный — то дочка обязательно красавица. Нет, дело не в чинах и званиях, это неоспоримый факт.

— Штрафную опоздавшему! — забарабанил по столу капитан.

Полковник Грачев почти до краев наполнил мой стакан янтарной жидкостью. Замахнуть четверть литра дядиной самогонки — дело не хитрое. Пьется она замечательно, можно и не закусывать. Как-то раз, желая подшутить над друзьями, я перелил самогонку в бутылку из-под Hennessy и угостил их. Подвоха не заметил никто. Наоборот — пустились в рассуждения о благородном напитке, букете, послевкусии, как подобает правильно пить марочные коньяки и так далее. Удивительно, на раскусила меня тогда девушка, раскрыв тайну на следующий день. Может ей чего ночью не понравилось? Хотя я старался, как отбойный молоток!

Налили по второй. Мы не напивались — с хорошей закуской это сложно. Просто приятно проводили время за беседой. Марина, как оказалось, училась на хирурга, через полгода заканчивала Медицинскую Академию. Михаил... с ним все было худо — парень был астрономом.

— В семье не без уroda, — засмеялась девушка, комментируя сей факт.

И приехал-то парень сюда исключительно ради того, чтобы поглядеть на звезды в свой телескоп. Мол, тут световое засорение меньше, чем в городе. Меня так и подмывало рассказать ему про шар, но я героически промолчал.

Через час дядя все еще держался молодцом. Семенов уже тихо посапывал, качаясь на лавке, но сразу вздрагивал, просыпаясь, стоило лбу оказаться в опасной близости от столешницы, и принимал вертикальное положение. Надолго ли? Поп, раскрасневшись, налегал на свиную рульку.

— А скажи, святой отец, — захмелевшим голосом произнесла Марина. — А употреблять алкоголь — разве не греховно?

— Не греховно, дочь моя, — ответил священник, прервавшись, чтобы вытереть губы.

— А в пост?

В ответ на это батюшка поднял к лампочке стакан и продемонстрировал его всем собравшимся.

— Не наблюдаю в сосуде сем ни жира, ни сала. Стало быть сей продукт — есть пища постная и к употреблению не греховная.

— А правда, что вы с женщинами ни-ни? — не унималась Марина.

— Совокупление — есть не грех, — вздохнул отец Илья. — А лакомство. Это предложение, дочь моя?

Мы дружно рассмеялись, а девушка, густо покраснев, от смущения готова была провалиться сквозь землю. Я впервые сидел за одним столом со священниками, представлял их такими серьезными дядьками, из которых улыбку клещами тянуть нужно. Нет же! Отец Илья оказался вполне мировым мужиком с чувством юмора.

Скорее, чтобы спасти будущего хирурга от еще большего покраснения и разрядить обстановку, я рассказал про шар. Дядя, на мое удивление, отреагировал серьезно.

— Параметры объекта? — поинтересовался он.

— А ведь бабка Прасковья говорила сегодня, что видела знамение, — сквозь сон пробормотал участковый, перебив полковника. — Грядет Апокалипсис!

— Бесовство и чертовщина! — возразил батюшка. — Отец наш всемогущий этот мир создал, и конца ему не будет, доколе не наступит День Страшного Суда.

— А когда он наступит, этот день? — спросила Марина.

— Сие никому неведомо, — ответил отец Илья. — Так что живите каждый день, как последний.

Мы задумались. Астроном беззвучно шевелил губами. Я сперва решил было, что парень читает молитву, но, прислушавшись, различил:

— В начале — пустота, материя, жаждущая света. Сначала один единственный фотон озаряет светом пустоту, затем тысячи и тысячи. Пробуждаются оптоэлектронные реле, активизируются подпрограммы и среди хаоса пробуждается голографическое сознание...

— Чего-чего? — переспросил я.

— Да все элементарно и легко объяснимо, — отмахнулся Михаил. — Ты видел или луну, или солнце. Вернее его голографическое отображение, созданное преломленными в атмосфере лучами. Такой эффект может дать взвесь кристалликов льда, или...

Дальше этот бред не слушал. Но у каждого, включая даже попа, нашлась история о встрече со сверхъестественным. И каждую историю астроном пытался объяснить с научной точки зрения, которую мало кто разделял.

Я не помню, во сколько я пошел спать, уверен в одном — было не меньше трех часов ночи. Я даже не помню, как я добрался до койки.

Проснулся я от яркого солнечного света, ударившего в глаза. Вот какого хрена солнцу не спится по утрам? Протерев глаза, я нащупал свой телефон, лежавший у кровати на табуретке, рядом с предусмотрительно приготовленной еще с вечера бутылкой минеральной воды. Часы на дисплее показывали 9:22. Это, выходит, я и шести часов не проспал! Будить человека в такую рань после такого застолья — бесовство! Никакого гуманизму!

Стоп! Какое, нахрен, солнце 15 февраля в 9:22 утра? Электричество, что ли, моргнуло? Да нет, свет вообще был выключен. Отвинчивая на ходу крышку с бутылки, я добрался до окна и раскрыл шторы... да так и застыл, уронив челюсть на грудь.

Небо прочертила белесая полоса двойного протуберанца. Стрела дыма простиралась налево и направо, насколько хватало глаз. Густые, плотные клубы, совершенно не походили на следы от реактивного самолета, да и значительно превосходили их по размеру. Ракета?

Или что-то неудачно запустили на Байконуре, и оно отрикошетило от небесной тверди? А, может, того круче — Северная Корея, наконец, бахнула?

— Черт! — воскликнул я, ударив себя по лбу. — Телефон!

И бросился к аппарату, лежащему на табурете, чтобы заснять это удивительное явление природы. Наверно, это меня и спасло... громынуло так, что весь дом, казалось, подбросило. Стекло взорвалось мелкими осколками и сверкающим вихрем влетело в спальню, жаля меня в руку и бок. Загремели, подпрыгивая, бревна сруба, загремели жестянки, зазвенела посуда, падающая на пол. Меня самого швырнуло на волчью шкуру, лежавшую вместо ковра, и протащило на ней до стены.

— Вспышка справа! — раздался зычный голос полковника.

Завизжала Марина. Батюшка вставил словцо, не подобающее его сану. В соседней комнате кто-то свалился на пол.

Раскат грома начал стихать, но за ним последовал второй, пахнув в разбитое окно горячим и сухим воздухом, словно от печки. Все вокруг дрожало и вибрировало. Затрещали доски перекрытий.

Опасаясь, как бы меня не придавило крышей, ежели она вдруг упадет, я схватил овчинный полушубок, служивший мне одеялом, и заторопился к выходу. В дверях я столкнулся с дядей, уже успевшим натянуть на себя камуфляж. Вот же выучка!

— На выход! — гаркнул он.

Я вылетел во двор вслед за Мариной, вытолкнувшей на снег отчаянно матерящегося брата. Все участники ночной гулянки уже были здесь. Громынуло снова. Протяжно, раскатисто. Посильней, чем во второй раз, но намного слабее, чем в первый. Судя по звукам, переполох царил во всей деревне.

Наступив на бампер стоявшего во дворе УАЗика, я запрыгнул на капот, а с него — на крышу сени. Со всех домов, со всех дворов, на улицу высыпали люди. Кто-то полуодетый, а кто-то вовсе в одном исподнем. В нескольких местах в небо поднимались клубы пыли, говорящие о том, что не все дома выдержали испытание. В конце улицы вообще стоял столбом дым, подсвеченный изнутри огнем пожара.

Но селян волновало другое. Все, как один, прикрывая глаза рукой от солнца, смотрели куда-то вверх, за мою спину. Я внезапно обнаружил, что до сих пор сжимаю в руке телефон и вспомнил о своем желании снять дымовой след на видео.

Развернувшись, одновременно поднимая мобилу, я застыл в немом изумлении в третий раз за последние двенадцать часов. Солнце, гораздо более крупное, чем я привык видеть, и гораздо более белое, уже прилично поднялось над горизонтом, а из-за кромки гор выглядывало второе солнце — красное, и совершенно невероятных, исполинских размеров.

— Что там? — озабоченно воскликнула Марина.

— Э... ну...

— Леха? — поинтересовался дядя.

— Там два солнца... — нашел в себе силы ответить я.

Глава 3. В руинах

— Этого не может быть! — решительно заявил отец Илья.

— Это еще почему? — поинтересовался участковый.

— Потому как богопротивно!

— Вот за что я тебя уважаю, так это за железную логику, — усмехнулся капитан.

— Чисто теоретически возможно видеть два светила, — вставил свое слово Миша. —

Но для этого необходимо находиться в планетарной системе с двойной звездой! Но мы-то на Земле! Никто же ночью "Некрономикон" не читал?

Я, слушая перепалку в пол-уха, лихорадочно тыкая пальцем в дисплей телефона, пытаюсь хоть куда-нибудь позвонить. Но связи не было. Я поднимал мобилу и выше, и ниже, двигал ее и правее, и левее, но результат был все тот же. Вытерев со лба пот — начало припекать — я слез на землю.

Дядя, почесывая за ухом своим телефоном, щелкал переключателем радиостанции в УАЗике, но тоже безуспешно. Динамики выдавали только шум статистических помех и ничего кроме.

— Так, Алексей, — задумчиво произнес полковник. — Бери Семенова и вали с ним в город. Сообщишь там в МЧС, пусть присылают кого-нибудь... ну, скорую, там...

— И пожарных, — добавил я.

— Пожарных?

— Да, — кивнул я. — По меньшей мере один дом горит.

— Твою мать! — выругался военный. — Тогда поторопись! И возьми мою машину — у нее проходимость лучше.

— Я тоже поеду! — воскликнула Марина.

— Нет, дочка, — покачал головой полковник. — Там могут быть пострадавшие. Хоть один почти врач им не помешает.

— Тогда — я! — щелкнул пальцами астроном.

— Да на здоровье!

Дядя с попом, вооружившись топорами и ведрами, шлепая по лужам, поспешили на тушение пожара. Марина, захватив с собой аптечку, последовала за ними. Я же, скользя по грязи, открыл ворота и выгнал УАЗик на улицу. Деревня была похожа на потревоженный муравейник — все бегали, суетились, что-то кричали, но, по большей части — совершенно бестолку, лишь подогревая панику. Полковник, гремя топором по ведру, призывал людей к порядку, а священник крестился направо и налево, оказывая моральную поддержку.

Я уже собирался утопить гашетку, как мне в голову пришла дельная мысль. Открыв дверцу Impreza, я взял с сиденья "Рысь", а из багажника — пачку патронов. Так, на всякий случай. Кто его знает, насколько одичали люди?

— А мне? — обиженно протянул участковый.

— У тебя ж табельный, — ответил я показав на кобуру.

— Да какое там! Это газовый, без патронов. Нафиг мне табельный нужен? Это ж каждое утро ехать в центр, получать его, потом — каждый вечер обратно кататься, чтобы сдать.

— Чтобы не замочил никого по пьяному делу? — осведомился Миша.

— Какое там! Замочу — так отпишусь, придумаю что-нибудь. А если потеряю? Или того хуже... — милиционер понизил голос до громкого шепота. — Сломаю!

Вздыхнув, я достал из багажника свой второй ствол — полуавтомат МР-155, и вручил его Семенову. Тот сразу изменился в лице, заулыбался и засиял. Теперь, во всеоружии, можно было двигаться в город.

Я включил передачу и внедорожник, выбрасывая из-под колес комья грязи, покатил по улице. Пока мы не выехали из деревни, на клаксон приходилось давить едва ли не ежесекундно, разгоняя селян. Стоит отметить, что дядины усилия не пропали даром и беспорядок приобрел организованный характер. Кто-то разбирает завалы, а кто-то тушит пожары. Всего я насчитал три горящих дома и полтора десятка разрушенных. Кстати, развалились, в основном — новые, кирпичные дома, а старые, сложенные из вековых сосен, продолжали стоять, как ни в чем не бывало.

— Жара-то какая, — выдохнул капитан, стягивая с себя форменную куртку.

— Градусов тридцать — не меньше, — подхватил Михаил.

Это я и без них заметил. С гор бежали ручьи. Снега почти не осталось — и это в Уральских горах, в середине февраля! Машина, движимая двумя мостами, отчаянно вгрызалась протектором в грунт, еле держась на дороге. Я управлял джипом, вцепившись в руль побелевшими от напряжения пальцами, чтобы удерживать автомобиль и не дать ему закопаться или улететь в канаву. Лужи были такой глубины, что порой вода перекатывалась через капот, а под ногами уже давно хлюпало.

По мере подъема становилось лучше, но лишь отчасти. С одной стороны, дорога здесь была присыпана гравием, к тому же вода скатывалась вниз, не скапливаясь на ней. А, с другой стороны, на пути попадались неслабых размеров валуны, обвалившиеся с вершин.

Так что ползли мы со скоростью хромой улитки, огибая глыбы и оползни. Я исхитрился даже достать из кармана мобильник, но связи по-прежнему не было. Семенов, правильно меня поняв, покрутил ручки настройки радио, ловя на каждой частоте только "белый шум".

— Все, стоп! — взмолился участковый через час такой пытки. — Я сейчас поджарюсь. Давай снимем верх.

Остановившись, мы сняли брезент, свернули его и убрали в багажник. Снаружи пахло весной. Обдуваемые ветерком, мы протащились еще пару километров, как пришлось остановиться вообще. Дорогу перегородил оползень, объехать который не представлялось возможным.

Поколебавшись некоторое время, мы решили продолжить путь пешком. Благо, соседняя деревенька должна быть уже за поворотом, а, учитывая, что до города оставалось не так уж и далеко, то, скорее всего, в ней уже работали спасатели, через которых и можно было вызвать подмогу.

Захватив оружие, мы перебрались через завал, обогнули горку... и остолбенели. Вместо села... да что там — села! Вместо гор, самых настоящих Уральских гор, которые были здесь несколько десятков тысяч лет, насколько хватало взгляда, простиралось болото. Да-да! Темно-зеленое, грязное болото.

— Нихрена не понял, — прошептал капитан.

— Аналогичная фигня, — согласился я.

— Похоже, мы уже не на Земле... — протянул астроном.

— То есть как так — не на Земле? — не понял я. — А где мы?

— Леха, ау, очнись! — Миша пощелкал пальцами. — Ты посмотри вокруг. Ты же уже

видел два солнца. На Земле такое бывает? А жара? Тридцать градусов жары на Урале 15 февраля — это нормально? Каким-то чудом кусок Земли, с деревней и частью гор, оказался здесь, на другой планете!

— Бред! — решительно отрезал я, перехватив поудобнее дробовик, и начал спускаться к болоту. — Это глюки.

В самом деле! Представьте, что вы спокойно спите, никого не трогаете, лежите на кровати. И вдруг вам заявляют, что вы оказались на другой планете, причем вместе с той самой кроватью! Тогда это все казалось невероятным бредом.

Скользя по осыпающимся камням, крепко сжимая дробовик, я спустился по склону. До воды оставалось не больше полуметра и я нерешительно остановился. Судя по звуку, мои спутники последовали за мной.

И болото, и поросшие травой кочки, выглядывающие там и тут, выглядели... неродными какими-то. Неземными. От болота исходил резкий запах гниения, над поверхностью воды витали облака гноса, а вдали виднелось облако насыщенного голубого цвета.

— Как думаешь, здесь кто-нибудь живет? — осведомился участковый.

— Вон те штуки точно живые, — Михаил ткнул пальцем куда-то в сторону.

Я присмотрелся. Над водой едва выступали несколько куполообразных объектов, слишком правильных, чтобы быть кочками или холмиками. Они были почти полностью погружены в болото, торчали только макушки, через которые перекачивались волны.

Раздался сухой треск дробовика, прогремев в тишине, как раскат грома. Заряд картечи поднял сноп брызг, а куполообразные существа с завидной скоростью скрылись в глубине. Я резко обернулся. Семенов, сжимая в руках дымящееся ружье, улыбался во все тридцать два зуба.

— И нахрена? — поинтересовался я.

— Да как так — нахрена? Теперь-то мы точно знаем, что они живые!

— Меня гложет один вопрос... чтобы точно узнать, умер человек, или нет — ты ему в голову стреляешь? — усмехнулся астроном.

— Палкой тыкаю... — буркнул капитан.

Обратный путь до автомобиля мы проделали в гробовом молчании. Преодолев завал, я обнаружил, что фары включены. Тем не менее, я точно помнил, что и не включал их! Притронувшись к рычажку, дабы погасить свет, я вляпался в мокрую, мерзкую слизь. Такая же слизь была и на руле, и на оставленной на кресле куртке участкового. Да, если мы и правда на другой планете, то она — обитаема. К гадалке не ходи.

— И что теперь? — произнес Семенов, скорее озвучив свои мысли вслух, чем обращаясь к кому-то конкретному.

— Предлагаю посмотреть, что с остальных трех сторон, — развел я руками.

— Тогда нам лучше сперва вернуться в деревню, рассказать обо всем Грачеву. Да и все равно придется возвращаться — объездной дороги нету.

Я последовал его совету.

Паника в деревне уже улеглась. Дядя, весь грязный, чумазый, как черт, сидел у ворот своего дома и устало курил.

— Почему так долго? — возмутился он. — Помощь вызвали?

— Дороги завалены, — коротко пояснил я. — У вас как?

Внезапно я обнаружил, что сложно сказать человеку, вот так, без подготовки, сразу, что мы уже не на своей родной планете, а вообще хрен его знает где. Такие новости следует

сообщать очень аккуратно. Никогда заранее не знаешь, как отреагирует собеседник — может и кукуха поехать.

— Пять двухсотых, больше сотни трехсотых, — ответил полковник. — Очаги возгорания ликвидированы. Электричества нет, связи нет. МЧС-то вызвали или нет?

— Э... нет... замялся я.

— Борис Андреевич, видите ли, какая штука... — осторожно начал Миша, опередив меня. — Мы больше не на Земле.

— То есть как так — не на земле? — недоверчиво переспросил военный, уставившись на свои заляпанные грязью сапоги.

Он даже, для верности, поднял одну ногу и внимательнейшим образом осмотрел подошву. Но ничего подозрительного не обнаружил — обычная грязь с налипшей сухой травой и углем с пожарищ.

— А то ты ничего странного не заметил? — ехидно поинтересовался участковый. — Два солнца, например? Или жару, от которой весь снег растаял? Мы на другой планете, Боря!

Эту новость полковник воспринял на удивление спокойно. Наверно, он и сам прокручивал в голове некоторые странности сегодняшнего дня, и, за неимением лучшего объяснения, пришел к похожему выводу.

— Дядя Боря... — произнес я. — Мы поедем, осмотримся... сколько вообще земли нам осталось...

— Засветло не вернетесь, — покачал головой военный, посмотрев на солнце.

— Но должны же мы знать, кто, кроме нас оказался в такой жопе! — возразил я. — Помощи, похоже, не дождемся!

— Да, — кивнул Семенов. — МЧС сюда долго ехать будет...

— Может, даже пару тысяч лет, — поддакнул Миша.

— Возьмите тогда МТЛБшку, — предложил дядя. — У нее и проходимость получше, да и... за броней поспокойней будет.

Это предложение мы восприняли на "ура". Пока я выгонял с огорода броневик, полковник копался в сарае, а вышел оттуда с тремя укороченными Калашами на плече и тремя подсумками с забитыми патронами магазинами. Капитан, злобно сверкнув глазами, только заскрежетал зубами.

— И много у тебя там такого добра?

— Да всего ничего, — отмахнулся военный, вручая нам оружие. — Так, на старость копил. Вот, пригодилось...

Из дома вышла заспанная Маришка. Завидев наши приготовления, она открыла от удивления ротик и захлопала ресницами.

— Вы на войну собрались?

— Нет, всего лишь поработить человечество, — отшутился я. — Все, поехали.

Машина на гусеничном ходу двигалась по бездорожью намного уверенней УАЗика. Впрочем, я особо не рисковал и ехал преимущественно по дороге, лишь изредка сворачивая, чтобы объехать уж совсем большие завалы. На севере разрушений оказалось гораздо меньше, чем на юге, но когда мы добрались границы земли, маленькое солнце уже клонилось к закату, а большое, хотя и было еще достаточно высоко, света почти не давало. Мы забрались на чудом уцелевший кряж.

И с этой стороны, сколько хватало глаз, простиралось болото. Я осмотрел горизонт

через полевой бинокль, прихваченный из машины. Там, в дымке тумана, виднелись горы. Но до них был добрый десяток километров отвратительной непроходимой болотной жижи.

Поужинав сухпаем, разогрев консервы на таблетках сухого спирта, мы переночевали в броневике. Ночь не была спокойной. Кто-то терся об обшивку снаружи, а поутру на броне обнаружили подтеки слизи — точно такой, в какую я вляпался в УАЗике днем ранее.

Теперь мы поехали на запад. За сутки снег полностью успел растаять и теперь многочисленные лужицы парили на жаре. Тарахтя мотором, МТЛБшка перекатывалась по ухабам, разбрызгивая грязь по сторонам. Мы ехали довольно долго, когда перед нами предстала небольшая долина с водопадом. В центре долины сверкало в солнечных лучах небольшое озерцо — обрушившиеся горы запрудили реку и теперь она разливалась. А на пологом склоне стоял целый замок! Сложенный из красного кирпича, с высокими окнами, забранными решетками, он был больше похож на Алькатрас, чем на жилой дом. К замку вела тополиная аллея, наверно, совершенно чудесно выглядевшая летом. По ней мы и поехали, пока не уперлись в ворота, сваренные из прутьев в палец толщиной, с табличкой "Частная собственность. Проход и проезд запрещен".

— Думаю, в сложившихся обстоятельствах, но это можно начхать, — пробормотал я.

Замок висел с внутренней стороны, но для броневика ворота не представляли серьезное препятствие. Они лишь жалобно звякнули под натиском бронированной морды и гостеприимно рухнули на дорогу. Машина добила их гусеницами и подъехала к самому дому.

Мы даже не успели остановиться, как на террасу выбежал молодой человек в одном халате. Его лицо передернуло от бешенства, возбуждено маша руками, он сбежал по ступеням.

— Вы что, совсем страх потеряли? — завопил парень.

— А ну тихо! — прикрикнул Семенов, выйдя из броневика. — Милиция. Тьфу, блин! Полиция, то есть.

— А документики можно увидеть?

Капитан потянулся к карману, но тот, вместе с курткой, остался в джипе. Тогда он похлопал ладонью по висящему на груди автомату.

— Цевье, приклад и ствол — вот мои документы!

— Да срать я на тебя хотел! — не унимался молодой человек. — У меня дядя — судья! Ты у меня оленей на Северном Полюсе штрафовать будешь!

— А ну цыц! — оборвал парня сильный, властный голос.

На террасу вышел пожилой широкоплечий мужчина в сопровождении десятка крайне несимпатичных ребят, на плечах половины из которых чернела кожа сбруй с кобурами, явно не пустыми, а в руках каждый без исключения сжимал по помповому дробовику. Я положил ладонь на АКС-74У, нащупывая большим пальцем предохранитель.

— Руки с оружия, — приказал мужчина. — А то всех положим.

— Вы охренели что ли? — возмущился капитан, разводя в стороны согнутые в локтях руки. — Я — участковый!

— Участковый? — собеседник наморщил лоб. — А, то-то я думаю, видел тебя где-то! Семенов, так?

— Так, — кивнул он.

Мужчина сделал знак и черные провалы стволов ружей, нацеленных на нас, ушли в сторону.

— Может, хоть ты объяснишь, что за дерьмо тут происходит?

— Хреновое дерьмо тут происходит, — ответил я за капитана. — Мы на другой планете.

— Не понял? — насторожился хозяин замка.

— Чего тут непонятного, уважаемый? Вы же видели два солнца...

— И три луны, — перебил меня мужчина.

— Три луны? — переспросил я.

К своему стыду должен заметить, что за вчерашний день мы так намаялись, что ночью никто не удосужился поднять глаза на небо. Просто набили пузо и отправились на боковую.

— Ну да, три луны... — поддакнул Миша. — И жара. Мы перенеслись на другую планету. Неужели, непонятно?

— Ну, знаете ли... — рассмеялся мужчина. — С современным уровнем технологий и не такие спецэффекты можно показать. Но я вам верю! А что, планета обитаема?

— Теперь — да, — заверил я.

— А что, много нас, землян, перенеслось?

— Вот этого не могу сказать, — пожал я плечами. — Мы пока были только на юге и на севере. Вот, хотим посмотреть, что на востоке, а этот гандон...

— Этот гандон — мой сын!

— Вот я и говорю — этот штопаный гандон не дает нам проехать.

Поразмыслив с секунду, хозяин замка оценил шутку и рассмеялся.

— Поколение ЕГЭ, чего вы хотели? Конечно, проезжайте, но потом и мне расскажете, что там. Кстати, как насчет по стопарику за знакомство?

— Мы при исполнении, — покачал головой участковый.

— Так у меня и закуска есть!

— Нет, — ответил я. — Нам еще нужно посмотреть, что на западе, и вернуться в деревню засветло.

— Тогда не настаиваю...

Расставшись на этой дружественной ноте, мы тронулись дальше.

— Ну и ряхи... — заметил Миша, когда мы были уже на приличном отдалении.

— Это Захаров, — пояснил капитан. — Бывший член ЦК КПСС, после развала Союз пытался заниматься бизнесом, но неудачно. В конце девяностых около года работал в земельном комитете, как вдруг неожиданно разбогател и уволился.

— Небось, наследство получил? — предположил я.

— Наверно, — усмехнулся Семенов.

Так, за разговором, мы достигла края земли. В буквальном смысле. Дальше простиралось бескрайнее пустынное море. Я осмотрел горизонт в бинокль, но так и не увидел ни островка, ни кораблика — ничего, что говорило бы о жизни.

Осталось одно направление — западное, куда мы и поехали. Обогнув деревню, мы спустились с гор. Вдоль дороги шла линия электропередач, а по бокам — поля. Перекопанные, перепаханые, с кратерами явно искусственного происхождения.

Но сама дорога сохранилась на удивление хорошо. Броневик бодро бежал по асфальту, разогнавшись почти до сорока. Очень скоро на горизонте появилось мрачное серое строение, а еще некоторое время спустя мы уперлись в кирпичный забор высотой метра три, с егозой колючей проволоки по верху.

— Это еще что такое? — спросил я у Семенова.

— Metallургический завод, — ответил участковый — Ну как завод... заводик. Еще с демидовских времен тут... езжай вправо, там КПШ.

Я последовал совету капитана и километра через полтора мы, в самом деле, достигли ворот проходной. Самое удивительное — над воротами, под жестяным колпаком, светила самая настоящая электрическая лампа!

Подъехав к КПП, я поинтересовался. Ворота, движимые электродвигателем, чуть отползли в сторону и в образовавшейся брешке показался небритый, лохматый человек в черной униформе с нашивкой "Охрана".

— Кто такие? — поинтересовался он.

— Да я это, я, — высунулся в открытый люк участковый.

— А, Володька... — расслабился охранник. — Может хоть ты скажешь, что за чертовщина тут твориться?

— Тут дело такое... — покачал головой Семенов, почесывая подбородок. — Все так просто и не объяснишь... короче, мы больше не на Земле.

— Да и черт с ним, — замахал руками заводчанин. — Смена-то когда придет?

— Скорее всего — никогда, — ответил я за капитана. — Слушай, а свет-то откуда?

Охранник проследил за моим взглядом и выдал прямой, лаконичный, вместе с тем — весьма логичный ответ:

— Из лампочки.

По просьбе участкового охранник пропустил нас на территорию завода.

Несмотря на почтенный возраст, предприятие оказалось достаточно современным — модернизировалось в последний раз всего лет семьдесят назад, когда эвакуировали какой-то завод с запада СССР. Тогда же на заводе был построен паросиловой цех с двумя британскими турбинами General Electric выпуска 1918 года, обеспечивающий завод электроэнергией. В настоящий момент на заводе присутствовало порядка двухсот рабочих, включая охрану, в большинстве своем предпенсионного возраста, а потому крайне ответственные и дисциплинированные. Так что, недоумевая, почему нет смены и почему не работают телефоны, радио и телевизоры, они, тем не менее, продолжали катать рельсы, выполняя свой священный долг.

Об этом нам поведал начальник смены — Михалыч, едва ли не самый юный из всех заводчан, всего сорока лет. Кстати, после катастрофы, он фактически стал директором завода. И так сильно убивался, что жена и дочка, наверно, сильно переживают, что я не знал, как сказать, что вряд ли они еще когда-либо увидятся. Потому начал издали.

— Пока ехали, я обратил внимание, что у вас все поля вокруг перекопаны...

— Геологи были, — махнул рукой Михалыч. — Копали, бурили, взрывали... хрен его знает, что искали. Но вы, ребята, так и не ответили... что произошло-то?

— Мы оказались на другой планете! — оповестил начальника Миша, у которого с чувством такта была беда.

— Как — на другой планете? — воскликнул заводчанин. — У меня же дочка родит скоро!

— Будешь дедушкой? — улыбнулся Семенов. — Поздравляю! Как зять — нормальный?

— А я знаю? Говорю ж — геологи были...

Повисло неловкое молчание и мы сочли за лучшее свалить, пока никто не брякнул еще чего лишнего. Тем более, что солнца уже клонились к закату, а нам еще предстояло добраться до западного края.

Через пару километров после завода дорога превратилась в беспорядочные нагромождения кусков асфальта и щебня, которые МТЛБшка уверенно вминала в грунт.

С этой стороны Земля кончалась не топью или морем, как с трех других, а степью. Огромным, бесконечным плато. Только в бинокль, далеко на горизонте, я смог разглядеть гряды холмов. Мы прошли по ярко-зеленой, высотой до колена, траве несколько шагов, держа автоматы наготове. Жужжали насекомые, витали бабочки. Вроде как ничего не представляло для нас угрозы и мы были готовы углубиться дальше, но внезапно трава зашевелилась и в проплевине мелькнула толстая, упитанная змея.

Автоматы тут точно бесполезны... ну не уберегут они от опасности, которую видишь в последний момент! Решив не искушать судьбу, мы вернулись на родную землю. Напоследок я обернулся. В траве копошилось еще с полдесятка змей. А высоко в небе парило голубое облако.

Глава 4. Единочество

Очередной сюрприз нас ждал в деревне. Дяди дома не оказалось, но добрые люди подсказали, где его следует искать — на опорнике. Не спешиваясь, как были — на броневике, разгоняя сумерки светом фар, мы въехали на деревенскую площадь. Здесь, в одном месте, всего два дня назад, была сконцентрирована вся социальная жизнь деревни — и опорный пункт милиции, и почта, и клуб, и школа, и местный минисупермаркет, такой элитарный магазин эконом-класса.

Но сегодня площадь походила на декорацию фильма про Франкенштейна. Десятки факелов обрамляли ее по периметру, в центре толпилась кучка селян, некоторые из которых были вооружены. У дверей опорника стояли двое с дробовиками, рядом же тарахтел дизельный генератор, питая лампочку над входом. Внутри тоже горел свет.

— Ну зачем так грубо? — вздохнул Семенов, увидев раскуроченный замок на двери. — Можно было просто достать ключ, — и достал его из-за притолоки.

Опорный пункт представлял собой самый настоящий оружейный склад. На столах, на шкафах, в углах и просто на полу лежало разнообразное оружие и коробки с патронами. В основном — гладкоствольные охотничьи ружья, но присутствовало и несколько карабинов, пара десятков револьверов с пистолетами — преимущественно Наганов, два Маузера, остальные — совсем допотопной конструкции, очевидно, еще с похода Колчака остались. Особенно выделялся огромный, тяжелый пулемет Льюиса с массивным кожухом ствола.

За столом участкового сидела Марина, заваленная бумагами почти до головы, и что-то бойко строчила. Дядя, в своем камуфляже с полковничьими погонами, с автоматом на шее, сидел на подоконнике и задумчиво пускал в потолок кольца сигаретного дыма.

— Это еще что за самоуправство? — возмутился капитан.

— Тихо ты! — цыкнул на него военный. — Проводим перепись населения и инвентаризацию.

Я взял один из листков. Там, красивым, ровным подчерком, значился перечень имен, напротив — дата рождения, образование, род занятий, имеющаяся в наличии техника и оружие.

— Ты, кстати, посмотри, — кивнул полковник участковому. — Все ли оружие сдали. А то я только запасов деда Анисима в курсе.

— А дед Анисим сдал? — поинтересовался Семенов, сгребая стопку листов.

— Принес одну берданку и сказал, что больше ничего нет.

— Да, у деда Анисима хрен что заберешь, — покачал головой милиционер.

Я вкратце передал дяде события последних полутора дней. На все попытки заострить внимание более подробно на каком-то моменте, полковник нетерпеливо махал рукой.

— Дальше, — требовал он. — Детали позже.

На мое удивление, он даже не остановил меня на рассказе про замок, а вот про завод послушал более подробно.

— Вот что, дорогие мои соратники, не побоюсь этого слова- товарищи, — произнес дядя, когда я закончил свое повествование. — Дел у нас много, а времени мало. Там осталось человек тридцать — не больше. Сейчас мы их вместе примем, перепишем, после — шесть часов на сон, а там... а там все узнаете.

На перепись оставшихся ушло еще два часа, причем Семенов успел допросить только четверых, угробив на каждого уйму времени. Но работал он обстоятельно — расспрашивал каждого не только о нем самом, но еще и о соседях, друзьях, знакомых. Одно слово — мент! Со спецификой знаком.

— Ты, Володя, бумагу экономь, — напутствовал Грачев. — Еще неизвестно, сколько запасов у нас.

Наконец, собрав все документы, закрыв дверь опорника на заранее припасенный амбарный замок, дядя отдал распоряжения караульным и приказал отчаливать. Все на той же МТЛБшке, накрутившей за минувшие два дня километров больше, чем за всю ее предыдущую жизнь, мы вернулись домой.

Упав на кровать, я сразу уснул, как убитый. А когда меня разбудил военный, казалось — проспал не больше двух минут. Хотя на деле прошло шесть часов. За окном светало. Полковник достал из сарая ПКТ и, пока мы устанавливали его на башню броневика, облачился в старую парадную форму, еще советского образца, со скрипучей портупеей, надраенной до солнечного сияния бляхой ремня и хромовыми сапогами. На пояс он нацепил огромную деревянную кобуру с Маузером, а ПМ убрал в карман. Погоны, правда, на форме были еще старые, капитанские, и полковник, с большим сожалением, срезал их.

На площади нас уже ждало около пятидесяти человек — мужского пола, в возрасте двадцати пяти — сорока лет. На правом плече у каждого алела красная перевязь. Караульные у дверей опорника (вчераших я запомнил хорошо) были уже другие.

— Это — те, кому я доверяю на все сто сорок семь процентов, — пояснил дядя Боря.

Каждому под запись он выдал по ружью и по пачке патронов, после чего ставил задачи и ополченцы, группами по три-четыре человека, расходились. В воздухе нарастало напряжение. На площадь стекались деревенские жители и беспокойно озирались по сторонам, с опаской поглядывая на вооруженных людей и пулемет броневика. Последним был Данька — паренек лет четырнадцати, которому военный вручил листок, вырванный из блокнота.

— Вот теперь все готово! — резюмировал военный и, оправившись, надев на голову фуражку, вышел из опорника.

Мы, все еще ничего не понимая, но уже догадываясь, последовали за ним. Дядя забрался на броневик, сел на башню и закурил.

На площадь прибывало все больше и больше народу. Теперь уже организованными группами. У некоторых из-под курток торчали деревяшки топорищ, но против полутора десятков ополченцев с дробовиками, окруживших площадь, разве попрешь с топором? Да и мы с Семеновым и Михаилом тоже были не с пустыми руками — на плече у каждого висел АКС-74У. Не говоря уже о пулемете на башне МТЛБшки, который мог охладить пыл любого.

— Ну, кажется все собрались, — полковник отщелкнул окурок и встал во весь рост на броне машины. — Граждане! Не побоюсь этого слова — товарищи! — гаркнул он во всю силу своего офицерского голоса. — Все мы задаемся вопросом — что произошло? Почему вдруг на небе два солнца и три луны? Почему нет ни света, ни связи? На эти вопросы сейчас ответит крупный специалист по непонятным вопросам — Миша Родин.

Для самого Михаила, похоже, такие слова стали полной неожиданностью. Он даже подпрыгнул на месте. Но, несмотря на слабые протесты, полковник затащил парня на броневик. Астроном несколько секунд собирался с мыслями, переминаясь с ноги на ногу, но деваться ему было некуда.

— Насколько я могу судить, мы стали свидетелями уникального события — в последний раз такое случилось сто пятнадцать лет назад, здесь я имею в виду Тунгусский метеорит. Да-да, над нами пролетел самый настоящий метеорит! Суды по характеру взрыва, это был хондрит обыкновенный. Почему я считаю, что это был хондрит? Да потому, что если бы это был железный метеорит...

— Короче, Склифосовский! — раздалось из толпы.

— И правда — ляд с ним, с метеоритом. Почему солнце раздвоилось?

— А! — Михаил поднял над головой указательный палец. — А вот это — вообще необъяснимое пока что явление! Каким-то образом, я пока не знаю, каким, мы оказались на другой планете...

— Как на другой планете? — прозвучал истерический визг. — У меня ж машина в кредите, если я не буду платить — банк заберет!

— Успокойтесь, — жестким голосом произнес дядя. — Дослушайте человека. Мишаня, продолжай.

— Итак, как я уже сказал — мы оказались на другой планете... кстати, солнце на самом деле всего одно. То большое и красное — это не солнце, а вероятнее всего — бурый карлик, субзвездное космическое тело, расположенное на орбите между нами и звездой, в планетной системе которой мы оказались. А вот лун на самом деле три. Опять же, хочу отметить, что термин "луна" — не совсем правильный, поскольку "Луна" — имя собственное...

— Еще короче! — крикнул кто-то.

— Если короче, то нам очень сильно повезло! Ведь мы могли бы оказаться на планете с атмосферой, непригодной для дыхания, а то и вовсе без оной. Или телепортироваться в центр звезды, или просто в открытый космос...

— Повезло — в том смысле, что могло бы быть намного хуже, — пояснил полковник. — А так — мы живы, что уже немало. Теперь мой племянник, Алексей Грачев, вернувшийся вечером с разведздания, расскажет, что нам у нас осталось, и что вокруг нас.

Я уже был готов к такому повороту событий. С разбега, придерживая болтающийся на плече автомат, я запрыгнул на броневик. Заготовленные слова уже готовы были сорваться с языка, но, обернувшись, я осекся. Передо мной, внизу, в десятке метров от МТЛБшки, стоял не менее тысячи человек. Да, они хорохорились, прятали свои чувства за язвительными замечаниями, но в глазах у каждого читался страх. Боялись все. В этот момент я понял, что не боялся лишь потому, что не успел испугаться. Потому, что был занят, колеса крошечный остаток родной планеты.

А каково должно быть полковнику? Ведь я понимал, что у него в голове, какую ответственность он взваливает на себя. Я перевел взгляд на дядю. Но в его глазах светилась одна лишь решительность, которой заразился и я.

— Как уже было сказано, вчера я вернулся из разведки, — уверенно произнес я. — С нами перенесся кусок Земли размером примерно двадцать пять на тридцать километров, плюс-минус чуть-чуть. Кроме деревни с нами транспортировался металлургический завод и... и замок некоего Захарова.

При упоминании этой фамилии лица большинства селян передернуло от брезгливости и отвращения.

— Фига се — повезло... — сказал кто-то.

— С двух сторон нас окружает болото, — продолжил я, игнорируя ропот. — С третьей — море, с четвертой — степь. За степью — горы. Планета, насколько я могу судить,

обитаема. Наличие разумной жизни под вопросом, а вот ползучих гадов...

— Вот! Коротко и ясно, — прервал меня дядя. — Молодец.

Пожалуй, он прав. Я едва не сболтнул лишнего. Не стоило пока говорить, что встреченные по настоящий момент формы жизни вряд ли можно назвать безобидными и дружелюбными.

Одобрительно похлопав меня по плечу, полковник вновь занял место на башне. Стерев пятно грязи с брони подошвой своего блестящего сапога, откашлялся, прочистив горло, и засунул руку в карман, как раз в тот, в который незадолго до этого положил пистолет.

— Товарищи! Как вы видите, ситуация сложилась сложная. И первая задача, которая перед нами стоит — выжить. И не только выжить, но и сохранить то культурное, научное и техническое наследие, что у нас осталось. Но это чуть позже. Сперва — выжить. И ввиду этого я принимаю на себя чрезвычайные полномочия, и объявляю чрезвычайное положение.

— Ты, командир, человеческим языком объясни...

— Говоря человеческим языком — специально отобранные ополченцы пройдут по домам с целью... — военный замялся на секунду, подбирая нужное слово. — С целью национализации продуктов питания, станков, оборудования, транспорта, приборов и оружия, переписи скота и так далее.

Толпа загудела. То тут, то там слышались крики "продразверстка", "раскулачивание" и "хуже Сталина". Заблестела в свете двух солнц сталь топоров и ножей. Защелкали затворы ружей. Загудел электропривод броневика, наводя на толпу пулемет, но пока беря выше голов. Краем глаза я заметил движение в кармане полковника — он снял Макарова с предохранителя. Я разложил приклад автомата и загнал патрон в патронник. Ситуация обострилась — дальше некуда. Казалось, кровопролития уже не избежать, как вдруг...

— А ну — цыц, нехристи! — прорезбезжал в толпе старческий голос. — Заткнулись все, я сказал!

Повисла звенящая тишина. Распихивая селян локтями, добавляя особо нерасторопным клюкой, к броневикам вышел дед Анисим.

— Я говорить буду!

Люди, казалось, даже перестали дышать. Про деда Анисима многое говорили. Приписывали ему и службу в СМЕРШе, и в особом секретном подразделении КГБ еще в те времена, когда то самое КГБ было. Дед появился в деревне настолько давно, что мало кто уже и помнил — когда. И кроме как "дед Анисим" его никто никогда и не звал. Я сильно сомневаюсь, что кто-то знал его фамилию, или, тем паче — отчество. Зато все знали другое. В свои хрен-его-знает сколько лет дед из своего немецкого карабина с оптикой, перестроенного под православный патрон 7,62x54, бил белку с полукилометра. И авторитетом пользовался громадным. Ну кто еще мог настолько нагло заявить давеча, что кроме старой берданы у него ничего больше нет, когда про тот самый карабин в деревне знала каждая собака?

Пожевав губы, устало оперевшись на клюку, дед начал свою речь:

— Я что вам скажу, люди добрые. Бориса я знаю с малых лет. Помню, он с ребятней у меня яблоки тырил, так я ему зарядил солью пониже спины. Так то когда было? Хлопец он добрый и, стало быть, человек надежный. И если он говорит, что вас, буржуев, пора раскулачить — то так тому и быть. Цыц, я сказал! — подавил старик прокатившийся было ропот. — Положеньеце у нас непростое. Ни нам, ни отцам и дедам нашим так туго даже при немце не было. Ведь тогда же все знали, что Красная Армия обязательно победит. А

теперича нам подмоги ждате неоткель. Вы можете, конечно, попрыгать свои закрома, но что потом? Порядок нужен! Андреич — человек военный, полковник, а, стало быть, не дурак. И прыдок при нем будет. А коли порядок будет — то и достаток будет у каждого. Слыхали, чего малец сказал? У нас теперь целая планета! А это значит, что земли у каждого — хоть тыщу гектар будет. И, кто не лентяй — хоть замок себе построит. Но для этого нужен порядок. Я что предлагаю? Мы будем работать — честно, по совести. А Борис нам порядок обеспечит. Ведь обеспечишь?

— Обеспечу, — заверил дядя, вынимая руку из кармана.

— А уж я прослежу, чтобы никто, — дед Анисим поднял высоко вверх скрюченный морщинистый палец. — Слышите? Чтобы никто не баловал!

— А у попа Рендж Ровер тоже экспроприруешь? — поинтересовался кто-то.

— Ну зачем так? — облегченно вздохнул полковник, вытирая со лба пот рукавом. — Автомобиль ему нужен для выполнения своих прямых обязанностей... он же теперь — патриарх!

— Как патриарх? — ужаснулся отец Илья.

— А что, на этой планете есть еще один священник? — усмехнулся высунувшийся из люка участковый.

— А ты тогда, сын мой, получается — министр МВД, — парировал батюшка. — Ведь другого милиционера на планете тоже нету!

Теперь, почувствовав груз ответственности, побледнел и капитан...

Следующие несколько дней были целиком посвящены продрозверстке, сбору и обработке статистики. Национализация происходила, в целом, почти добровольно. Лишь изредка приходилось передернуть затвор дробовика. Если кто-то пытался что-то утаить — помогали соседи, решившие вдруг проявить гражданскую ответственность. Магазин и несколько ларьков были раскулачены в первую очередь. Продукты, компьютеры, принтеры, фотоаппараты, инструменты и все прочее складировали в бывшем колхозном ангаре, обнеся его колючей проволокой и установив круглосуточную охрану. Питание на первых порах установили строго по талонам, которые вручную рисовала Марина, а дядя заверял своей подписью. Собственно, тут и начались первые сложности. Ну да, типа до этого легко было... Если рассады табака в деревне были, то чай и кофе оказались в дефиците. Их занесли в список лекарственных препаратов и выдавали только тем, кому полагался усиленный паек.

Конечно, не все хотели жить честно — случались случаи спекуляции, когда отдельные личности пытались выменять припрятанные запасы на золото. Глупо. Очень глупо! Они не понимали, что золото в этом мире совершенно ничего не стоит.

Впрочем, такие моменты искоренялись сразу — имущество спекулянтов конфисковывалось, а вот что делать с самими преступниками... расстрелять было слишком жестко, лишит свободы — мягко, ведь их все равно приходилось кормить. До принятия решения их просто закрыли в церковном подвале.

Но когда удалось выявить наркоторговца — молодой парень пытался выменять еду на героин, дядя оторвался по полной. Он устроил показательный суд на деревенской площади и расстрелял мерзавца собственной рукой. Стоит отметить, что торговля наркотой после этого прекратилась полностью.

Перепись показала, что в деревне осталось около двух с половиной тысяч человек — 937 женщин, 715 мужчин и 693 ребенка в возрасте до шестнадцати лет. Профессии были представлены самые разнообразные — врачи, геологи, плотники, каменщики, сварщики,

механики и так далее. Даже один браконьер — так пожелал записаться дед Анисим.

В нашем распоряжении оказалось 297 гладкоствольных ружей, 32 нарезных карабина, 14 Наганов, 3 пистолета Маузер, 17 пистолетов ТТ, 3 Люгера, один Вальтер. Некоторое количество короткоствольных образцов идентифицировать никто не смог, настолько древними и редкими они были.

Из более серьезной артиллерии — нашлись два пистолета-пулемета Судаева, один ППШ и один МП-40! Про пулемет я уже упоминал, но, поскольку тот потреблял патроны британского калибра.303, коих в наличии не оказалось, то был совершенно бесполезен. Для остального арсенала боеприпасов хватало. Да, еще оставались и дядины запасы, которые он предпочел скромно не указывать в переписи.

Терпимо дело обстояло и с техникой. 213 легковых автомобилей, 38 грузовиков, комбайн, и 32 трактора, из которых 7 — гусеничных. Мотоциклов — больше пятисот, практически по одному на двор. Это еще не означает, что весь транспорт был на ходу, в перечень попали даже ржавые остовы, которые, кроме как на металлолом, девать некуда. С запчастями, шинами и топливом тоже ситуация, не внушающая оптимизма. Даже с учетом того, что в деревне была АЗС, топливо на которую завезли буквально перед самой катастрофой, а у каждого автовладельца конфисковали не менее канистры бензина, все равно надолго нам его вряд ли хватит.

Еще одним положительным моментом можно считать, что скотины тоже хватало — коров, свиней, даже несколько коз и коней. В сложившейся ситуации, в режиме строгой экономии — даже с избытком. Домашней птицы — вообще без счету.

За то время, что мы наводили порядок в деревне, трава успела позеленеть, а почки на деревьях — набухнуть. Весна в этом году наступила, мягко говоря, рановато. Удостоверившись, что ситуация стабильная, политически и социально выверенная, в сопровождении грузовика с десятком ополченцев, мы нанесли визит на завод.

Вот здесь в самом деле царил разруха. Без должного руководства работяги просто бухали, а этого добра, слава Богу, на Руси всегда хватало. В принципе, это был первый и один из самых значительных политических просчетов. Следовало разделить на две команды, одну оставить в деревне, а вторую отправить сюда на следующий же день после объявления новой власти. Ведь металлургический завод, теперь — единственный на всей планете, представлял собой серьезный стратегический объект.

На предприятии мы пробыли еще два дня, приводя заводчан в чувство и инвентаризируя имущество. В наш автопарк добавилось еще несколько автомобилей и тракторов. Особую радость вызвали два тепловоза и два паровоза. С последними нам повезло особенно — ведь они потребляли дрова, а не солярку! Просто чудом они сохранились до наших времен, стоя в конце депо еще с пятидесятых годов.

Впрочем, главной ценностью был паросиловой цех с турбинами и генератором, мощности которого, по заверениям Михалыча, вполне достаточно, чтобы обеспечить деревню электроэнергией. Основное топливо для котлов — мазут, тоже был в дефиците, но построенные еще в середине прошлого века, они замечательно работали и на угле. Да, запасов угля оставалось меньше, чем на два месяца, и то лишь по причине раннего конца отопительного периода, но в окрестных горах на наши нужды его должно было хватить.

Нашлось применение и арестованным спекулянтам — их отправили на каторжные работы, проводить линию электропередач от завода к деревне.

И вот, уже через двадцать дней после катастрофы, в домах селян появился свет. Тут

притихли даже те, кто пытался высказывать какое-то недовольство. Дядя моментально стал народным героем!

Мне удалось собрать какую-никакую компьютерную сеть, облегчив Марине жизнь — теперь учет припасов велся в он-лайн режиме, избавив ее от необходимости рисовать талоны. Признаться, с бумагой тоже было так себе. На талоны пустили даже картон от упаковок.

Мы наладили радио, играющее, в основном, музыкальные программы. Ну в самом деле, что еще можно было пустить в эфир? Новости, что курочка Пеструха снесла три яйца? Или что корова Буренка дала два ведра молока? Жизнь входила в более-менее привычное русло.

Полковник даже приказал начать посев зерновых, садить картошку, моркошку и прочую снедь. Крестьяне сперва сопротивлялись, утверждая, что сезон еще не начался, дескать, на календаре — только конец марта. В ответ на это дядя пару дней, чередуясь с Мариной, читал по радио выдержки из истории СССР, преимущественно периода коллективизации и индустриализации, после чего селяне поняли, что посевная пора начинается по сигналу зеленого свистка вверх, и, получив на складе под строгий учет семена, надолго увязли на полях и огородах.

Следующим серьезным просчетом стало то, что мы совсем забыли про жителей замка — Захарова и его банду. В одно прекрасное утро по всей деревне оказались расклеены листовки следующего содержания:

"Долой узурпаторов!

Дорогие друзья! Полковник Грачев, в стоворе со своим племянников, взяточником-участковым и ворюгой-попом захватили власть над Вами! Они нагло забрали у Вас все то, что вы копили годами, а многие — и всю жизнь! Они жируют, сидя на шее рабочего класса! Они ведут Вас назад — в коммунизм!

Только я могу обещать Вам светлое будущее, достаток и процветание! Разгоните самозванцев, воткните вилы в их жирные бока, и идите ко мне!

В.П. Захаров"

— Ну, вообще, это статья 109 УК РФ, — заметил Семенов, читая листовку.

— А мне особенно смешно, что возвратом "назад — в коммунизм" пугает бывший член ЦК КПСС, — усмехнулся дядя.

Экстремист тоже сильно просчитался. Если бы такие листовки появились месяцем ранее — эффект был бы непредсказуем. Но сейчас, когда крестьяне видели реальные дела, видели восстановление жизни не на словах, а на деле, то им было глубоко плевать и на листовки вообще и на Захарова в частности.

Все же, как говорится, береженого Бог бережет, и мы усилили ночные патрули. Несмотря на это, листовки продолжали появляться, но те, кто их расклеивал, так и оставались не пойманными. Пока.

К этому времени окончательно выяснилось, что во всем обозримом пространстве, да и за его пределами, мы одни. Одному из деревенских радиолюбителей удалось собрать достаточно мощный передатчик. Эфир безмолвствовал. В дальнейшем мы предпринимали попытки один раз в неделю, с тем же успехом. Если на планете и были еще разумные существа, то не достигшие необходимого уровня развития. Или — наоборот, не считали нас достойными для контакта.

Кстати, о самой планете. В память о той, Старой Земле, мы назвали ее Новой Землей, или попросту Землей — чтобы не путаться, да и ради краткости. Белое солнце назвали

Солнцем, большое и красное, которое, к тому же, полноценной звездой и не было — Аресом. Самая большая луна получила имя Урал, в честь региона, бывшего нашей Родиной, средняя, более всего похожая на нашу Староземную луну — Луна, а маленькая голубая — Челяба. Это я постарался. Хотелось ощущать над головой кусочек того, старого мира, который, вероятнее всего, где-то там, над головой, и был.

Глава 5. Медузы

Захаров, если не считать появления новых листовок, нас более не беспокоил. Конечно, было бы глупостью ожидать, что этим дело и закончится. Просто хотелось оттянуть момент самого крупномасштабного вооруженного конфликта на Новой Земле с момента появления на ней человечества. Ведь у него, там, в замке, пара-тройка десятков вооруженных до зубов головорезов. У нас, несмотря на численное преимущество, хоть какой-то опыт был лишь у дядьки и участкового.

В общем, листовками дело и не закончилось. Однажды ночью я проснулся от звука выстрелов. Если бы это был только сухой треск дробовиков — я бы продолжил сон, решив что ополченцам просто некуда девать удаль молодецкую — за два месяца ничего серьезного не происходило, кроме пьяной пальбы, за которую некоторые лишались усиленного пайка — как минимум. А как максимум — отправлялись выполнять какое-нибудь бесполезное, но ответственное поручение — пересчитывать деревенских собак, или красить телеграфные столбы известкой.

Но в этот раз все было иначе. Треск охотничьих ружей тонул в автоматных очередях, а автоматическое оружие было на этой планете только у избранных... вернее — у назначенных. И все четверо находились в одном доме со мной! И все четверо храпели молодецким храпом.

Поспешно натянув штаны, я засунул в карман пару запасных магазинов и выскочил на улицу. Участковый выбежал одновременно со мной, но дядя оказался всех проворнее — он успел полностью одеться и даже облачиться в бронежилет.

Деревню освещали языки пламени — один дом в конце улицы горел. Навстречу нам из багрового полумрака вышли двое ополченцев, ведущих под руки третьего. Даже при таком тусклом свете была видна кровь, темневшая на его одежде.

— К Марине, — коротко приказал полковник.

Мы поспешили к месту перестрелки, но едва мы приблизились, как были вынуждены вжаться в землю — над нашими головами просвистела автоматная очередь. Ползком, от укрытия к укрытию, мы подобралась к деду Анисиму, спрятавшемуся за поленницей со своим немецким карабином. Которого, по уверениям самого браконьера, у него никогда не было.

— Темно, как в погребке, — пожаловался старик. — Ни мушки, ни целика не видно. Снял только двоих.

— А всего их сколько? — поинтересовался дядя.

— Я насчитал девять человек, — ответил браконьер.

Еще одна очередь заставила нас перекатиться за поленницу. Положив автомат на бревно, я дал две коротких очереди в воздух.

— Помогите! — раздался женский крик. — Не стреляйте!

— Это Валя? — нахмурился дядя.

— Вера, — поправил его участковый. — Да, это она.

Я высунулся из-за укрытия, как раз вовремя, чтобы заметить темную фигуру, тащущую упирающуюся девушку, скрывающуюся в ночи. Я прицелился, но так и не нажал на гашетку — побоялся зацепить заложника. А в следующую секунду заработал мотор автомобиля и

свет фар резанул по глазам.

— Я тебя на суку вздерну, скотина! — заорал дядя.

Ответом стал ехидный смех и несколько очередей из проехавшего мимо внедорожника. Несколько поленьев раскололись от удара свинца, зазвенело разбитое стекло. Джип взревел двигателем и исчез в ночи.

Возле горящего дома осталось несколько трупов и один раненный, который пытался уползти в темноту. Мы не поверили своим глазам — это был деревенский портной! Карточка разворотила его колено, почти оторвав ногу. У него в карманах мы нашли два автоматных рожка и гранату РГД-5.

Допрос не занял много времени — дед Анисим всего лишь клацнул затвором, приставив ствол винтовки к голове предателя, и тот с готовностью рассказал все, что знал. Захаров вынашивал планы захвата власти на планете, дабы создать свою империю — Империю Зла. У него в замке квартировались около полусотни наемников и серьезный запас самого современного оружия. Портной был его шпионом, а листовки вместе с ним расклеивал некто Сомов — бывший владелец трех продуктовых ларьков в деревне. Понятно, что Сомов отрастил зуб на новую власть после реквизиции добра, мотивы же портного оставались непонятны. Впрочем, никто и не пытался его понять — пока селяне тушили пожар, ополченцы арестовали второго предателя и в ту же ночь мы расстреляли обоих.

В результате налета мы потеряли троих убитыми, еще шестеро получили ранения. Кроме Веры, исчезли еще несколько человек. Без какой-то системы, без выборки по полу и возрасту.

— Нафига они сдались Захарову? — недоумевал я.

— Рабы, — ответил полковник. — Там, в замке, у Захарова одни наемники, годные только на то, чтобы стрелять. А кто-то должен готовить, убираться, возводить баррикады. Да мало ли что еще?

— Нормальное такое светлое будущее он уготовил, — прошипел участковый.

Бандиты оставили после себя трех убитых, два автомата АК-74М, один пистолет-пулемет Скорпион чехословацкого производства, пять гранат РГД-5 и значительное количество боеприпасов. Чего хозяин замка добивался своими листовками — понятно. Посеять раздор, организовать переворот в поселении землян. Нападением он достиг совершенно противоположного эффекта — все жители деревни, от мала до велика, жаждали крови бывшего функционера.

Военный объявил Захарова и его приспешников вне закона и утром же началась всеобщая мобилизация. Впервые ополчение получило пистолеты-пулеметы, конфискованные в деревне ранее, лучшие стрелки вооружались винтовками и карабинами. Дед Анисим даже притащил пулемет Максим с двумя цинками патронов к нему. Участковый, давно уже обалдевший от количества нелегального оружия в деревне, просто махнул рукой.

Мы уже собирались грузиться в машины, как на деревенскую площадь залетел Михалыч на ржавом заводском грузовике. Инженер так разогнался, что остановить автомобиль смгла только бетонная опора электролинии. Мужика буквально трясло от ужаса.

— Лететь! — кричал заводчанин. — Смертучая лететь!

Стоит отметить, что двумя днями ранее одна из заводских собак была найдена... мягко говоря — не вся. От нее осталась только шкура и кости, а все внутренности... не знаю, как правильно выразиться — в общем, словно высосаны! От бедного песика осталась только

натянутая на скелет шкура, покрывая слизью, очень похожей на ту, в которую я вляпался в первый день пребывания на планете.

Сталевар был бледен, как смерть и его била крупная дрожь. Осушая большими глотками стакан самогона, Михалыч отбарабанил такую дробь, что лишь чудом не вышиб все зубы. Только после второго стакана, выпитого с такой же легкостью, что и вода, заводчанин оклемался и смог рассказать, что произошло.

— Значит, отправил я Лукина на маслобазу, проверить насос. А сам пошел в столовую, позавтракать, значит. Я видел голубое облако, но откуда ж я мог знать, что это за штука? Раз тут два солнца и три луны — почему б облакам не быть голубыми? Так вот... эх, дрянь какая! Сижу я в столовой, значит, уже позавтракал — пью компот из кураги, как вдруг... облако начало падать! Я не шучу — оно упало! И оказалось, что это не облако вовсе, а медузы!

— Медузы? — переспросил дядя.

— Да! Целая куча летучих медуз! С мерзкими щупальцами! Я закричал Лукину, чтобы он бежал, но он не успел... одна медуза бросилась на него и засосала в себя! Другие мужики побежали выручать Лукина, но медузы сожрали и их! Тогда охрана пальбу устроила, но патронов, сами знаете, у нас негусто. Я приказал всем схорониться, а сам, значит, прыгнул на ГАЗон и приехал к вам. Они еще гнались за мной, морды поганые! Но не догнали! Вот же твари какие! Айда со мной, а то мы еще не все стекла в цехах вставили — они же вовнутрь ворвутся и сожрут всех!

Полковник тихо, но смачно выругался. Возможно, стоило оставить на заводе более серьезный гарнизон, а не десяток человек с двустволками и коробкой патронов на каждого. Но кто же знал-то?

Слава Богу, нам не нужно было много времени на сборы — и все и так находились в готовности. Я, дядя, участковый и Миша разместились в МТЛБшке, а Михалыч, с целым взводом ополченцев, сели в тентованный Урал, и мы отправились.

Примерно в паре километров от деревни нам попалась первая дрянь. Черт, а ведь она и в самом деле походила на медузу! Купол около трех метров в диаметре, насыщенного голубого цвета, с гроздью отростков, растущих из центра, делаая ее похожей на зонтик. В этой штуковине я узнал ту тварь, которую мы увидели в первый же день, на болоте. Только тогда я и подумать не мог, что эта хрень умеет летать!

Впрочем, эта не летала — она неподвижно парила метрах в пяти над поверхностью, как парашют, забывший приземлиться. Рядом на лугу лежала высосанная досуха рысь. Семенов навел на нее пулемет броневика и дал две коротких очереди. Несколько пуль прошили медузу, разодрав ее капюшон. Тварь отчаянно затрепыхалась, пытаясь набрать высоту, но залп картечи из нескольких стволов разметал куски инопланетной фауны по всей поляне.

Несмотря на все мольбы Михалыча поторопиться, мы вышли из броневика.

— Чтобы победить врага, его нужно знать! — мотивировал полковник свое решение.

Клочки купола медузы, упавшие на траву, растворялись прямо на глазах. А вот тельце, истекающее ярко-синей, я бы даже сказал — ядовитого цвета, кровью, оказалось более плотным. Миша неосторожно дотронулся до куска мяса поверженной твари и сразу с криком отдернул руку — в месте контакта красовался огромный ожог.

— Эта хренотень, похоже, ядовитая, — заметил я. — Советую стрелять, не выходя из машин.

Мы двинулись дальше. За поворотом между деревьями мы увидели еще одну медузу.

Она медленно летела над лужайкой, при этом края ее купола медленно колыхались волнами. Отростки свисали так низко, что практически касались травы.

Капитан от неожиданности пустил первую очередь мимо. К канонаде пулемета присоединился треск дробовиков, но было уже поздно. Медуза, резко взмахнув куполом, ушла вверх. Она набирала высоту со скоростью реактивного самолета — сбить ее так и не удалось. Зато дяде пришлось долго кричать, чтобы бойцы не тратили патроны впустую.

Вскоре показался завод. Мы подъехали к самым воротам и я несколько раз посигналил. Но безрезультатно. Открывать нам никто не спешил. Или охранник был мертв, или слишком хорошо спрятался.

Впрочем, для МТЛБшки и эти ворота не представляли непреодолимую преграду. Броневику взревел своим 240-сильным двигателем и снес препятствие. Причина, по которой охранник не открывал, выяснилась сразу — его высушенный труп лежал рядом с КПП. Мы двинулись по дороге вглубь заводской территории. Из окон на нас смотрели испуганные лица металлургов.

И вот, между двумя корпусами цехов, над несколькими бездыханными телами, мы увидели не меньше двух десятков медуз. Пока не прозвучал первый выстрел, эти твари вовсе не обращали на нас внимания. Одни неподвижно парили в воздухе, другие медленно плавали вокруг. Иногда одна из медуз подлетала к луже, опускала в нее щупальца, после чего ее купол, казалось, раздувался, увеличиваясь в диаметре, и она с легкостью взмывала ввысь.

— Постарайтесь не шуметь, — прошептал дядя. — Разберите цели и открываем огонь одновременно.

Тихонько скрипнули, открываясь, люки. Мы выставили стволы автоматов и, по команде полковника, одновременно зажали гашетки. Протрещал громкий залп. Семенов строчил длинной очередью, рисуя узлы трассерами пуль, прошивающих инопланетных созданий. Я бил короткими, по три-четыре выстрела. Пустые гильзы со звоном рикошетили о крышку люка и отлетали в сторону. Одна из них попала за шиворот астроному, который, почувствовав под курткой горячий металл, звонко выругался.

Картечь дробовиков рвала медуз на куски, забрызгивая их телами бетонку и стены цехов. Я сменил магазин. Пули терзали тварей, сбивая их, стучали по блокам стен, рикошетили со свистом. Меньше, чем через минуту почти все медузы лежали на земле. Лишь двум или трем удалось свалиться.

Но над нашими головами висело целое облако этих чудовищ. Перезарядив оружие, мы вышли из броневика. Ополченцы в грузовике замерли, выставив стволы наружу, приготовившись прикрыть нас огнем, если вдруг медузам вздумается напасть.

Мы насчитали двенадцать человеческих тел. Большинство из них представляло собой каркас скелета, обтянутый кожей, как барабан. Но двоих еще не успели высосать — мясо и внутренние органы превратились в желе грязно-кремового цвета, вытекшее наружу, стоило лишь прикоснуться к телам.

— Внешнее пищеварение, — объяснил Михаил. — Как у личинки жука-плавунца. Эти твари убивают жертву ядом, затем впрыскивают во внутренности желудочный сок, ждут, пока он растворит мясо, а затем всасывают эту питательную массу.

— Нихрена себе — питательную, — икнул капитан.

Судя, по зеленоватому цвету лица милиционера, его мутило. Признаться, меня тоже. Покачнувшись, участковый схватился рукой за волнорез МТЛБшки и согнулся пополам. Я был готов присоединиться, но в чувство меня привел крик:

— В укрытие!

Моментально забыв про тошноту, я рыбкой нырнул в открытый люк броневика. Дядя, с несвойственной его возрасту проворностью, прыгнул следом за мной, а Миша с Семеновым забрались в машину через другой люк.

Только мы успели спрятаться в МТЛБшке, как одна из медуз спикировала прямо на броню, обняв вездеход своим капюшоном. Через открытый люк я видел внутреннюю сторону купола, усеянного отвратительными ворсинками, на расстоянии, ближе вытянутой руки, но стрелять не решался — с той же стороны был и грузовик и я рисковал, прошив хищницу насквозь, покосить ополченцев.

Но у тех ребят сомнений не было. Загрохотали ружья. Броневи́к зазвенел, отражая картечь. Я счел за лучшее спрятаться за бортом, сбоку от люка, и как раз вовремя. Только я успел переместиться, как спинка сиденья оказалась вспахана зарядом картечи.

— Придурки, — процедил сквозь зубы полковник.

Когда медуза, наконец, свалилась на землю и звон рикошета прекратился, я рискнул выглянуть наружу. Голубые купола носились над нами в бешеном круговороте. Пулемет в такой ситуации был бесполезен — враг находился выше предельного угла возвышения. В ход пошли автоматы. С неба валились куски мяса и плоти. Еще пара тварей попытались прокусить броню вездехода, но, убедившись в бесплодности своих попыток, сосредоточились на грузовике. Они облепили машину, словно мухи кусок... кусок меда.

Мы опасались перебить ополченцев, но, учитывая, что на нас никто не нападал, вытащили пистолеты и били не торопясь, тщательно целясь, практически в упор. За несколько минут мы уничтожили еще не меньше двух десятков медуз. На этот раз урок не прошел даром — хищники взмыли ввысь и улетели.

Однако перед нами снова встала дилемма. Оставить завод без охраны было рискованно, равно как и деревню. Сюда могли вернуться медузы, а на деревню мог напасть Захаров со своей бандой. Наконец, посоветовавшись, мы нашли разумное решение — оставить заводчанам один автомат, несколько дробовиков и достаточное количество боеприпасов.

Перед отъездом Михаил реквизировал в заводской столовой пустую трехлитровую банку и, орудуя двумя палками, поместил в нее несколько кусков медузы. А, может и нескольких медуз — кто их теперь разберет?

— Это Марине, — пояснил он. — Пусть изучает.

— Ага, — усмехнулся я. — Станет первым в мире ксенобиологом.

Так Новая Земля преподнесла нам первый урок, показав, насколько опасной она может быть, насколько опасными могут быть ее обитатели. Мы вынуждены были в очередной раз вспомнить, что человек — далеко не венец творения, не вершина пищеварительной цепи. Убрать технологии и оружие — так вообще всего лишь корм.

Все же в деревню мы вернулись победителями. Настроение у ополченцев было приподнятое — в крови играл адреналин после битвы, из которой мы вышли победителями.

Но новости, с которыми нас встретил дед Анисим, поохладили наш пыл.

Глава 6. Штурм

Пятеро ополченцев на Крузаке-колхознике ездили на разведку к замку, но были встречены огнем из двух крупнокалиберных пулеметов. Результатом вылазки стал изрешеченный под дуршлаг джип, брошенный на дороге к воротам дома Захарова, и двое убитых. Тогда оставшиеся попробовали зайти с фланга, используя скалы, как прикрытие. Но и тут их ждал сюрприз — сторонники буржуя накрыли разведчиков гранатометным огнем. В доказательство они принесли остатки от 40-миллиметровой гранаты.

— Вот нахрена добропорядочным людям гранатометы? — искренне недоумевал Семенов, подбрасывая на ладони гранату.

— То есть зачем добропорядочным людям крупнокалиберные пулеметы — вопроса нет? — едко усмехнулся Михаил.

Дядя только покачал головой:

— Ну и участковый... не удивлюсь, если в горах еще и танковый батальон спрятан, про который ты и не слышал.

Однако проблема встала серьезная. Ближе километра к замку нам не подобраться, а на таком расстоянии все наше оружие было совершенно бесполезным. Даже с учетом двух пулеметов — ПКТ на броневике и Максима, пожертвованным дедом Анисимом Пулеметную дуэль мы проиграем уже на стадии установки пулеметов.

Все уставились на браконьера. Единственной надеждой был его немецкий карабин с оптикой.

— Чегой-то вы на меня так смотрите? — замахал руками старик. — Я и в лучшие времена больше шестисот метров не стал бы стрелять, а сейчас — тем более. Глазоники-то уже не те.

— Да... — протянул полковник, разминая в руках сигарету. — Была б у нас артиллерия... хотя бы парочка минометов...

— Да хотя бы достаточно пороха и взрывчатки, — заметил астроном, пиная вросшую в землю водопроводную трубу.

— Постой, — щелкнул пальцами военный. — Был бы порох и взрывчатка — что бы это решило?

— Тогда можно было бы собрать что-то типа "Катюши", — ответил Михаил.

— И на сколько она будет бить? — поинтересовался дядя.

— Зависит от заряда и калибра, но я думаю... — парень, беззвучно шевеля губами, уставился в небо. — Думаю, около полутора километров.

— Тогда вопрос решен! — воскликнул полковник. — Пороха у нас — завались, а взрывчатка есть на заводе!

— Еще и взрывчатка! — ужаснулся участковый. — Тут что, все к войне готовились? Откуда она там?

— Михалыч сказал — от геологов осталась, — пожал плечами Грачев. — Так, Миша, сынок, ну-ка, сколько тебе времени нужно чтобы изготовить пусковую установку и ракеты к ней?

— Дней пять-семь, — прикинул астроном.

— Только за эти пять-семь дней господа из замка десять раз успеют захватить

деревню, — мрачно заметил капитан.

— Не успеют, — отмахнулся дядя. — Мы найдем, чем их занять.

Михаил, загрузив в УАЗик ящик с порохом, укатил на завод, а мы отправились осаждать замок. За это время его успели превратить в хорошо укрепленный военный объект. Через бинокль я видел окопы, земляные бурвестры, редуты из мешков с песком. Над двумя башнями замка вырисовывались силуэты 12,7-миллиметровых пулеметов, еще два пулемета ПКМ держали ворота, кстати, восстановленные после нашего визита.

Заметив движение на скалах, защитники замка открыли по нам огонь, но на таком расстоянии мы были в относительной безопасности. Несколько гранат взорвалось, не долетев до наших позиций метров триста, после чего стрельба смолкла — бандиты сэкономили боеприпасы.

Следующие пять дней прошли в незначительных стычках. То дед Анисим пытался достать какого-нибудь слишком наглого негодяя из своего карабина, то Захаровцы постреливали короткими очередями. И то, и другое было совершенно безуспешным.

Зато, оставаясь на безопасном расстоянии, мы полностью окружили замок, и развлекались, освещая ночь сигнальными ракетами.

На шестой день приехал грузовик с пусковой установкой, представлявшей из себя три ряда по пять труб, сваренных вместе и установленных на неуклюжий станок. Весила эта конструкция неслабо и бойцы, затаскивая ее на гору, нещадно матерились, вспоминая все больше Михаила, чем бандитов.

— Дальность даже выше, чем я ожидал, — признался астроном, тоже прибывший на позиции. — До двух с половиной километров. В боеголовках — болты, гайки, чугунные обломки.

— Так это фугас получился! — улыбнулся дядя, довольно потирая руки. — Давайте бахнем!

Установив ракетницу, мы дали первый залп, запустив пять снарядов. Перелет — все ракеты перелетели замок, взорвавшись на противоположном склоне горы.

— Всегда у меня были проблемы с баллистикой, — пожаловался полковник, корректируя прицел.

Второй залп оказался более удачным — четыре ракеты взорвались на площадке перед домом, подняв в воздух комья земли и вырванную с корнем траву, а пятая угодила на террасу. Правда, значительных повреждений она не нанесла — посекала осколками стены да вынесла два окна.

Зато защитники замка зашевелились — по нам начали работать не менее десятка пулеметов, включая оба крупнокалиберных! Пули щелкали по скалам, раскалывая камни и осыпая нас пылью. К счастью, нас надежно закрывал гребень беспорядочно нагроможденных глыб. Мы же могли продолжать расстреливать бунтарей — вот оно, преимущество навесной траектории!

— Андреич, расхреначь им башню! — с энтузиазмом в голосе закричал дед Анисим.

Третий залп накрыл одну из башен замка, на которой был установлен 12,7-миллиметровый пулемет. Кирпичи полетели во все стороны, башня оказалась окутана клубами дыма и пыли. Пока повреждения оценить было сложно, но пулемет замолк.

Бойцы тем временем успели притащить еще ящик с ракетами. На этот раз дядя запустил все пятнадцать снарядов. Роскошный Lexus, стоявший во дворе, превратился в груды пылающего хлама. Ferrari, принадлежавшая, скорее всего, сыну хозяина замка, взлетела,

словно комета, медленно, будто в замедленной съемке, перевернулась в воздухе и рухнула на крышу.

В замке разгорался пожар. Ветер донес до нас панические вопли. Замельтешили фигурки людей с огнетушителями и ведрами в руках. Было самое время нанести решающий удар...

— Ракеты! — закричал военный. — Где ракеты?

— А... их еще нету... — виновато развел руками астроном. — Часа через полтора привезут, вместе со второй пусковой установкой. Я их того...

— Чего — того?

— Отцу Илье сначала завез — освятить. Все, как полагается!

— Ты идиот? — поинтересовался Семенов.

— Сам идиот! — огрызнулся парень. — Святая ракета — плюс восемьдесят к урону!

— Компьютерное поколение, твою мать!

Дядя в сердцах ударил кулаком по трубе ракетницы, за что поплатился ожогом. Но он, похоже, и не заметил этого. Раскрасневшийся, играя желваками, полковник нервно барабанил пальцами по деревянной кобуре Маузера. Наконец, поняв, что в сложившейся ситуации поделаться ничего нельзя, в сердцах сплюнул и закурил сигарету, усевшись на пустой ящик.

Над замком поднимался столб черного дыма. Бандиты боролись с пожаром, причем весьма успешно. Пыль над башней рассеялась, обнажив раскуроченную стену и обвалившиеся перекрытие. От огневой точки не осталось и следа.

Мы только собрались перекусить сухпаем, как в лощину скатился один из ополченцев.

— Они машут белым флагом, — сообщил он.

Пришлось вернуться на позиции. Со стороны замка, размахивая носовым платком, к нам шел человек. Браконьер присел на колени, положив винтовку на камни и прильнул к прицелу.

— Андреич, дай сниму эту падлюку, — тихо произнес он.

— Да подожди ты, — отмахнулся полковник. — Может они сдать хотят?

— Ага, жди! — язвительно ответил Семенов.

Я, за неимением тряпки нужного цвета, взял белую салфетку из брикета сухого пайка и, повесив на шею автомат, встал на ноги.

— Ты куда? — забеспокоился дядя.

— К нему, — коротко пояснил я.

— Да... помешательство у вас семейное, — сочувственно заметил участковый.

— Думаешь, будет лучше, привести его сюда, чтобы он смог оценить наше вооружение и количество? — процедил я сквозь зубы.

Капитан поспешно замолк. Я спустился с горы и встретился с парламентаром на ничейной земле. Им оказался сам Захаров-младший!

— Тебе чего? — спросил я.

— Я буду говорить только с вашими главарями, — надменно заявил тот.

— Ты будешь говорить или со мной, или с Калашниковым, — усмехнулся я, красноречиво похлопав по автомату.

— Ты не посмеешь! Я — парламентар! У меня дядя — судья!

— А у меня дядя — верховный правитель всего человечества на этой планете, — уже рассмеялся я. — Еще кем меня пугать будешь?

— Короче... — Захаров вытер со лба пот платком. — У нас к вам предложение — отец возвращает вам рабов и расходимся краями. Вы забываете про нас, мы забываем про вас. И все живут долго и счастливо.

— А если — нет? — поинтересовался я, поражаясь наглости выродка.

— А если нет — то вот...

Бунтарь протянул мне нечто, завернутое в старую, грязную тряпку. Это могло быть что угодно, включая бомбу. Потому я потребовал развернуть упаковку. Парень продемонстрировал металлическую штуковину, похожую на колесо с шестью лопастями.

— Папа велел показать ее полковнику Грачеву, — улыбнулся Захаров. — Папа сказал — полковник поймет. Папа сказал, что на обсуждение у вас пятнадцать минут. Если согласны на наши условия — запустите зеленую ракету. Если нет — то сегодня вы все умрете.

Опешив от такой наглости, я даже не нашел, что ответить. Бандит сунул мне в руки железяку и, насвистывая под нос, пошел к замку. В полнейшей растерянности я вернулся к своим, передал слова детеныша феодала и продемонстрировал штуковину.

Дядя сразу помрачнел.

— Мишаня, когда там твои ракеты прибудут? — спросил он.

— Примерно через час.

— Что? Что случилось? — забеспокоился Семенов. — Что это за фиговина такая?

— Это хвостовой стабилизатор 82-миллиметровой мины, — ответил за военного браконьер.

— И что? — не понял участковый.

— А то, что такой миномет бьет километра на три — в худшем случае, — пояснил Грачев. — А если нового образца — то на все пять. И живы мы только потому, что враг нас недооценил. Сейчас, скорее всего, как раз устанавливает миномет. Эх, были бы у нас ракеты...

— И что мы будем делать? Сдадимся? — хмуро произнес я. — А завтра они притащат миномет к деревне и разнесут ее.

— Сам понимаю, — буркнул дядя.

— Так, мужики, — забеспокоился капитан.

— А если — на штурм? — предложил Миша.

— Да они перебьют нас, как кроликов!

— Мужики! — почти кричал участковый.

— Да помолчи ты! — цыкнул на него военный.

— Прячемся! — Семенов ткнул пальцем в небо.

Там, вдалеке, клубилось голубое облако. И оно приближалось.

— Вот оно! — щелкнул пальцами Грачев. — Пока медузы будут заниматься бандитами, успеют подойти ракеты. А если нет — с таким прикрытием с воздуха мы штурмуем замок. Это наш шанс!

Как назло, именно тогда, когда они были так нужны, твари приближались очень-очень медленно. Мы даже успели наскоро перекусить. В назначенное время дядя запустил зеленую ракету и мы, взяв оружие на изготовку, вжались в скалы.

Медузы подлетали еще минут десять. Проигнорировав нас, облако зависло над замком и начало медленно спускаться. Первым не выдержал несчастный стрелок из окопа. Он вылез и встал во весь рост, наблюдая диковинное зрелище. Что же... это было последнее, что он видел в жизни. Одна из медуз резко спикировала вниз и бедолага скрылся под куполом.

Раздались вопли, полные ужаса. Загремела беспорядочная стрельба. Несколько сбитых медуз рухнули на землю, но следующими жертвами стали пулеметчики, защищенные на своих площадках мешками с песком только с фронта и флангов, но никак не сверху. Люди в окопах попадали на дно, но и там их доставали щупальца кровожадных тварей.

Из каждого окна дома по хищникам било по свинцовой струе. Захлопали гранатометы. Но где там? Над укреплениями кружило не менее сотни медуз.

К этому времени успел подъехать грузовик со второй ракетницей и новой партией снарядов. Дядя замахал руками, не давая начать разгрузку. Мы погрузились на две машины и поехали к замку.

Пусковую установку установили прямо в кузове автомобиля, что при такой тряске было нелегким занятием. Расстреливая медуз, мы в очередной раз снесли ворота и спешили. Полковник навел ракетницу на замок прямой наводкой и выпустил весь заряд. Расстояние в сотню метров для такого оружия — это практически в упор.

Стены взорвались кирпичной крошкой, в замке запылал новый пожар, с которым уже не так-то легко было справиться — горели все три этажа.

Пока военный поспешно перезаряжал "Катюшу", мы прикрывали его автоматным огнем. Прикрывали не от бунтовщиков, а от воздушной угрозы. И вот пятнадцать стрел взметнулись ввысь. Последовала серия взрывов и на нас посыпался самый настоящий дождь из кусков мяса. Памятуя, как страдал после ожога астроном, мы забились кто куда — в каждую щель. Полковник и сам сиганул под грузовик.

Когда дождь прекратился, я осторожно высунулся из остатков джипа. Осталось всего с десяток медуз, которые поспешно удалялись с поля боя. Бахнул выстрел. Я перекатился, прячась за остов автомобиля. Но стреляли внутри замка. Из окна показалась белая тряпка, но почти сразу скрылась в глубине дома. Прозвучало еще несколько выстрелов — видимо, сторонники капитуляции утихомиривали тех, что хотел стоять до победного. Тряпка появилась вновь.

— Сдаемся! — закричал кто-то.

— Гитлер — капут! — ответил дед Анисим.

Опасаясь подставы, мы не спешили покидать укрытия. Но и не стреляли.

— Выходите по одному! — приказал дядя. — С поднятыми руками и без оружия!

Глава 7. Трибунал

Вскоре перед нами стояло двадцать человек, заложив руки за головы и побросав оружие к ногам. Двое последних держали связанного Захарова-старшего, бывшего в бессознательном состоянии.

— Где его сын? — поинтересовался полковник, ткнув пальцем в главаря негодяев.

— Убит, — ответил один из бандитов, здоровый, широкоплечий детина.

— А наши люди?

— В подвале.

— Они живы, не пострадали?

Бунтовщик только пожал плечами. Оставив ополченцев охранять арестантов, мы с военным и милиционером проникли в здание. Здесь царил полный погром. Особенно было жалко сгоревшую антикварную мебель и картины, частично пострадавшие от пожара, частично изрешеченные осколками. В нашем положении это было бесценное культурное наследие, бездарно потерянное в войне. Там и здесь валялись пустые огнетушители.

В одной из комнат мы обнаружили изуродованное взрывом тело Захарова-младшего.

— Собаке — собачья смерть, — процедил сквозь зубы полковник, смачно сплюнув.

По металлической лестнице мы спустились в подвал. Здесь было, но что посмотреть! Ящики с продовольствием, оружием и патронами, обмундирование, средства связи. Пленники нашлись за массивной стальной дверью, запертой на засов. Люди были напуганы, но в целом держались. Мы отправили их в деревню, где Марина могла обследовать освобожденных рабов. Не помещала бы, конечно, помощь психиатра, курс реабилитации и все остальное, что полагается в таких случаях, только где все это взять на чужой планете?

Чужой ли — вот в чем вопрос. Сейчас — да, Новая Земля была чуждым, неизведанным нам миром, загадки которого мы едва начали постигать. Я уверен — мы не прочли еще даже первую главу, всего лишь открыли первую страницу. И пока все обстояло так, что нам предстоит обжиться здесь, превратив Новую Землю в новый дом для человечества.

Когда мы вернулись на солнечный свет, там нас уже поджидал Михаил.

— Захаров пришел в себя, — отрапортовал он. — Я выделил ему отдельную охрану.

— Куда ему бежать? — пожал я плечами.

— Не в бежать дело. Боюсь, как бы его на клочки не порвали.

Главарь бандитов сидел на газоне, перепаханном недавним боем. Связанными руками он пытался массировать виски. Увидев нас, неудавшийся рабовладелец попытался встать на ноги, но удар приклада одного из ополченцев вернул феодала на землю.

— Я вас недооценил, — покачал головой Захаров. — Нужно было привлечь вас на свою сторону.

— Да, у тебя есть печеньки, — согласился Родин, хрустя трофейным крекером.

— А зачем? — поинтересовался я у экстремиста.

— Как зачем? Это был единственный случай, когда я мог взять в руки судьбу всего человечества! Через несколько поколений мы создали бы расу сверхлюдей, сверхчеловеков!

— С твоими методами долго пришлось бы стараться... — покачал головой дядя.

Ополченцы уже грузили на машины наши трофеи. Сначала — оружие. Мы стали обладателями четырех пулеметов Утес, четырех пулеметов ПКМ, десяти пулеметов РПК-74.

около сотни автоматов, полсотни винтовок, три десятка пистолетов-пулеметов, две сотни пистолетов и полторы сотни дробовиков. Были игрушки и посерьезнее — один миномет Василиск, пять гранатометов РГ-6, двадцать пять подствольников. Гранаты и боеприпасы — без счета. А, кроме того — продукты, медикаменты, амуниция и так далее. В общем, замок оказался самым настоящим армейским складом.

Участковый, по мере погрузки, все больше зеленел, а под конец просто сидел на ступеньках террасы, обхватив руками голову. Пара-тройка десятков незарегистрированных стволов в деревне — это одно, но такая военная база...

— Ну что, — усмехнулся дядя, похлопав по плечу Семенова. — Пойдем искать танки?

Мы открыли двери гаража, и... не знаю, как у других, а моя челюсть со стуком упала на грудь. Капитан с громкими щелчками принялся грызть ногти. В огромном гараже стоял армейский Хаммер, и... нет, конечно, не танк, но близко к этому — БТР!

— Вот зачем добропорядочному человеку... — начал было участковый.

— Уже сто раз слышали, — оборвал его полковник. — Как ты вообще умудрился переаттестацию пройти?

— Что они собирались делать со всем этим на Земле? — присвистнул Миша.

— Нет худа без добра, — развел я руками. — Теперь нам будет, чем встретить медуз.

В деревню мы вернулись далеко за полночь. Само сражение продлилось меньше, чем сбор трофеев. Я добрался до дома и уснул как убитый. На рассвете меня разбудил Михаил и мы отправились в деревенскую школу, где его сестра изучала куски медузы, привезенные с завода.

Марина сидела за столом в кабинете биологии, обложившись учебниками и прочей литературой на интересующую тематику, найденной в школе. Тихо гудел вентилятор компьютера, экран которого отображал какую-то статью про медуз — если судить по изображениям. Соседний стол был полностью заставлен склянками, колбами, пробирками.

От бумаг девушка отвлеклась только после хлопка дверью. Она слабо улыbnулась нам. По мешкам под глазами хирурга я понял, что она не спала уже долгое время.

— Ну, что тут у нас? — поинтересовался астроном.

— Я, конечно, не рыбобиолог... — словно извиняясь произнесла Марина.

— Ихтиолог, — поправил я.

— Ну да, ихтиолог. С уверенностью могу сказать только то, что это — медуза.

— Да ну! — воскликнул я.

— Ну да, — заверила девушка. — Самая настоящая медуза. Ее тело на девяносто пять процентов состоит из воды — потому ее капюшон и начал таять после смерти. Передвигается благодаря выбросу воздуха зонтом. Ну... вроде как реактивное движение.

— Но медузы живут в воде! — попробовал возразить я.

— Это на Земле они живут только в воде. Здесь — и в воздухе тоже.

— А как она летает? — спросил Михаил.

— Если я правильно поняла — то вода в ее организме расщепляется на водород и кислород...

— Хм... не удивлюсь, если наличие кислородной атмосферы эта планета во многом обязана этим созданиям! — восхитился парень.

— ... питается она через щупальца, — продолжала Марина. — Предварительно впрыснув желудочный сок в жертву, а потом — высасывает его. Что еще добавить... по всему эпидермису расположены... — тут девушка открыла одну из книг на странице,

заложенной листом бумаги. — Нематоцисты.

— Чего-чего? — переспросил я.

— Звучит, как венерическое заболевание, — хмыкнул Родин.

— Нематоцисты, — с гордостью повторила девушка. — Клетки, содержащие небольшое количество яда. Чрезвычайно сильного яда. При контакте клетка лопается, поражая жертву. Таким образом, чем крупнее жертва — тем больше площадь контакта, тем больше лопается клеток и тем больше впрыскивается яда, оказывая тем самым большее поражающее действие.

— Какая грамотная штука... — прошептал я.

Всегда удивлялся тому, насколько грамотно устроена природа. Причем, похоже, не только на Земле. Ведь во времена динозавров растения тоже были гигантского размера. Из-за большого количества углекислого газа в атмосфере. Так размер растений был и причиной, и следствием физического состава воздуха! Потом, по мере выделения растениями кислорода, они становились все меньше, пока не приобрели современный вид. Вот такая естественная терраформация! И это — лишь один из немногих примеров!

От размышлений меня отвлек звон церковного колокола. Трибунал, ну конечно! Оставив медуз в покое, мы поспешили на деревенскую площадь.

Здесь собралась почти вся деревня. За сколоченной наспех трибуной стоял полковник в своей парадной форме советских времен, которую он одевал только в особо торжественных случаях. На скамьях слева и справа от трибуны, на скамьях, сидели представители неформального... да какого черта? Уже практически официального правительства Новой Земли — Семенов, отец Илья, дед Анисим, начальник завода. Оставались места и для нас троих.

Между президиумом и зрителями оставили свободное пространство для обвиняемых, оцепленное вооруженными ополченцами. В трофейном камуфляже вместо повседневной одежды с красными тряпками на рукавах они заметно выигрывали. Да и автоматы, заменившие дробовики, тоже смотрелись гораздо внушительней.

Убедившись, что все в сборе, полковник три раза ударил по трибуне рукояткой пистолета, привлекая внимание собравшихся. Прочистив горло, он начал вступительную речь:

— Товарищи! Еще никому из нас не приходилось быть судьей. А сегодня мы — члены особой комиссии чрезвычайного трибунала. Поскольку вина обвиняемых не вызывает сомнений, под вопросом только ее степень, то, дабы не тратить время на бесконечные споры, мы обойдемся без адвокатов. Хочу напомнить, что, с одной стороны, на этой планете ценен каждый человек, а с другой — не стоит забывать, что по вине подсудимых погибло несколько человек. Это — не говоря про попытку переворота, захват рабов и другим... ну...

— Богомерзким и греховным деяниям, сын мой, — подсказал патриарх.

— Хм... да, спасибо, — поблагодарил военный. — Введите подсудимых.

На площадь ввели арестантов. Со связанными руками, что было нелишним, учитывая отчаянность их ситуации, взъерошенных, небритых, с мешками под глазами, что свидетельствовало о бессонной ночи.

— Вы все обвиняетесь в похищении людей, убийствах, вооруженном нападении и государственной измене, — вновь заговорил дядя. — Вы признаете свою вину?

— Забыл про незаконный оборот оружия, — прошептал Семенов.

Капитана все дружно проигнорировали, да он и не пытался заострить внимание на

столь мелком проступке, в сравнении с остальным. И, чего греха таить — спасительном для нас. Скорее, участковый пытался очистить собственную совесть таким замечанием.

— А какая разница? — пожал плечами Захаров. — Все равно расстреляете.

— На такую гниду пули жалко, — раздалось из толпы. — Вздернуть подлеца!

— Не беспокойтесь, — оскалился главарь бандитов. — Патронами я вас обеспечил.

— К порядку! — полковник застучал рукояткой пистолета по трибуне. — К порядку! А то выдворю всех из зала суда!

Народ угомонился, хотя и не сразу.

— Тогда с вас, Виталий Петрович, и начнем. С какой целью вы запаслись таким количеством оружия?

— Там, — подсудимый мотнул головой наверх. — На Земле, я бы ответил на этот вопрос. А здесь... зачем вам это? Я даже больше скажу — радуйтесь, что оно у меня было, а теперь есть у вас. Пока мы видели лишь малую часть силы этой планеты — что еще у нее припасено? Может случиться так, что эти летающие штуки покажутся невинными Хрюшками и Степашками из детской передачи.

На прочие вопросы подсудимый отвечал так же. Пускаясь в рассуждения, иногда стебаясь, но так и не давая прямого, конкретного ответа. Народ на площади уже начал бесноваться, толпу становилось контролировать все сложнее. Чего уж и говорить — у конвоиров у самих руки чесались расправиться с душегубом. Полковник поспешил увести его, и приступить к следующему.

— Белкин Дмитрий Сергеевич, — дядя ткнул в следующее по списку имя.

— Это я, — центр вышел уже знакомый детина.

— Дата и место рождения, род занятий.

— 29 февраля 1980 года, город Тверь, кузнец.

— Ваши функции в замке?

— В где? — удивился сперва он. — А... охрана, только охрана.

— С какой целью Захаров собрал столько оружия?

— Так это и ежу понятно, — кузнец попытался почесать затылок, но этому помешали связанные руки. — Ведь Конец Света обещали. Вот шеф и готовился строить разумное, гуманное общество после него. Он потом жутко расстраивался, когда Конец Света так и не наступил. Га кочергу сел...

— Куда-куда? — переспросил я.

— Забухал, короче... но ненадолго. До того как... короче, как все вот это вот стряслось. Когда вы уехали — тогда, еще в первый день, шеф собрал всех нас. Радостный такой был... речь толкнул. Мол, на нас возложена великая миссия — возродить человечество на новой планете. А вы все там... в смысле — тут, убогие недоумки, не достойные лизать наши сапоги.

— Может, тебя прямо сейчас шлепнуть? — предложил Семенов.

— А я — что? — пожал плечами Белкин. — Я — ничего. Что шеф тогда сказал — то я и передаю.

— Вы участвовали в набеге на деревню и похищении людей?

— Нет, что вы! Можете у других спросить.

— Кто из присутствующих здесь участвовал в похищении?

— Вот он, — наемник кивнул на худошавого блондина. — Остальные были убиты.

— Почему вы... — дядя задумался, формулируя вопрос. — Для чего... тьфу... короче,

почему вы продолжили служить Захарову после катастрофы?

— А кому еще? — с мужицкой простотой ответил кузнец. — Сначала никто не понял, что случилось. А потом... шеф, конечно, скотина порядочная, но я его знаю. А вас-то вообще впервой увидел! Кто его знает, что вы за птицы такие? Это уже потом, после набега на деревню, я понял, что не все так гладко. Но было уже поздно — вы осадили дом.

— Хорошо, — кивнул Грачев. — Увести. Следующий — Воропаев Александр Викторович. Дата и место рождения, род занятий.

— 11 марта 1979 года, город Ижевск, слесарь-оружейник.

— Постой... сможешь переделать Льюис под британский патрон на православный 7,62? — поинтересовался дядя.

— Раз плюнуть!

Дальше вопросы и ответы почти не отличались от предшествующих. Здесь были люди примерно одного возраста, но самых различных профессий. Всех их объединяло одно — их юность, становление личности, приходилась на лихие девяностые, когда каждый выживал, как мог. Можно ли считать это смягчающим обстоятельством? Большинство искренне раскаивались. Некоторые вообще производили впечатление людей обманутых, запутавшихся. Особого уважения вызывала их верность шефу. Стоп, не так выразился... не шефу, а своему долгу, в том виде, в котором они его видели, своим убеждениям, пусть даже и ошибочным.

Вот дошла очередь до последнего — того самого худощавого блондина.

— Яковлев Андрей Джонович?

— Яковлефф, — поправил полковника подсудимый. — С двойной "ф" на конце. Я — американский гражданин.

— Да хоть марсианский, — отмахнулся военный. — Мне до Китая. Дата и место рождения... ну, сам знаешь.

— 7 ноября 1985 года, город Чикаго. Профессия... можно сказать — специалист широкого профиля. И, кстати, я хочу заметить, что все они врут. Я не участвовал в похищении людей, не стрелял в ваших при штурме. Вообще у Захарова я был в гостях и ответственности ни за что не несу!

— Брешет! — заорал дед Анисим. — Брешет — не сойти мне с места! Я его белобрысук шевелюру у пулемета через прицел видел. Эх, жаль, далеко было...

Утомив старика и выслушав показания последнего обвиняемого, суд удалился на совещание. Спорили долго, с пеной у рта. Участковый, браконьер и начальник завода требовали сурового наказания для всех. Отец Илья взывал к христианскому милосердию. Я, мой дядя и Марина с братом настаивали на объективной оценке ситуации и мерах, скорее, исправительного, нежели карающего характера. Конечно, не для всех — приговоры Захарову и американцу не вызывали разногласий. Наконец, после трех часов споров, опустошенной банки бесценного кофе и приконченной пачки сигарет, мы пришли к единому мнению.

Мы вернулись на свои места в президиум, ввели обвиняемых. Зевак на площади стало меньше раза в два — народ устал ждать гласа правосудия и разбрелся по своим делам. Тем более, что любые новости разносились по деревне с молниеносной быстротой. Какой смысл стоять и ждать, когда потом все равно расскажут?

— Захаров Виталий Петрович и Яковлев Андрей Джонович, особая комиссия чрезвычайного трибунала признала вас виновными по всем пунктам обвинения, включая самое тяжкое — государственную измену, — зачитывал приговор полковник. — Вы приговорены к смертной казни.

— Секир башка, — с каменным лицом произнес Захаров.

— Ну зачем так грубо? — покачал головой Грачев. — В средние века вас бы сожгли на костре. На Диком Западе вас бы повесили. Мы — люди цивилизованные, потому вас расстреляют. Приговор будет приведен в исполнение сразу после трибунала.

Главарь бандитов так и продолжил стоять статуей, не шевеля ни единым мускулом. Яковлев же впал в истерику. Он носился в круге охраны, вопил что-то про американского консула, о могуществе звездно-полосатого флага, пока один из конвоиров не успокоил осужденного ударом приклада.

— Благодарю, — кивнул дядя. — Белкин и Воропаев, вы виновны в государственной измене, но трибунал принимает во внимание смягчающие обстоятельства, в частности — вашу непричастность к похищению людей и убийству мирных граждан, а потому вы приговариваетесь к...

— К пяти годам изокуба, — зевнул Михаил, пока военный переворачивал страницу.

Полковник удостоил астронома испепеляющим взглядом, и продолжил:

— ... приговариваетесь к пяти годам каторжных работ на металлургическом заводе. Наказание может быть пересмотрено в случае добросовестной работы на благо общества, положительных характеристик и так далее.

Кузнец с оружейником, ожидавшие более страшного наказания, не смогли сдержать своих эмоций. Воздев руки к небу и радостно завопив, оба упали на колени. Белкин умудрился еще и достать из-под рубахи нательный крестик и целовал его с такой страстью, что святой отец прослезился.

Остальные преступники тоже получили различные сроки каторги в различных местах, исходя из степени их вины, раскаянья и профессий. Все остались довольны. Как говорится — и парни сыты, и девки целы.

Двух главных злодеев препроводили за огороды, где и шлепнули без шума и пыли. Без малейшей жалости, как бешеных собак.

— Нет, ребята, политика — не мое дело, — признался Михаил после процесса. — Вершить судьбы людей для меня настолько сложно, что голова вскипает. Тут и чувства, и законы. И справедливость, чтоб ее. Со звездами проще. Кстати, сегодня вечером могу познакомить всех желающих со своей теорией катастрофы — значительно расширенной и доработанной.

— А почему вечером, а не сейчас? — поинтересовался я.

— Потому что нужно поужинать, а тебя еще и Марина просила зайти к ней, помочь что-то там с компьютером.

— Вот черт, — выругался я. — Девушки, которые знают слова, такие как нема... нама... ну ты понял. В общем, такие девушки меня несколько пугают. Ты же сам неплохо в компьютерах сечешь — почему б тебе не помочь ей?

— Во-первых, она просила именно тебя. А, во-вторых — у тебя нет вариантов. Когда ей нравится парень — шансов отвертеться нету.

— А с чего ты взял, что я ей нравлюсь? — удивился я.

— Я ее знаю двадцать лет, был свидетелем стольких ее романов, что и не счесть. Кому еще, как не мне, знать, кто ей нравится?

И, оставив меня озадаченно чесать репу, с самодовольной улыбкой, астроном отправился восвояси.

Глава 8. Нулевой год

Вечером в деревенском клубе состоялось первое заседание Академии наук Новой Земли. Если честно, большинству селян на него было плевать, да уже и на катастрофу тоже. Они жили, по большому счету, как и прежде. Ну, разве что без телевизора и интернета. Так что зал бы практически пустой. На кафедре, над которой все еще висел советский, красный, серпастый и молоткастый флаг, поднялся Михаил.

— Вот теперь, уважаемые ученые заседатели, я, на основе расчетов и наблюдений, могу представить вам более полную информацию о планете, на которой мы оказались и которую мы окрестили Новой Землей. Ее окружность по экватору составляет порядка сорока пяти тысяч километров, ну плюс-минус. Сила тяготения — чуть более Земной, примерно на пять процентов. У планеты три спутника — Урал, Луна и Челяба, которые, опять же, мы сами так называли. Расстояние до них мною вычислено пока очень приблизительно — настолько приблизительно, что и говорить нет смысла. Далее... я был прав! Прав в том, что второе, как многие его называют — "солнце", большое и красное, и которое мы назвали Аресом, на самом деле не звезда, субзвездное тело, известное как бурый карлик. Радиусом он примерно с наш Юпитер. Ну... наш бывший Юпитер. Хотя внутри и происходят термоядерные процессы, много света от него не ждите. Более тщательно Арес я не изучал, посвятив свое внимание нашей планете... ой, нет, постойте. Скорость полного оборота Ареса и Новой Земли вокруг солнца отличается, так что через некоторое время наступит полное солнечное затмение, когда Арес будет между нами и солнцем, понаблюдав за этим явлением, исходя из его продолжительности, я смогу дать более полную информацию. А еще некоторое время спустя мы будем видеть только одно солнце, которое как раз — Солнце. Чтобы лишний раз не пугаться, предлагаю это название за ним и закрепить.

Продолжительность суток составляет 24 часа 32 минуты и 17 секунд, что несколько больше, чем на родной Земле. Радиационный фон и состав атмосферы мало отличаются от земных.

А теперь я изложу более-менее правдоподобную гипотезу произошедшей катастрофы. Вернее — две гипотезы.

Первая — путешествие во времени. Да-да, не удивляйтесь! Теоретически возможно переместиться в будущее, если двигаться по спирали со скоростью света вдоль бесконечно длинного цилиндра, — при этих словах астроном сделал пальцем круговое движение.

— Подожди, — остановил его Семенов. — А в какую сторону надо двигаться, чтобы попасть в прошлое или будущее?

— Вот ты даешь, капитан! — усмехнулся полковник. — Понятно же, что чтобы попасть в прошлое, нужно двигаться против часовой стрелки, а в будущее — по часовой.

— Э... ну, теоретически — возможно... — растерялся Миша. — Итак, остаточные частицы космической пыли упавшего метеорита послужили именно тем самым бесконечным цилиндром, а взрывная волна дала необходимую инверсию, благодаря чему и было возможно перемещение. Таким образом мы можем находиться в прошлом или будущем Земли.

Вторая гипотеза — так же заслуживает право на жизнь. Она основана на теории кротовых нор, то есть на существовании червоточин в пространстве, через которые

возможно мгновенное перемещение на десятки и сотни световых лет. Таким образом, если сделать допущение, что в это же время, секунда в секунду, над Новой Землей, над этим самым местом, упал метеорит, масса, скорость и размеры которого вызвали взрыв, абсолютно идентичный земному, произошел сдвиг в пространстве, вернее — наложение двух пространственных слоев друг на друга как... ну как если печатать на принтере текст на уже распечатанном листке. Какие-то буквы попали точно друг в друга, а какие-то — мимо, отличаясь от оригинала. Так мы стали теми самыми отличными словами, которые "отпечатались" на этой планете. Вот, вроде, и все... вопросы?

— У меня, скорее, не вопрос, а предложение, — поднял руку отец Илья. — Вот там, на старой Земле, когда вся эта катавасия заварилась, у нас было 15 февраля 2013 года. И мы до сих пор живем по тому, старому календарю. Однако, сейчас это лишено смысла. Так что я предлагаю начать новое летоисчисление, считая этот год — нулевым.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Родин. — Нулевой год... превосходно звучит!

— Все это, конечно, весьма любопытно, — зевнул дядя. — Но не дает ответа на главный вопрос. Что делать? То, что нам жить на этой планете — не вызывает никаких сомнений. Вопрос пропитания более-менее решен, но запасы угля на исходе. С топливом тоже проблемы. Лес у нас только тот, что перенесся с нами — за пределами нашей территории — моря да болота. Так что в первую очередь необходимо решать вопрос обеспечения нас полезными ископаемыми.

— Нужно посмотреть перепись населения, — предложил я. — По-любому здесь, в бывшем горнозаводском районе, найдется несколько геологов и горняков. С ними сделать разведку окрестных гор и равнины с запада — буду удивлен, если ничего не найдем.

— Я думаю, в архивах здесь, в деревне или на заводе, даже остались старые карты геологоразведки, — заметил Михалыч.

— Хорошо, — одобрил дядя. — Инициатива, как известно, наказуема. Так что ты, Алексей, посмотришь перепись, найдешь геологов и с ними отправишься на поиски ресурсов. А ты, Степан Михайлович, перекопай архивы. Если в самом деле будут карты — нашим легче.

* * *

Время понеслось с неумолимой быстротой. Так всегда, когда чем-то занят. Вокруг деревни из камня и бревен мы построили восемь бункеров на случай налета медуз. На каждом дежурила круглосуточная охрана, обеспеченная всем необходимым — оружием, продуктами и даже телефонной линией со штабом Народной Обороны, коим стал бывший опорный пункт участкового. Едва заметив медуз, ополченцы должны были сообщить в штаб, а уж оттуда — по радио, дежурный оповещал всю деревню. О количестве тварей и направлении, с которого они приближались.

"Катюши" мы тоже модернизировали, выпустив несколько установок с ракетами класса "земля-воздух". В первом же бою они отлично себя показали, сбив не менее полусотни медуз.

Нам удалось найти и геологические карты в архивах, и специалистов в деревне и на заводе. Однажды утром, реквизировав МТЛБшку, мы отправились на поиски угля. Как и предсказывал Павел Молодцов — горняк, который работал на заводе, пласты угля не отличались богатством — слои от пяти до пятнадцати сантиметров, лишь один — в

пятьдесят пять. Мобилизовав тридцать человек, хотя после обещания усиленного пайка можно было бы собрать всю деревню, мы разобрали одну из двух железнодорожных веток, ведущих от завода в никуда, перенаправив колею на угольные шахты. Кроме того я реквизировал один из паровозов, достаточное количество вагонов, три отбойных молотка и компрессор с дизельным мотором. Как мы ни старались экономить нефтепродукты, ничего из этого не получалось. Человечество оказалось слишком сильно привязано к нефти. Радовало лишь то, что там, дома, на Старой Земле, запасов нефти осталось, в лучшем случае — на полвека. Здесь, учитывая еще и количество населения — они были практически неиссякаемы. Дело был за малым — найти их.

Вторым делом было найти железную руду. С этой задачей мы тоже справились, проложив туда вторую ветку и отправив на службу второй паровоз.

Еще одной немаловажной задачей стало размещение сталеваров, ибо как вынуждать их и в дальнейшем жить на заводе было попросту бесчеловечно. Для них мы построили в деревне несколько бараков и проложили третью железнодорожную ветку, соединившую завод и поселок, израсходовав все оставшиеся запасы рельс. Только так мы могли обеспечить транспортное сообщение с максимальной эффективностью. Конечно, оставшийся поезд — дизельные тепловозы, мы по ней не пустили, зато, собрав железный лом, смогли отлить катки, на которые поставили один из грузовиков с прицепом, переоборудовав его в некое подобие трамвая.

Планета преподнесла еще один сюрприз — в виде змей, которых мы видели в первый день после нашего "прилета". Они успешно адаптировались к земной траве и расплодились в невероятных количествах. К счастью, ядовитыми они не были, на людей нападали редко, но домашним животным, особенно мелким — кошкам, собакам, овцам, от них доставалось. Пришлось запустить несколько бригад на внедорожниках, которые познакомили инопланетных тварей с земной картечью. Змеи были не в восторге, мы же — наоборот. Их кожа отлично подходила на ремни и портупеи, а мясо оказалось похожим на курятину.

К этому времени успели взойти посеы и дать урожай, которого нам хватило, чтобы упразднить талоны на питание. Впервые прозвучал вопрос экономики и финансовых отношений, но решение этого момента пока было отложено на неопределенный срок.

Мы пережили первые "темные" дни — не фигурально, а буквально выражаясь — Арес, двигаясь по орбите, встал между нами и солнцем, погрузив планету во тьму почти на две недели. Пережили грозные ливни, затянувшиеся еще на пару недель.

Жизнь не просто налаживалась — она наладилась!

В один прекрасный день, когда я отправился с инспекцией на железный рудник, пришлось взять с собой Марину — одного из шахтеров цапнула за ногу змея. Случай был не настолько тяжелый, чтобы везти его в госпиталь, но и оставлять его без внимания было нельзя. Как я уже неоднократно отмечал, на Новой Земле нам дорог каждый человек.

Мы достаточно быстро управились со своими делами и, болтая, возвращались к моей Impreza. Да-да! Мы восстановили дороги, сделав их проходимыми не только для гусеничных вездеходов и полноприводных грузовиков. Местные жители, несмотря на то, что автомобили по-прежнему находились в "госрезерве", а в частном пользовании остались лишь мотоциклы и велосипеды, были нам особенно благодарны. По свидетельствам старожилов, таких дорог здесь не помнили со сталинских времен.

— Леша, можно я задам тебе очень личный вопрос? — спросила девушка.

— Не факт, что я отвечу, но можешь попробовать, — пожал я плечами.

— Почему ты меня избегаешь?

— Я? — удивился я. — С чего это ты взяла?

— В общем...

Но что "в общем" я в тот день так и не узнал. Марина вдруг замерла, а в ее глазах появилось выражение неподдельного ужаса. Я обернулся. Прямо на нас пикировала огромная медуза! Я толкнул девушку, она кубарем полетела на землю, а сам шлепнулся рядом с ней. Чудовище промахнулось. Она пронеслась по инерции еще сотню метров и начала делать разворот, словно ас Люфтваффе, заходя на второй круг.

Я смачно выругался. Кажущееся спокойствие усыпило бдительность и автомат я оставил в автомобиле. Как это часто бывает в критических моментах, я в сотую долю секунды вспомнил не только то, что Калаш лежит на заднем сидении, справа, за креслом пассажира. Память услужливо нарисовала магазинный подсумок, со сломанной клипсой, перевернувшийся на виражах, и зацепившийся за рукоять затвора. С собой у меня был только пистолет и нож.

Запихнув Марину в расщелину в скале, я выдернул и кобуры Макарова, отрепетированным до автоматизма движением снял пистолет с предохранителя, загнал патрон в патронник и перехватил оружие обеими руками. Подпустив тварь на достаточное расстояние я выстрелил — два раза. После — еще три. Наверно, я все же попал, потому как медуза заколебалась в воздухе, притормозив. Прицелившись более тщательно, я разрядил пистолет, выпустив оставшиеся три патрона.

Но где там! Для штуковины такого размера пистолетные пули что семечки. Эффективно бороться с ними можно было или средствами ПВО — это я про наши ракеты, или картечью.

Медуза, завибрировав куполом, кинулась на меня. Отбросив Макарова, я выхватил нож и, опустив подбородок к груди, словно на боксерском ринге, пошел в контратаку. Схватив хищника за щупальце, преодолевая боль от ожога, я кромсал ее финкой, отрезая лоскутки и целые полотнища от зонта чудища.

Дальнейшее я плохо помню. Помню нарастающую ярость, помню боль, помню куски мяса, летящие в лицо. И сверкающий в солнечных лучах клинок армейского ножа. А потом ничего не помню.

Очнулся я в своей постели. Сперва я готов был подумать, что все произошедшее мне приснилось, но забинтованные руки и зудящее от мази лицо говорили об обратном.

— А, очнулся, — услышал я дядин голос.

Повернув голову, я увидел его и Марину. Сложно описать то облегчение, которое я испытал, увидев девушку живой и здоровой.

— Что со мной? — поинтересовался я.

— Фигня, — бодро улыбнулась доктор. — Ожоги, вывихнуто плечо, гематомы. Плечо я тебе уже вправила, на ожоги наложила мазь. Но пару недель придется полежать...

— Так долго! — ужаснулся я. — А медуза? Она мертва?

— Мертва! — рассмеялся полковник. — Да ты ее на ремни для бескозырок настругал! Порвал, как Тузик грелку...

Внезапно дверь распахнулась, с силой врезавшись в стену. В комнату вбежал Миша. Растволкав всех, он схватил меня за забинтованную руку и горячо затряс, заставив закричать от боли.

— Дружище! Спасибо тебе огромное! Не знаю, как тебя благодарить за спасение сестры!

— Не трогай меня, ради Бога! — лишь смог я выдавить из себя.

— Бога! Он хочет поговорить с Богом! Он умирает! — истошно завопил астроном. —

Марина, сделай что-нибудь! Держись, дружище, держись! Не засыпай, только не засыпай...

На выручку мне пришел дядя. Он попросту схватил парня за шиворот и выкинул его за дверь. С секунду поколебавшись, посмотрев на девушку, полковник вышел и сам.

— Спасибо тебе, мой Геркулес, — прошептала доктор мне на ухо, поправляя бинты.

— Почему Геркулес? — удивился я.

— Как — почему? Геркулес же победил Медузу Горгону!

— Насколько я помню, это был Персей, — заметил я.

— Хорошо, Персей победил, — согласилась она. — Но ты — Геркулес! Звучит мужественнее.

При этом девушка посмотрела на меня так, словно сама была готова съесть меня. Или от взгляда Марины, или от новой волны боли, но я вновь потерял сознание. А проснулся с температурой выше сорока. Я слышал, что при такой температуре у людей начинаются глюки, но не верил. Теперь могу авторитетно заявить — оно на самом деле так. Тело сковала невыносимая слабость. Мысли в голове пугались. И это в самом деле пугало. Я слова-то не все мог вспомнить! Тренируя мозг, я пытался складывать, отнимать и перемножать числа, но цифры сопротивлялись, не желая, чтобы я совершал с ними какие-либо операции.

К счастью, благодаря заботе Марины, которая почти не отходила от кровати, лихорадка продержалась всего три дня. Лишь после этого я начал более-менее соображать и связно говорить.

— Борис Андреевич хотел расстрелять ополченцев с шахты за то, что пропустили медузу, — рассказывала девушка последние новости. — Они оправдываются, говорят что она была всего одна.

— Га... а... резинки шпопанные, — выругался я.

— Вначале он хотел их расстрелять, но после решил сослать на десять лет на каторгу.

— Ну, это перебор... — заметил я.

— Да, — кивнула сиделка. — Я тоже думаю, что пяти лет было бы вполне достаточно.

Однако, нет худа без добра. После этого случая шахты и лесопилку тоже оборудовали бункерами, где стало возможным спрятаться от медуз.

Я пролежал в кровати еще десять дней и, больше с целью тренировки мозга, разрабатывал план разведывательной вылазки, или, если угодно — экспедиции по изучению планеты. Раз уж провидение подарило ее нам — глупо отсиживаться на крошечном кусочке родины. Кто знает, что мы найдем там, в неизведанном?

К тому времени, когда я, наконец, встал на ноги, я понимал две вещи. Первая — лучше Марины мне партии не найти. Да меня, похоже, никто и не спрашивал, девушка все решила за меня. Если б я, после всех трудов медика, избрал бы другую — точно проснулся бы с глоткой, аккуратно перерезанной хирургическим скальпелем. И вторая — изучение планеты просто необходимо. Тем более, что план первого похода в неизведанные дали практически полностью созрел.

Глава 9. Поход

На следующий день я изложил свой план на собрании правительства. Мнения, как всегда, разделились.

— А оно нам надо? — засомневался Семенов. — Нам и тут неплохо. Имеет ли смысл подвергать себя опасности и жечь бензин?

— Оно нам надо, — жестко отрезал я. — Ископаемых у нас мало, а вокруг моря да болота, где мы вряд ли что-то найдем. Нам нужно добраться до гор — там, думаю, сырья навалом. Леса у нас тоже в обрез. Наконец, возможно, мы найдем место, где нет медуз. Вряд ли они летают далеко от своего болота.

— И что тебе для этого нужно? — поинтересовался дядя.

— МТЛБшка, оружие, провиант, солыра и люди, — ответил я.

— МТЛБ... — поморщился полковник. — На гусеничном ходу далеко не уйдешь. Возьми БТР — один черт он стоит без дела. Да и вообще — для этой цели транспорта лучше у нас нету. У бронетранспортера есть все — мощный пулемет, броня, восемь ведущих колес, СРДВШ, радиостанция, даже ПНВ. Одна проблема — запас хода... Степан, сможете сварить дополнительные баки?

— Сможем, почему нет? — кивнул Михалыч. — Много?

— Нужно посмотреть, куда из распахать на БТР можно, — задумчиво произнес я. — Хотелось бы иметь радиус не меньше тысячи километров. И запас.

— В самой машине чetyреста двадцать литров — это пятьсот километров по грунту... нужно еще чetyре раза по столько же, — подсчитал полковник.

— Сделаем, — заверил заводчанин.

Лично у меня дядин выбор сомнений не вызывал. Зря, что ли, он был начальником автомобильной службы перед тем, как стать правителем Новой Земли? Да и в целом БТГ меня более, чем устраивал. Не просто так ели хлеб сотни конструкторов и инженеров, создавая этот аппарат! Да и на северах бескрайней Родины, которую, боюсь, мы никогда не увидим, если верить слухам, такие машины очень любят. Именно за надежность, неприхотливость и проходимость.

Конечно, броневик стоило проверить — опрошенные по второму разу бывшие боевики, а ныне — каторжники, так и не смогли припомнить, когда Захаров проводил его обслуживание в последний раз. Мы фактически заново перебрали двигатель, трансмиссию и ходовую. Проверили системы вооружения. КПВТ калибра 14,5 мм мне тогда показался крупноватым, но практика показала, что и такому оружию на этой планете найдется применение. Выкинули ненужное, на наш взгляд, оборудование, типа средств РХБЗ. Внутри разместили емкости для воды. Топливные баки, сваренные грубо, но надежно, установили снаружи, наварив поверх еще и решетку из прута, сразу придав машине жутковатый, постапокалиптический вид. Существенным минусом оставался комфорт салона броневика, но чем-то приходилось жертвовать. Печально, но в жертву, ввиду смещения центра тяжести из-за баков, была принесена и плавучесть. Оставалось надеяться, что водные преграды преодолевать не придется. В качестве разведчика на нос прицепили еще и кроссовый мотоцикл с крохотным 125-кубовым мотором.

Запаса горючего должно было хватить на две с половиной тысячи километров,

продовольствия, основную часть которого составляли армейские сухие пайки ИРП-1 — на тридцать дней. По шоссе БТР развивал скорость до семидесяти километров в час, по пересеченной местности — тридцать. Но мы не в гонках собирались участвовать.

Для большей уверенности отец Илья провел службу, освятив броневик. Так оно поспокойней как-то.

Тем временем я продолжал подбирать экипаж. У меня уже был список из четырех имен:

Командир — Грачев Алексей.

Навигатор — Родин Михаил

Геолог — Молодцов Павел

Механик — Белкин Дмитрий

Да, не удивляйтесь! Я включил в экипаж бывшего бунтовщика, нынешнего каторжника — Белкина. И сделал это по ряду причин. Кроме крепкого телосложения и недюжинной силы кузнец оказался еще и отличным механиком. Руки у него росли оттуда, откуда надо. Казалось, нет такой штуковины, которую он не смог бы починить. Такой человек в походе в неизведанное был нужен, как воздух. Ну, еще меня подкупала его беззлобность и преданность. Огромный, как гора, Дима походил на плюшевого мишку, а вовсе не на конченного упыря. От парня так и веяло некой добротой. Стоит добавить, что прослужив несколько лет в охране Захарова, Белкин отлично стрелял!

С последним, пятым членом, у меня не заладилось. Хотелось взять еще кого-нибудь, знакомого с оружием не по картинкам, а таких людей оказался дефицит. Нет, они были. Тот же дед Анисим, но от кандидатуры браконьера я сразу отказался ввиду возраста. Мы планировали нагряться в неизведанное, туда, где еще не ступала нога человека. И никто не мог предсказать, с какими испытаниями на придется столкнуться. А старик, чего греха таить, был староват. Кандидатуру Семенова я тоже отверг, но по другой причине — причине характера участкового. Да, с ним весело выпить, с ним можно общаться день-другой, но провести вместе тридцать суток в одной консервной банке... кто-то точно будет застрелен.

Оставался один вариант — дядя. Вот уж человек, в котором я был уверен во всех отношениях, даже больше, чем в себе. Но полковнику нельзя было покидать островок человечества. На нем держалась вся власть, весь порядок, вся организация всех процессов в деревне. То есть и этот кандидат отпадал.

Оставив неоконченный список на столе в штабе, я куда-то вышел, а когда вернулся, внизу ровным, красивым подчерком было дописано:

Полевой врач — Родина Марина.

Сколько мы с Михаилом не бились, девушка оставалась непоколебимой, как скала. Упрямая, как черт. И, что немаловажно, она приводила разумные доводы! В частности — то, что в экспедиции нам жизненно необходим врач. А тут, в деревне, останется местный фельдшер и еще парочка медиков, пусть и достигших пенсионного возраста, но, ввиду необычной ситуации, вынужденных вернуться в строй. К тому же Марина не зря была дочерью военного. Пока ее сверстницы играли в куклы, она проводила время с отцом на полигоне. А вместо погремушек над ее кроватью висели пустые гильзы. Проще говоря — девушка недурно стреляла. И, чего греха таить, мне было чертовски приятно, что она будет рядом со мной.

Проведя последние проверки, убедившись, что каждый член экипажа может водить броневик, стрелять из бортовых пулеметов и устранять элементарные неисправности, мы стартовали.

БТР на высокой скорости преодолел земной участок территории, пересек железнодорожную линию, ведущую на угольную шахту, и ступил на инопланетную равнину. Первые несколько километров еще попадались земные растения, с гораздо большим успехом отвоевывающие у иноземного мира пядь за пядью, нежели их разумные соотечественники. Вскоре они исчезли, а еще чуть позже позади осталась и последняя колея, проложенная ранее гусеницами МТЛБшки во время наших предыдущих вылазок. Перед нами лежали неведомые дали. И от осознания вот этого — неведомого, дух захватывало. Мы, подобно Колумбу, Магеллану, де Гаме и Куку отправлялись открывать новые земли! Правда, последнего слопали туземцы, но я старался не думать об этом. У Кука не было бронетранспортера и пулеметов.

Легкий западный ветерок расходился рябью по траве. Грунт оказался твердым и на удивление ровным. Степь расстилалась вокруг, насколько хватало глаз, а дальше на западе плыли редкие облака. Не голубые облака, сотканые из медуз, а самые обычные, белые облака, представляющие собой капли водяного пара.

— Куда рулить? — поинтересовался я у Михаила.

У Новой Земли оказался такой же постоянный магнитный полюс, что и у старой, так что мы могли пользоваться простыми и привычными компасами.

— Строго на запад, — ответил навигатор. — А там посмотрим.

В полдень мы остановились на обед. Стояла страшная жара — под тридцать пять градусов. Родин заверял, что для тех широт, в которых мы оказались, это нормально. Вообще, учитывая, что наклон оси Новой Земли незначителен, смена времен года здесь не бывает столь яркой, как на нашей прежней планете. Зато экваториальные территории вряд ли пригодны для жизни, ввиду высокой температуры. Как и оба полюса, но по обратной причине.

Мы разогрели консервы на таблетках сухого спирта, с аппетитом перекусили и уже попивали кофе, как вдруг заросли зашевелились и оттуда выскочила огромная змея — толщиной с руку, длиной не меньше семи метров. Натуральная анаконда! Проиригнорировав нас, она ринулась вперед и впиалась в переднюю правую шину броневика. Та тотчас начала оседать с характерным шипением.

— Вот дрянь! — выругался Белкин, хватая автомат.

— Не испорти ее! — запищала Марина.

Но ее никто не слушал. Кузнец, огласив окрестности, наверно, впервые в истории, громом выстрелов, пригвоздил гада к земле, разбрызгав внутренности змеи в радиусе пяти метров.

— Всегда говорил, что еда всухомятку вредна для организма, — пошутил Молодцов.

Дима попытался разжать челюсти гадюки, но даже человеку его силы для этого понадобилась монтировка. Разбортовав шину, мы все обалдели. Змея не просто прокусила насквозь резину вместе с кордом, но и умудрилась почти оторвать кусок покрышки! Страшно представить, что случится, если такая дрянь вцепится человеку, например, в ногу. Откусит, даже не поморщившись!

К концу третьего дня мы проехали уже три сотни километров. Местность менялась — вместо равнины мы ехали по холмам, поросшим не только травой, но и кустарником. Мы остановились на ночлег и вылезли из броневика, дабы поужинать.

Но Павел повел себя странно. Поведя носом, он, как загипнотизированный, пошел прочь от машины. Захватив автомат и махнув Михаилу, я пошел за ним. Впрочем, через пару

сотен метров Молодцов остановился около небольшого маслянистого болотца со скудной растительностью — лишь кое-где из воды, затянутой радужной пленкой, торчали пучки травы ржавого цвета. Геолог присел у края болота, зачерпнул рукой воду, понюхал и попробовал на язык.

— Ты сбрендил? — шепотом спросил я.

— Нефть, — ответил он. — Причем на небольшой глубине!

Зафиксировав место, отметив его на маршрутной карте, на следующее утро мы продолжили путь. Холмы были все выше и круче, вынуждая нас объезжать их. И вот, за очередной грядой, перед нами предстала могучая горная гряда с вершинами, покрытыми снегом. Центральная оказалась особенно хороша — ее размеры просто поражали воображение! Черная, как ночь, с ослепительно белой снежной шапкой, с такого расстояния она выглядела геометрически идеально правильной! Пик горы вовсе скрывался за облаками! Мы единогласно решили назвать вершину пик Грачева. Ну, может не совсем единогласно, а после некоторых споров... но факт остается фактом. Мне хотелось увековечить память о дяде на Новой Земле, чтобы будущие поколения знали, кому обязаны тем, что они вообще есть. И меня радовало, что моя фамилия точно такая же!

Михаил сделал прикидку, высчитал высоту пика и присвистнул:

— Ого! Не меньше двенадцати тысяч метров!

— На три километра выше Эвереста? — уточнил я.

— Ага, половина марсианского Олимпа, — добавил астроном.

Мы двинулись к подножью гиганта, лавируя между холмами. Вдруг местность резко пошла под уклон и мы оказались в широкой долине с широкой рекой. Вдоль ее берегов росли невысокие деревья. Из всего, что мы видели ранее, они более всего походили на земные деревья. В память о родном крае, мы назвали реку Миассом. Конечно, она сильно отличалась от той речушки, что протекала через родной Челябинск — намного шире и, скорее всего — глубже, с крутыми берегами. Для нас река стала первым серьезным препятствием. Ведь мостов тут нету, броды не изведаны.

Отцепив от броневика мотоцикл, мы отправили Белкина на разведку. Повесив на спину автомат, кузнец умчался вниз по течению. Потянулись мучительные часы ожидания, окончившиеся... ничем! Дима вернулся с плохими новостями. Там, дальше, Миасс еще шире и глубже. Оставалась слабая надежда, что вверху по течению удастся найти место для переправы, но в ночь я не рискнул отпустить разведчика. Кто его знает, кто тут может бродить? Та анаконда, слопавшая шину, была еще свежа в памяти.

Мы решили продолжить изыскания утром.

Нарубив ветвей, наша компания впервые за всю экспедицию развела настоящий костер, выбрав для этого группу камней, расположенных в виде прямоугольника. Дрова весело трещали, поедаемые огнем, я выгребал ложкой остатки кабачковой икры из жестяной банки — могу съесть тонну этой дряни, настолько я ее люблю. Окончив трапезу, я повернулся к углу, намереваясь поставить туда пустую тару, как вдруг обратил внимание, что угол уж слишком правильный для природного образования. Включив фонарик, я заметил швы между камнями.

— Твою мать! — восхищенно выругался я.

Это было не просто нагромождение камней, а стена, сложенная из прямоугольных блоков. Да, это было невесть когда, от стены, да и вообще от строения осталось очень немного, но сомнений не было — на этой планете существовал разум!

Сместив луч фонаря вниз, я обнаружил кучу обсидиановых осколков, один из которых был обколот в форме лаврового листа. Причем, это не было игрой природы или воображения — осколок сохранил следы механической обработки. Вне всяких сомнений, это был наконечник от стрелы!

Глава 10. Черти

Я подозвал остальных и показал свою находку.

— Может это игра природы? — предположил Миша.

— Да уж, конечно! — возразил я. — Ты посмотри на эту стену, эту и эту. Не кажется ли тебе, что слишком правильная какая-то и постоянная природа? К тому же блоки и связующая смесь разнородны — сомнительно, чтобы в природе такое встречалось! А на наконечнике отчетливо заметны следы обработки.

— Тем более это — нонсенс! — стоял на своем астроном. — Уровень развития тех, кто строил это сооружение, и тех, кто делал наконечник — отличаются на пару-тройку десятков тысяч лет!

— Подождите, — очнулся кузнец. — Вы хотите сказать, что здесь есть люди?

— Совсем необязательно, — отмахнулся Михаил. — Разум может существовать не только в человеческом теле. Но, определенно, это сделал кто-то с руками.

— И с головой, — добавил Павел.

— Факт, — согласился я.

— А если это сделали люди с Земли? — предположила его сестра.

— Ага, древние египтяне, — усмехнулся парень. — А потом пришли неандертальцы и всех порешили. Нет, сомневаюсь. Если бы это были наши современники, то, даже оставшись без наших технологий, использовали бы другие методы.

— А вы обратили внимание, что наконечник гораздо более свежий, чем постройка? — заметил Молодцев.

— Так или иначе, но нам стоит быть настороже, — подытожил я. — Не хотел бы я, чтобы в меня воткнулась такая штука.

— Осколки из раны удалять устанешь, — поддакнула Марина.

Мы удвоили ночные караулы, подкорректировав расписание дежурств. Так время ночлега несколько увеличилось, но уменьшился риск не проснуться вовсе. Я проверил пулеметы на башне, фары и прожекторы. Все системы функционировали нормально.

Первыми на караул заступили мы с Михаилом. Он поднялся на башню, а я сел на кресло водителя. На душе было тревожно. Я загнал патрон в патронник автомата, а рядом положил пару запасных магазинов.

— Не спишь? — услышал я громкий шепот навигатора примерно через полчаса.

— Нет, что ты, — соврал я. — Конечно не сплю.

— А я начал засыпать, — признался он. — Наверно, нужно было меньше есть на ночь.

— Наверно, — зевнул я.

Но через секунду мы оба окончательно проснулись. Совсем рядом от нас в темноте прозвучал оглушительный крик, похожий на трубный рев слона. Я сквозь броню корпуса почувствовал огромное существо... даже не огромное, а гигантское, проходящее мимо.

— Т... ты слышал? — заикаясь, прошипел Миша.

— А то! — ответил я.

— Что это за хренотень такая? Включить свет?

— Тебе что, жить надоело?

Скрипнула броня — что-то шаркнулось о нас снаружи. Я нащупал автомат и положил

большой палец на рычаг предохранителя.

Главное, чтобы Михаил ничего не делал. Затвор КПВТ грохочет похлеще выстрелов. Да и электропривод башни нехило звучит. Если эта штука там, снаружи, услышит что-то, или почует, нам гарантированно наступит кирдык.

А я и предупредить навигатора не мог! Если я слышу дыхание этой дряни, то она тем более услышит меня, даже шепот!

— Оно прошло, — тихо произнес парень.

— Где оно? — поинтересовался я.

— Прямо по курсу.

Поколебавшись некоторое время, я приткнулся к окуляру ПНВ и включил инфракрасный прожектор. В серо-зеленом свете я увидел огромную тушу, ростом не меньше пяти метров, со спиной, увенчанной массивными зубчатыми гребнями. В длину эта штука была около двадцати метров и это — без хвоста, который волочился за ней по земле!

Чудовище остановилось. Оно повернуло на нас свою голову — плоскую, длинную, как у крокодила. Зубов с такого расстояния я не видел, зато отчетливо разглядел три коротких, но острых рога — два на голове, и один на носу.

Штука начала разворачиваться на нас. И тут я понял! Оно почувствовало излучение от ИК-фары! Я поспешно выключил прожектор. Затворы башенных пулеметов прогрохотали самым настоящим громом в ночной тишине. Я благословил тот момент, когда поленился демонтировать 14,5-миллиметровый пулемет с бронетранспортера, посчитав его лишним и бесполезным весом, но сейчас его огневая мощь, равно как и броня машины, не казались мне недостаточными.

— Не стреляй, — паническим голосом прошептал я. — Пали только если ринется на нас.

Я сам приготовился запустить двигатель и дать отсюда во весь опор. Как вдруг до меня донесся облегченный выдох астронома.

— Оно ушло.

— И слава Богу, — произнес я, вытирая испарину со лба. — Ты покрутись, посмотри по сторонам, может рядом есть его кореша.

По звуку электропривода я понял, что Михаил выполняет приказ. Вдруг до меня донесся приглушенный возглас:

— Иди сюда.

Я бросился к навигатору и мы практически столкнулись лбами — он освобождал для меня место в башне. Чертыхнувшись, я прильнул к окулярам прицела. Но ничего необычного не замечал.

— Видишь?

— Нет, — признался я.

— Да как? Ты куда вообще смотришь?

— В заросли.

— Да нет! Смотри на горы! Там, вдалеке...

Тут ахнул и я. Там, в горах, горели костры. Десятки костров, которые временами заслонялись телами. Вот где живут те, кто изготовил наконечник из обсидиана! Словно загнипнотизированные, мы наблюдали за зрелищем, периодически меняясь в башне.

Так нас и застал конец смены. Разбуженный Молодцов никак не мог успокоиться.

— Почему меня не разбудили? Я тоже хочу увидеть эту штуку!

— Это крайне подло с вашей стороны, — поддержала его Марина.

— Пока эта штука была рядом, я боялся кипиша. — ответил я. — Ты уж поверь — наша броня для него не проблема. А потом оно ушло.

— Да ладно, еще и не такое увидите, — заверил Михаил.

Приказав стрелять только в случае крайней необходимости, я уснул. Но проспал не больше часа. Грохот крупнокалиберного пулемета и резкий рывок тронувшегося бронетранспортера разбудили меня. Машина стартанула с места так резко, что едва не встала на дыбы.

— Что случилось? Почему едем? — возмутился я.

— Степной пожар. Трава горит.

— А стреляем, стало быть, чтобы ее потушить? — сделал смелое предположение навигатор.

— Стреляем в тех, кто ее поджог, — ответила девушка.

Я выглянул в бойницу. Над верхушками кустарника быстро двигались фигуры, весьма и весьма напоминавшие человеческие.

— Люди? — удивился Михаил.

— Нет, черти!

Я хотел было посмеяться шутке, как вдруг, словно специально для того, чтобы оправдать меткость определения доктора, одно из этих созданий появилось метрах в ста перед нами на открытом пространстве. Оно в самом деле походило на черта из старых сказок! Абсолютно лысая голова с приплюснутым носом, острыми, прижатыми к голове ушами. Из черепушки, ближе ко лбу, торчали два... два рога! Не бараньих витых рога, как любят рисовать американцы, но и не козлиные рожки, как издревле изображали на Руси. Рога черта больше напоминали бычьи — не слишком длинные, но прямые, острые и массивные. И кожа... да, его кожа — она была совершенно красной! Красной, как... как советский флаг — больше не знаю, с чем сравнить. Влажная от пота, она блестела в свете огня пожара, добавляя лишь большее сходство с существом из детских страшилок.

Вот так волей-неволей задумаешься о том, что байки личностей, которых принято считать психически неуравновешенными, про то, что инопланетные цивилизации в древности посещали Землю, найдя отражение в культуре — вовсе не байки, а чистая правда.

Существо сидело на другом существе — черном, как смоль, с огненно-рыжей гривой и хвостом. Я бы сказал, что это конь... определенные сходства присутствовали, правда морда была более вытянутой и в передней части туловища выделялся небольшой горб.

В левой руке черт сжимал связку палок. Когда мы поравнялись с конем, животное шарахнулось в сторону, выбив копытами клубы пыли, а наездник, схватив одну из палок правой рукой, метнул ее в броневик.

— Дротик! — воскликнул я.

Снаряд со звоном от ricochetил от брони и отлетел в траву.

— Быстрее! — раздался истошный крик в глубине бронетранспортера. — Огонь догоняет нас!

— Я и так жму на полную! — ответил Паша. — Огонь близко?

— Метрах в трехстах. Ветер гонит его за нами.

Подпрыгивая на ухабах, БТР продолжал мчаться вперед. Черти исчезли.

— Как все произошло? — спросил я Марину.

— Мы разговаривали о чудовище, которое вы видели. Вдруг Павел заметил сзади

костры. Только он успел сказать это, как к нам, размахивая копьями, бросилась сотня этих полудурков. У некоторых, кажется, были даже луки. Мы начали отстреливаться и погнались.

— Огонь настигает! — прокричал Миша.

Подхваченные ветром искры обгоняли броневик, зажигая все новые очаги, которые приходилось объезжать.

— Паша, прибавь газу!

— Куда прибавь, по такой-то дороге? Если полетят полуоси...

— Направо, вертай направо! — перебил его Дима. — Там песчаная коса.

От резкого поворота мы покатались кубарем по полу машины — Молодцев заложил крутой вираж. Бронетранспортер промчался по полосе рыжеватой сухой глины, лишенной всякой растительности, и на полном ходу, подняв сноп брызг, вошел в воду. Нам повезло совершенно случайно найти брод. Урча двигателем, машина форсировала преграду и, выплеснув часть реки на сушу, выбралась на другой берег. Прокатившись еще чуть-чуть, геолог остановил БТР и, выпустив из рук штурвал, устало откинулся в кресле.

Наше положение значительно улучшилось: вокруг, насколько хватало глаз, простиралось пустынное пространство, на котором наше оружие обладало значительным преимуществом. Копья и стрелы с обсидиановыми наконечниками, по большому счету, и так не могли причинить нам большого вреда. Вряд ли они смогли бы пробить даже самое уязвимое место — шины. Ну а то, что кто-то из этих чертей на скаку сможет попасть в амбразуру из лука было просто невероятным. Такое не под силу ни Робин Гуду, ни Вильгельму Теллю.

Взяв бинокль, я открыл люк и высунулся наружу. По другому берегу, спасаясь от огня, катилась живая волна странных зверей — самых причудливых форм и размеров — от кролика до крупной собаки. Ближе к воде, очевидно, натолкнувшись на влажную растительность, огонь начал угасать. Подальше — пламя ушло далеко вперед, достигло густой рощи, где деревья, яростно треща, запылали, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Из леса, щелкая зубами, пытаюсь поймать языки пламени, как собака ловит блок в своей шерсти, вырвалась огромная туша. Я не сомневался — это или ночное чудовище, или его собрат. Теперь я смог разглядеть его как следует.

Общими чертами зверь сильно смахивал на динозавра — во всяком случае на тех, что рисуют в учебниках. Его зубчатый хребет заканчивался длинным, толстым хвостом, усаженным шипами. Тело покрывала матовая зеленая чешуя. На вытянутом носу торчали два рога — передний, длинный, и задний, покороче. Голову венчало еще два рога. Когда ящер обернулся, чтобы лизнуть ожог на боку, я увидел его красную пасть, усеянную огромными, острыми, загнутыми назад клыками, и длинный красный язык.

В тот же миг рядом с чудовищем появилось полтора десятка всадников, вооруженных луками. Стрелы посыпались на животное самым настоящим дождем. Но и оно не оставалось в долгу — повернувшись ящер ринулся на своих врагов. Те увертывались с удивительной ловкостью, демонстрируя отличное взаимопонимание между конем и всадником, действуя как единый живой организм. Только это, ну и еще скорость, и спасало их от зубов монстра. Чудовище, несмотря на размеры, оказалось поразительно проворным.

Мы только смотрели, не решаясь вмешиваться. Мало того, что не хотели обнаружить себя, так еще и стрелять не представлялось возможным: охотники вихрем кружили вокруг дичи. Я уже хотел было приказать поближе, как один из коней поскользнулся и был моментально смят огромным хвостом. Конь кубарем покатился по земле, а всадник и вовсе

отлетел на несколько десятков метров.

— Вперед! В атаку!

БТР снова вошел в реку. Я привел автомат в боевую готовность и похлопал по бокам, нащупывая гранаты — с таким противником они будут нелишними. Как ни странно, черти заметили нас только тогда, когда мы подобрались на сотню метров. Они тотчас оставили ящера в покое и бросились врассыпную, не прекращая осыпать нас стрелами. Чудовище, раненое и разъяренное, наоборот, решило выместить свою злобу на нас. Нужно было во что бы то ни стало избежать столкновения с ним: такая туша могла запросто раздавить броневик!

— Огонь! — скомандовал я.

Чудовище нападало. Автоматные очереди оно словно и не замечало. Да что там! Его не останавливали даже 14,5-миллиметровые пули крупнокалиберного пулемета! Молодцов, выругавшись, крутанул штурвал. Мне почудилось, что животное скользнуло куда-то в сторону, в этот же момент БТР подпрыгнул, а обрешетка дополнительных баков зазвенела от страшного удара хвоста ящера. Башня молниеносно развернулась, но пулемет молчал — противник находился слишком близко, в мертвой зоне.

— Жми! — приказал я Паше.

Отбросив автомат, я схватил РГ-6 и высунулся из люка. От резкого рывка я бы вылетел из машины, если бы кто-то не схватил меня за ноги. Чудовище, пролетев по инерции еще несколько метров, разворачивалось. Прицелившись, я разрядил барабан гранатомета, выпустив в ящера все шесть снарядов. Попал только три раза, что, с учетом тряски, было неплохим результатом. Долина содрогнулась от череды взрывов. Брызнула кровь. Животное, лишившись половины головы и целого куска в боку, уставилось на меня единственным уцелевшим глазом, последним усилием воли сделало рывок, но рухнуло замертво.

Взяв Калаша, я вышел из машины вместе с Белкиным и Родиным. Марина хотела пойти с нами, но я запретил.

И правильно сделал. Мы сделали всего несколько шагов, как черти бросились на нас с пронзительными криками. Загрохотал башенный пулемет. Затрещал автомат. Очередь скосила сразу троих всадников, опрокинув их на землю вместе с лошадьми. Еще два коня продолжили скачку без седоков. Но остальные наступали. К счастью, они почти не стреляли — весь их основной боезапас торчал из ящера.

Внезапно я почувствовал, что меня кто-то обхватил сзади. Земля ушла из-под ног и я полетел над пожарищем. Копыта поднимали с земли тучи пепла, сразу попавшего в глаза, рот и нос. Прочихавшись, я попытался дотянуться до кобуры с пистолетом, но мои руки были крепко притиснуты к бокам. Я слышал за спиной выстрелы, но даже не мог обернуться. Ветер свистел в ушах, сухая земля звенела под копытами моего похитителя. Я понимал, что медлить нельзя, и... и вовремя сообразил, что даже достав пистолет, я не смогу передернуть затвор.

Тогда я пошел другим путем. Подтянув к себе ногу, я выхватил из ножен на голенище кинжал и вогнал клинок в бок коню. Он пронзительно захрипел, встал на дыбы и кубарем покатился по земле, подминая под себя и меня, и седока. Мои кости захрустели. Я сильно ударился коленом, приложился к чему-то твердому виском. Словно метеорит я протаранил землю, подняв за собой след из облаков пепла. Нож выпал из руки и улетел в неизвестность.

Остановившись, я попробовал встать на ноги, но сразу упал — колено болело до жути. Левая рука не слушалась. Метрах в пяти от меня черт, скаля зубы и не спуская с меня своих

желтых глаз, пытался выбраться из придавившего его коня. Не давая ему освободиться, я выдернул из кобуры пистолет, взвел затвор, уперев мушку в каблук ботинка, и пустил три пули в голову противника, отправляя чертенка в Ад.

БТР, в клубах пыли, приближался ко мне. Марина, высунувшись из люка, делала отчаянные жесты. Обернувшись, я увидел не меньше сотни всадников, приближавшихся ко мне с противоположной стороны. Против такой толпы пистолет бессилён...

— Почему она не стреляет? — как-то отрешенно, равнодушно, подумал я.

И сразу понял. Девушка боится задеть меня! Рухнув на землю, лицом к армии чертей, я выстрелил еще три раза, но все впустую — расстояние было слишком велико. И в этот момент заговорил пулемет, срезав разом десяток преследователей. Ошеломленные, заложив широкую дугу, они рассеялись по полю боя. Ко мне продолжал скакать только один, но я, подпустив его поближе, снял всадника, выпустив оставшиеся два патрона.

Бронетранспортер, скрипнув тормозами, остановился около меня. Боковой люк открылся и сильные руки кузнеца затащили меня внутрь. По броне защелкали стрелы. Одна из них залетела в открытый люк и впилась, вибрируя, в спинку сиденья. Пришлось снова пустить в ход башенные пулеметы. Только тогда уцелевшие черти пустились наутек. Поле боя осталось за нами.

— Нормально так тебя помяли, братуха, — покачал головой Дима.

— До свадьбы заживет, — прошипел я в ответ. — Потерь нет?

— Мише в руку попала стрела, — проинформировала меня Марина, осматривая мои раны. — Но ничего серьезного.

— А у меня?

— Кости целы, только...

Девушка, упервшись мне в бок коленом, дернула руку, заставив громко закричать.

— ...только плечо было вывихнуто, — закончила она.

Вернувшись к ящери, мы снова вылезли из броневика, чтобы рассмотреть зверя и поверженных чертей. Черт! Эти черти в самом деле оказались чертовски похожи на чертей! Самым большим отличим, пожалуй, было отсутствие хвоста и копыт на ногах.

Но много общего у них было и с нами, с людьми. Эти существа даже носили некоторое подобие одежды — широкие пояса-юбки, сплетенные из растительных волокон, с большими карманами, в которых хранился всякий хлам — кости животных, камни, засушенные ягоды.

Завязался спор, как назвать чудовище. Вопрос, какое имя дать чертям и не поднимался — тут все и так было ясно. Марина с геологом настаивали на "Трехроге", а ее брат с кузнецом — на "Трироге". Как будто была такая большая разница! Воспользовавшись своей привилегией командира боевой машины и начальника экспедиции, я назвал зверя просто "Многорог".

— Это нечестно! — заявила девушка. — У нас такого варианта вообще не было!

— Будешь спорить — назову его "Многорог Грачева", — поставил я точку в дискуссии.

Мы связались по радио с дядей. Я рассказал ему о встрече с чертями. Сперва он не поверил, пришлось несколько раз повторить, что я не шучу. Поведал ему об открытии нефтяного месторождения. Полковник, в свою очередь, поделился новостями: медузы все чаще пролетают над нашей территорией, потеряли еще четыре человека. Ракеты сбили уже штук сто этих тварей. Я предупредил, что мы намерены двигаться дальше на запад. БТР был в отличном состоянии, солярки оставалось больше, чем три четверти, патронов тоже более, чем достаточно — кроме сегодняшнего дня мы не стреляли еще ни разу. Провианта — тоже

три четверти. Пока мы проехали только шестьсот семьдесят километров.

Покинув поле брани, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую мы назвали Урал. Она была значительно меньше Миасса, местами сужалась до пятидесяти метров. Однако переправиться через нее оказалось так же затруднительно — течение было очень стремительным, а берега — скалистыми.

Глава 11. Пленник

После всех приключений крайне не хотелось отпускать разведчика в поиске пригодного для переправы места. Но байк, в сравнении с бронетранспортером, кушал топлива что воробушек. Мы же ставили целью охватить как можно больший радиус, то есть соляра требовала бережного и экономного отношения.

Взвесив все "за" и "против", я был вынужден снова отправить Белкина на поиски брода. Кузнец вернулся уже через час, заверив, что выше по течению нашел подходящее место.

Этим местом оказался водопад. Здесь река низвергалась с уступа почти тридцатиметровой высоты, обрушиваясь вниз с оглушительным грохотом. Зато образовалась пойма, с относительно слабым течением и пологими берегами — мы смогли спуститься почти к самой воде. Но не было похоже, чтобы нарастивший жирок БТР смог пройти по дну.

— И что? — хмуро произнес я. — Как мы переправимся? Только топливо зря пожгли...

— Смотри, — Дима указал на широкий плоский утес, выступающий из воды метрах в десяти от берега, и еще три таких же внушительных валуна, расположенных почти в одну линию с перерывами в пять-шесть метров между ними. — Вот готовые быки моста. Нам остается только положить настил!

— Настил? — усмехнулся я. — Из чего?

— Там, чуть дальше, — махнул рукой здоровяк. — Есть роща. Деревья достаточной длины, чтобы устроить мост. И достаточной толщины, чтобы выдержать броневик. Топоры, веревки, гвозди — это все есть.

— И сколько мы тут провозимся? — покачал я головой.

— Лучше будет вернуться обратно? — пожал плечами кузнец. — В гору мы точно не вскарабкаемся, а там, ниже по течению... река только шире и шире.

Белкин изложил свой план остальным участникам экспедиции. Голоса разделились. Геолог считал, что во время вынужденной стоянки мы будем слишком уязвимыми для чертей, сестра и брат Родины — напротив, были настроены двигаться дальше, построив мост. В самом деле — или мы возведем переправу, или будем искать подходящее для форсирования реки место еще неведомо сколько времени, скормив машине лишние литры дизеля. Мы проехали чуть менее семисот километров. Точка невозврата уже уверенно маячила на горизонте.

Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, грубо обтесав их, мы отбуксировали бревно к месту будущей переправы. Теперь было нужно занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал голову, как это сделать, когда увидел, что Михаил с Дмитрием сооружают из веревок сложную систему блоков, а Павел выкапывает яму. Привязав один конец веревки к бревну, второй — к машине, мы поставили его на торец, упавший в лунку. Натаскав камней, нам удалось выровнять бревно строго вертикально. На некотором отдалении установили второе бревно. Третье затащили наверх, построив таким образом П-образную раму.

На это ушел остаток дня, так что продолжилось возведение переправы только утром. Но теперь дело пошло значительно веселее — перекинув веревку через перекладину, мы с помощью бронетранспортера ставили бревно на попу, а после — медленно и осторожно опускали его на выступ. К вечеру была готова первая секция моста.

Еще три дня ушло, чтобы положить настил. Наша стройка имела весьма живописный,

хотя и странный вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная. И эта прохлада была лучшим, что случалось с нами в экспедиции. Жара уже откровенно достала.

В день, когда работа подходила к концу, и мы готовили последние бревна, в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не пострадал. Только одна стрела попала в шину, но не смогла пробить толстую резину — обсидиановый наконечник рассыпался на мелкие осколки. Схватив автомат, я выпустил весь магазин в ближайшую полосу деревьев, затем добавил гранатой из подствольника. Пули достигли цели. Из рожи выскочила группа всадников и обратилась в бегство, подгоняемая грохотом пулемета.

Стало уже не так весело. Мы в очередной раз едва не поплатились за потерю бдительности. Уменьшив перерывы на отдых и прием пищи, настил удалось закончить к ночи. Пусть переправляться в темноте по самодельному мосту было опасным, оставаться здесь, понимая, что ускакавшие черти с большой долей вероятности приведут друзей, тоже не хотелось. Пришлось пойти на риск. Кузнец сел за штурвал и осторожно въехал на мост. Бревна трещали, но выдержали вес боевой машины. Наверно, ни один инженер, даже построивший величайший мост на Земле, не испытывал такой гордости за свое творение, как мы. А ведь из всего сопромата мы пользовались только матом! И ни один первопроходец не испытывал такого облегчения, какое испытали мы, перебравшись на другой берег.

Мы еще крались в темноте пару часов, чтобы отдалиться от моста как можно дальше, как можно сильнее запутать следы, сбивая возможных преследователей. Перед отбоем мы с геологом наметили маршрут на следующий день. Молодцов предложил держать курс на лесистую гору впереди, настаивая на том, что там мы найдем необходимые нам ресурсы.

Я заступил на дежурство во вторую смену. Осматривая окрестности, высунувшись из люка, я заметил на вершине горы светящуюся точку. Что это? Вулкан? Но огонек скоро погас. Истина предстала передо мной, когда он снова зажегся, но намного ниже, на склоне. Световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах, по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Я поделился своими наблюдениями с Михаилом, не скрывая своего беспокойства.

— Приятного мало, — согласился он. — Если эти черти ринутся на нас всей толпой, то нам придется туго. Даже несмотря на пулеметы и гранатометы. Ты заметил, что они не боятся наших гром-палок?

— Да и патронов у нас не хватит на такую толпу, — поддакнул я. — Но, все же, я хочу добраться до этой Сигнальной горы. Паша убежден, что там есть руды. Мы сделаем быстрый рейд — туда и обратно.

Утром нас ждал очередной сюрприз — зарядил ливень. Такой силы, какого я еще не видел! С неба лилось, как из шланга. Почва сперва захлюпала под ногами, а затем слой воды начал покрывать степь — похоже, реки выходили из берегов. Оставаться на месте было рискованным и наш бронетранспортер пополз, выбрасывая из-под колес комья грязи и оставляя за собой колею, моментально заполняющуюся водой. Видимость снизилась до десятка метров. Мы ехали туда, где, по нашему разумению, должны были быть горы. И мы не ошиблись! Практически на ощупь мы нашли сухую пещеру и спрятались в ней. К счастью, она оказалась еще и пустой. Перегородив вход броневином, мы запалили костер, используя заботливо приготовленный здесь кем-то хворост. Хотя, почему кем-то? Кроме чертей — некому!

Обсохнув, обогревшись и подкрепившись, мы занялись исследованием своего временного убежища. В неглубокой нише мы нашли пару обсидиановых ножей и несколько

наконечников. Но главное — дальняя стена оказалась покрыта самыми настоящими рисунками! Мы с интересом рассматривали изображения, запечатлевшие сражения чертей с многоорогами и другими, еще не виденными нами животными. На одном рисунке четверо чертей жарили целого ящера на костре! Ну, исходя из размера зверя, такое было маловероятным. Художники косячили с перспективой.

А вот что мне показалось весьма любопытным — это три фигуры. Высокие, намного выше чертей. Как будто вытянутые. С длинными руками, почти касающимися стоп. Еще они были начисто лишены рогов. Если себя черти рисовали с гротескно большими рогами — тут не нужно было быть дедушкой Фрейдом, чтобы понять, что у наших новых соседей по планете именно рога являются символом мужской силы, то эти три фигуры — всегда без рогов. И всегда по трое. Их изображение повторялось несколько раз, но всегда — по трое.

— Возможно, это некие духи, — предположил Родин. — Или местные божества. Странно, конечно, что, акцентируя внимание на рогах, черти обделили ими своих духов... но я в криптомифологии далеко не спец. Подвинься-ка...

Михаил взял мел, фонарик, и тоже взялся за художество. Стоит отметить, что мастерство чертей в этом отношении намного превосходило умения астронома. Родин нарисовал какую-то странную штуку, сочетающую в себе черты самолета и трактора.

— Что это за фигня? — поинтересовалась Марина у брата.

— Ромуланская "хищная птица"! — с гордостью ответил тот.

— Мнда... — покачал головой Паша. — У меня такое ощущение, что теперь черти будут охотиться за нами исключительно ради того, чтобы поместить тебя в психушку.

Ночью один из многоорогов, не очень большой — всего метра три в высоту, попытался потеснить нас в пещере, но пулеметная очередь дала ему понять, что мест в гостинице больше нет. Дождь лил и весь следующий день. И еще целый день ушел на то, чтобы степь просохла и стала пригодной для передвижения. Под лучами палящего солнца вода очень быстро испарилась, окутав прерию непроницаемым туманом. Если черти задумали напасть на нас — лучшего прикрытия для атаки и не придумать. Впрочем, на повезло. Или инопланетяне еще не собрали нужных сил, или потеряли нас.

Продолжить поход мы смогли только утром третьего дня, оставив хозяевам грота бесценные артефакты в виде пустых консервных банок и пулеметных гильз.

Пошла холмистая местность, изрезанная ручьями, к счастью, не слишком глубокими, с пологими берегами. Броневик пролетал их, словно не замечая. В одной маленькой долине Паша показал на зеленоватые прожилки в скале — это была довольно богатая никелевая руда. Мы проторчали здесь весь день, а к вечеру Молодцев предоставил образцы не только никеля, но и хрома, кобальта, марганца, железа и, что немаловажно — каменного угля, которого, по заверениям геолога, здесь было хоть жопой ешь. О такой удаче мы могли только мечтать!

— Идеальное место для металлургического центра, — заметил я.

— А черти? — возразил Миша.

— А что поделать? — развел я руками. — Продолжим традицию, начатую Васко де Гамой, Магелланом и Колумбом — подавим коренное население превосходством оружия.

— Да-да, — покачала головой Марина. — Лучшие черты человечества в различных калибрах.

— Думаешь, мне это нравится? — горько усмехнулся я. — Но когда стоит вопрос — или мы, или они, ответ очевиден.

— А еще здесь нет медуз, — добавил Молодцов.

Кстати — да. С тех пока, как мы удалились от болот, я не видел ни единой такой твари. Похоже, они водились только в болотистой местности.

— А как мы перетащим сюда машины, станки, оборудование? — нашел пищу для размышлений кузнец.

— Придумаем что-нибудь, — отмахнулся я. — Сначала надо запастись нефтью, что тоже, насколько я понимаю, не самая легкая задача.

На следующий день, всего в паре десятков километров, геолог нашел еще и бокситы. Вопрос был решен. Но оставался другой — что же делать с чертями? Индейцы в свое время испортили немало крови американцам, а ведь у тех, пусть с более древним вооружением, было серьезное численное превосходство! Топить прерии в крови, несмотря на сказанное ранее, мне совершенно не улыбалось. Ведь пес его знает, сколько их тут, этих чертей. Могло статься, что они элементарно задавят пришельцев из другого мира числом!

Всю ночь и все утро я ломал голову над задачей: как решить вопрос с чертями? Вывод напрашивался один — заключить союз. Я понимаю, звучит смешно. Но оно необходимо. И в Африке, и в обеих Америках коренное население делилось на десятки племен, причем враждующих между собой. Да что там! Вспомнить, хотя бы, Древнюю Русь! Или Европу. Ну не могут разумные существа сосуществовать в мире. Доказано наукой и проверено практикой. Может получится сыграть на этом? Пообещать одному племени плоды технического прогресса землян, в разумных, естественно, пределах. Как-то не очень хотелось, чтобы через пять-десять лет черти гоняли нас по горам, вооруженные пулеметами.

— Если снова столкнемся с чертями, — проговорил я, обращаясь ко всем. — Нужно взять хотя бы одного живым.

— Я бы сказал — не "если", а "когда", — заметил Михаил. — Но зачем?

— Попробуем пообщаться с ним.

— Думаешь, ради этого стоит рисковать жизнью? — возразила Марина.

Но такой случай представился уже на следующий день. Кузнец умудрился пробить колесо и нам пришлось остановиться для замены. Пока Дима менял крышку, на наших глазах произошла короткая стычка между тремя ярко-красными чертями, которых мы уже видели, и десятком других, с более темной кожей. Красные отчаянно защищались и уложили половину нападавших, но сами пали под градом стрел.

Я не позволил коричневым насладиться победой, дав очередь из автомата, срезав троих. Двое оставшихся предпочли свалить подбру-поздорову. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один красный черт попытался подняться, но тут же упал.

— Марина, ты должна его спасти! — приказал я.

— Сделаю, что могу, — сказала девушка, осмотрев аборигена. — Но обещать что-то...

Чертенок лежал неподвижно с закрытыми глазами. Только по тому, как ритмично поднималась и опадала его грудь, можно было заключить, что он жив. Марина начала извлекать стрелы.

— Самое поганое, что обсидиановые наконечники крошатся, — покачала она головой. — Я не могу ручаться, что извлеку все осколки.

На протяжении всей операции черт ни разу не шевельнулся. Лишь короткая дрожь временами пробегала по его телу. Доктор наложила повязки, на которых сразу проступили кровавые пятна. Потом мы перенесли спасенного к бронетранспортеру. Он был не очень тяжел — килограммов пятьдесят — не больше. Но и воняло от него... Все это время черт не

открывал глаза. Лишь когда мы окатили его ведром воды, дабы сбить благоухание немытого, потного тела, пленник попытался вскочить на ноги. Он что-то говорил. Это был поток странных, щелкающих звуков, но необычайно ритмичных. Два слова повторялись чаще всех — "Тилис" и "скаг". Мы удерживали его втроем — так он был силен. Кузнец, со свойственной ему добротой, предложил оглушить буяна прикладом автомата, но Марина ему запретила. Не для того она спасала пленника, чтобы его прикладом молотили.

Наконец, черт угомонился и мы его опустили. Впрочем, Белкин продолжал держать волшебный приклад наготове. Я налил себе кружку воды, чтобы смочить пересохшую во время борьбы глотку. Раненый снова заговорил, протягивая руку.

— Он просит пить! — догадался Миша.

Тогда я решился на опыт. Наполнив кружку, я произнес:

— Вода!

Пленник протянул руку, но я отстранил его. И повторил:

— Вода.

Черт, наконец, понял, что от него требуется, и сказал:

— Во-да.

Теперь я позволил взять кружку. Представитель внеземной цивилизации недоверчиво осмотрел ее, но, убедившись в безвредности сосуда, осушил его.

— Кружка, — произнес я, показывая пустую посудину.

— Кру-ша, — повторил черт.

— Сам ты груша, — хихикнул Миша.

Так мы постепенно выучили слова "пить", "спать" и "есть". Навигатор долго наблюдал за нашей игрой, но и сам включился в нее.

— Назовите свою десигнацию! — потребовал он у инопланетянина.

Тот заворочал языком, пытаясь повторить, но столь сложная фраза привела только к закипанию мозга. Я пошел более простым путем. Ударив себя кулаком в грудь, я представился:

— Леха!

— Конош, — ответил черт.

Постепенно игра усложнялась. Я перебрал почти все предметы в бронетранспортере, называя их, а раненый повторял. К сожалению, к нефритовым бусам Марины он остался равнодушен, а вот штык-нож от автомата заинтересовал чертенка. Он даже потянулся к нему, за что снова получил по рукам. Давать пленнику оружие я пока считал преждевременным.

Тот, скотина, обиделся.

— Конош спать, — прогнусавил инопланетянин и свернулся калачиком на полу.

Мы пораскрывали рты. Это существо отличалось невероятной сообразительностью! Я настаивал на продолжении обучения, но доктор напомнила, что чертенок ранен, и потребовала отстать от пленника.

— Если они все такие способные, то скоро мы многое передадим из нашего опыта! — сиял астроном.

— Ну да, — кивнул я. — И лет через пять они будут охотиться на нас с пулеметами, — озвучил я свою недавнюю мысль.

— Не будем заглядывать далеко, — высказался Паша. — Но, думаю, договориться с ними можно.

— Конечно! — добавил Дима. — Ведь мы спасли ему жизнь!

— Это одному спасли, а сколько перебили? — напомнила Марина.

— Но они же первыми напали! — возразил Белкин, поглаживая зарубки на деревянном кожухе газовой трубки автомата.

Говорю же — добрейшей души человек! Если мы просто стреляли, то он учел каждого снятого им чертенка и увековечил память о жертвах на своем Калаше!

— А мы вторглись в их владения, — напомнил Молодцов. — И если они пойдут на нас всей чертовой ордой... короче, я думаю, стоит лучше заботиться о нашем друге. В нашем положении ничем нельзя пренебрегать.

В этот день, с учетом всех потерь времени, мы проехали всего ничего. Вскоре пришлось остановиться на ночлег.

По-турецки подвернув ноги, с автоматом на шее, я сидел на крыше машины, попивая кофе. Миша сидел рядом, рассуждая о том, что, теоретически, исходя из расположения звезд, можно вычислить, как далеко от Земли нас забросило.

Вдруг меня привлек странный силуэт, возникший в лунном света. Все движения зверя — быстрые, упругие, гибкие, грациозные, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост — около полутора метров, чувствовалось, что он невероятно силен. От зверя веяло холодной уверенностью. Я показал его чертенку. Тот заволновался, залепетал, сделал вид, словно натягивает лук, и, указывая на мой нож, повторял одно слово:

— Ривиз! Ривиз!

Я понял, что зверь опасен, и передернул затвор автомата. Дальнейшие события развивались с невероятной быстротой. Первым прыжком хищник преодолел метров тридцать — не меньше. И снова взвился над землей, устремляясь прямо на нас. Марина вскрикнула. Я дал очередь, но туда, куда ударил град свинца, зверя уже не было — он совершил очередной прыжок.

— Полундра! — завопил я, спрыгивая с брони.

Я понимал, что нырнуть внутрь, под защиту брони, я не успею. Самым разумным выходом показалось забраться под БТР, откуда он меня хрен выцарапает. Так я и поступил. Уперев автомат в землю, я дал еще одну очередь. И опять мимо. Я израсходовал впустую все патроны! Отстегнув магазин, я лихорадочно вставлял новый, как вдруг загрохотал пулемет. Видимо пули достигли цели, потому как хищник свалился в траву. Я загнал патрон в патронник как раз вовремя — зверь поднимался на ноги! И это — после попадания 14,5-миллиметровой маслины! Скорее всего — далеко не одной! Я зажал гашетку. Снова заговорил пулемет. А через секунду бронетранспортер содрогнулся от страшного удара. И наступила тишина.

— Все живы? — раздалось сверху.

— Я — да, — ответил я.

Остальные тоже отозвались.

— А скотина эта дикая?

— В решето.

Только после этих слов я, не убирая пальца со спускового крючка, покинул свое укрытие. Труп хищника лежал, привалившись к корме броневика. Наверно, он умер в последнем прыжке, на лету. В черепушке зияли отверстия минимум от двух попаданий крупнокалиберных пуль, а в туловище я насчитал еще двадцать три раны. Из пасти зверя торчали два внушительных клыка, не меньше четверти метра каждый. Это и дало ему

название — саблезуб.

— Я что скажу, — проговорил Молодцов, тыча стволом автомата в поверженного противника. — Если здесь таких созданий много — черти не самая большая наша проблема. С этими тварями мы хватим горя. Какая мощь! А как он прыгал! А какая живучесть!

— Зато мозгов у него маловато, — усмехнулся Миша. — Да ты сам посмотри! — он указал на раскрытый свинцом череп.

Стоит заметить, что Конош после этого случая начал относиться к нам с большим уважением. Особенно — к автоматам. Он долго изучал нанесенные зверю повреждения, а потом залился длинным монологом, повторяя "мошомо", "скаг", и демонстрируя три пальца.

— О чем это он? — почесал затылок кузнец.

— Кажется, он говорит, что эта штука зовется мошомо, — перевел Павел. — И он самолично завалил трех таких.

— Сомневаюсь, — покачал я головой.

— Да почему? С достаточно сильным ядом — вполне возможно, — предположил Молодцов. — Только я не могу понять, что такое "скаг"?

Чертенок снова заговорил, повторяя это слово, стуча себя в грудь кулаком, и делая непонятные жесты руками, словно стараясь обнять весь мир.

— Мне кажется, скаги — так они себя называют, — заключил Миша.

Забегая вперед, замечу, что он оказался прав. Оставалась другая загадка — слово "Тилис", занимающее второе по частоте место во всем, что говорил Конош. Эта тайна открылась нам много позже...

Вскоре мы впервые отведали местного мяса. Небольшое животное, напоминающее бегемота, подарило нам вырезку на шашлык. Мы съели только по маленькому кусочку — непонятно, как организм отреагирует на инопланетную пищу, но пленник уплетал, только шум стоял.

Мясо по вкусу напоминало телятину, а кулинарный талант кузнеца сделал его вообще неопишимо вкусным блюдом. Никаких нежелательных последствий не было, так что в дальнейшем мы разнообразили наше меню. Признаться, армейские пайки успели прилично надоесть.

Но попробовать плоды с деревьев, напоминавших пальмы, мы не рискнули. Хотя скаг поглощал их с явным удовольствием. Он уже оправился от ран, а накопленный запас русских слов позволял чертенку вполне сносно изъясняться.

Мы двигались дальше, поглощая километры и солю. Почва становилась все более неровной. Низкие холмы заставляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий солоноватый запах.

— Море близко, — сказала Марина.

Вскоре мы увидели его. Темно-зеленое, бурное. Волны, увенчанные пеной, с ревом обрушались на каменистый берег. Мы съехали вниз и остановились на пляже. Дима предложил искупаться, как вдруг над водой появилась плоская голова, расколовшаяся пополам, продемонстрировав розовую пасть и несколько рядов острых, как бритвы, треугольных зубов. Желание купаться моментально пропало.

Но после отлива Молодцов обнаружил изолированную заводь. Вода в ней оказалась настолько прозрачна, что можно пересчитать каждый камушек на дне, а единственными ее обитателями были ракушки да водоросли.

Выставив караульных, мы плескались в ней как дети. Конош сперва недоуменно

смотрел на нас, а после присоединился. Плыл он достаточно странным стилем, изгибая тело и почти не шевеля ногами. Но довольно быстро.

Когда мы с Мариной сменили караульных, экипаж машины боевой устроил соревнования по плаванию. Победителем вышел именно скаг. Передохнув, мы поехали дальше.

Через некоторое время побережье стало скалистым, заставив нас свернуть вглубь материка. Так мы случайно открыли озеро. Его юго-западный берег был низким, а с востока простиралась цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водяную гладь, чуть сморщенную рябью; вода при лунном свете переливалась и фосфоресцировала. Но особая прелесть была в отражении. В воде отражались все три луны, успевшие стать такими родными...

Я сдал пост и отправился спать. Когда меня разбудила Марина — казалось я проспал всего несколько минут. В щели амбразур проникал алый рассвет.

— Просыпайся, лежебока, — прошептала девушка мне на ухо. — Сейчас ты увидишь нечто потрясающее!

Проклиная ее, я протер глаза и вышел из машины. И сразу обалдел... Озеро лежало перед нами густо-синее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны: от платинового сплава до червонного золота. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставало солнце, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

— Волшебная красота, правда? — произнесла Марина, положив голову мне на плечо. — А жизни не видела ничего подобного!

— Подходящее название, — ответил я. — Волшебное озеро.

— Я надеялась, что ты хоть что-то на этой чертовой планете назовешь в мою честь, — обижено поджала губы девушка.

— Успеется, — отмахнулся я. — Но на счет чертовой планеты — ты чертовски права. Это — именно чертова планета!

Я растолкал остальных. Кроме того, что я чувствовал несправедливым лишение меня сна и то, что экипаж, продряхнув еще, лишится возможности насладиться такой красотой... хотя, разумеется, в большей степени — первое. Короче, было еще одно важное дело. Запасы соляры подходили к точке невозврата. Как ни печально, как бы нам не нравилось кататься по Новой Земле, настал момент, когда пора вертаться взад.

Путь был проделан грандиозный. Основная задача тоже была выполнена. Карты памяти были забиты под завязку фотографиями и видеороликами. Предстояла обратная дорога. Через территории, населенные чертями, первое знакомство с которыми оставляло желать лучшего.

Глава 12. Возвращение

Дорога домой прошла, что удивительно, без особых происшествий. Много рога мы выдели лишь издали, как и костры чертей. Саблезубы и вовсе не попадались. Похоже, Новая Земля решила, что для первого раза с нас хватит ее тайн, спрятав остальные загадки в рукаве.

Коноша мы высадили недалеко от того места, где подобрали, вручив ему на прощание так понравившийся ему штык-нож и предварительно договорившись о следующей встрече. Удивительно — даже возведенный нами мост дожил до нашего возвращения!

Неприятности начались, когда до деревни оставалось около сотни километров. Мы планировали сделать небольшой крюк, обследовав ближайшие окрестности, чтобы не возвращать обратно остатки дизеля, но неожиданный вызов по радио спутал все планы.

— Наше дело — труба, — сквозь шум статистических помех услышал я дядин голос. — Медузы вконец берега попутали. Только за сегодня мы потеряли троих человек. Эти сволочи летают поодиночке, над самой землей. Мы не успеваем их вовремя засечь! Да и ракеты на такой высоте бесполезны.

Полковника прервал стук пулемета.

— Положение критическое. Выручайте!

— Будем часа через три-четыре, — пообещал я.

И Молодцев утопил газ в пол. Через два часа, когда на горизонте замаячили знакомые горы, радио вновь заговорило. На этот раз — голосом Семенова.

— Мужики, это полная жопа! — кричал он. — Этих дряней тут тысячи! Они облепили дома, в некоторых местах уже разобрали крышу. Они не дают носа на улицу высунуть!

— Где дядя? — забеспокоился я.

— Взял броневик и поехал отстреливать гадов.

До рудника мы добрались без происшествий. Здесь не было ни души. Однако, когда мы подобрались ближе, дверь бункера приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Паша подвел машину почти вплотную. Только тогда я узнал мастера с завода, Евгения Комарова.

— Где остальные? — спросил я.

— Уехали на поезде. Они переделали его в самый настоящий бронепоезд и забрали все оружие. Я остался вас предупредить — звонил министр обороны, сказал, что вы скоро будете.

— Какой-какой министр? — не понял я.

— Семенов, какой еще? Бывший участковый.

— Нормальный такой карьерный рост у капитана! — усмехнулся Миша.

— Давай к нам.

Через полчаса до нас начали доноситься взрывы, а еще чуть погодя мы увидели деревню. Медузы сидели на крыше каждого дома. Другие летали над улицами настолько низко, что едва не подметали пыль своими мерзкими щупальцами. Никогда бы не подумал, что у этих дряней столько мозгов в отсутствующих головах!

Трещали автоматные очереди. Хлопали дробовики. Стучал пулемет МТЛБшки.

Мы подъехали к вокзалу, где стоял бронепоезд. Рудокопы потрудились на славу! Они обшили паровоз и вагоны стальными листами, оборудовали четыре башни. Из двух торчали ракетные установки, еще из двух — пулеметные стволы. Вот на этой крошке я б с

удовольствием снова прокатился до Волшебного озера и обратно! Одно плохо — поезду нужны рельсы.

— Паша, рули к паровозу, — приказал я.

Сминая колесами трупы тварей, бронетранспортер подъехал почти к самому бронепоезду. Геолог посигналил, привлекая внимание машиниста. Тот опустил бронещиток и я узнал Воропаева — бывшего бунтовщика, нынешнего каторжника.

— Как вам удалось положить столько? — удивился я.

— Я их шпарю кипятком! — оружейник высунул наружу шланг с медным наконечником и деревянной ручкой. — Мое личное изобретение! — не без гордости произнес он. — Сейчас сами все увидите. Эй, братва, побереги патроны!

Почти два десятка медуз спикировали на паровоз. Воропаев, подпустив их поближе, повернул кран и навстречу чудищам ударила струя кипящей воды и пара. Половина сразу грохнулась наземь, а остальные рассеялись.

— Отличная идея! — похвалил я. — А где Семенов — не в курсе?

— Пес его знает, — пожал плечами каторжник. — Скорее всего — в штабе. Они с полковником почти всегда там.

По дороге к площади медузы нас не трогали. Но от их обилия на домах, крыши казались словно сложенными из живой черепицы. Шевелящейся, расходящейся волнами. Такая же ситуация была и на площади. Школа, магазин, почта, клуб, опорник — это сволочи облепили все, что можно.

— Работы — непечатый край, — вздохнул Белкин, садясь за пулемет.

Мы высунули автоматные стволы в амбразуры и начали зачистку. Били не спеша, хорошо прицеливаясь. Вскоре к нам присоединилась МТЛБшка. Общими усилиями, через два часа работы, нам удалось обезопасить местность.

Участковый, выбежав из штаба, пригибаясь и беспокойно озираясь, перебрался к нам в броневик. Дядя тоже пересел из МТЛБ в БТР.

— Что нового? — спросил я.

— А то ты не видишь, — процедил сквозь зубы военный. — Этих тварей как говна за баней. Мы потеряли еще человек тридцать! А скотины — никто и не считал!

— Телефонная линия до завода повреждена, — добавил Семенов. — Как дела там — вообще не в курсе.

— Постарайтесь восстановить ее, — кивнул полковник. — А я продолжу зачистку здесь.

Участковый вернулся на штаб, а дядя — в броневик. Мы поехали вдоль телефонной линии. Место обрыва обнаружилось недалеко от поляны, где мы полгода назад прикончили первую медузу.

Захватив кусок медного провода, я выскочил из бронетранспортера. Едва я начал сращивать оборванные концы, как залаял пулемет. Чудовища неслись ко мне. Пользуясь старым приемом, я бросился плашмя на землю, а когда они проскочили мимо — перекатился под броневик. Когда пулемет смолк, я продолжил работу. Снова загрохотал пулемет.

Попрыгав туда-сюда еще пару раз, я приказал поставить машину на место разрыва и, удивляясь, как такая здравая мысль не пришла мне в голову ранее, быстро восстановил связь.

Когда мы вернулись в деревню — медуз почти не осталось. Дядя замечательно справился и без нашей помощи. Вечером собралось экстренное заседание правительства. К сожалению, я не увидел деда Анисима — старый браконьер погиб этим же днем.

Я сделал краткий отчет об экспедиции, предоставив образцы руд и ряд фотографий. Отец Илья, увидев Коноша, несколько раз перекрестил экран компьютера и начал длинную молитву.

Полковник рассказал, что произошло в наше отсутствие. Главной проблемой стала новая тактика медуз — они прилетали ночью, поодиночке, и прятались в огородах. А днем внезапно нападали на людей. Селяне стали бояться выходить из домов, передвигались только вооруженными группами.

— Вдали от болот мы не видели ни единой медузы, — напомнил я. — Я думаю разумным переселиться.

— Я целиком "за"! — согласился дядя. — Но как это сделать? Если переезжать на автомобилях — нам не хватит горючего, да и машины с завода придется оставить. А это электричество!

— Пешком точно не пройдем, — добавил Семенов.

— Я предлагаю пойти двумя путями, — произнес я. — Один путь — по суше, проложив железную дорогу. Один черт нам придется строить ветку до нефтяных месторождений, а это по пути. А второй — по морю.

— По морю?

— Ну да, построим корабль.

— А как он двигаться будет, сын мой? — засомневался священник. — Волей Божьей?

— Да хотя бы! — усмехнулся я. — Построим паровую машину, или поставим большой дизель с завода. Повторяю — нефть мы нашли.

— А достанешь ты ее как? — покачал головой Молодцов. — Горстями? У нас нет оборудования для буровой!

— Есть! — сказал вдруг Михалыч. — Полный комплект.

— Откуда? — удивился Павел.

— Я ж говорил — геологи приезжали. На заводе оно и осталось. В полной сохранности. Кстати, перед тем, как громыхнуло, они как раз позвонили — хотели приехать, забрать. Кстати, по меньшей мере пятеро из заводской охраны — бывшие нефтяники, половину жизни на северах на вахте провели.

— Нам определенно фартит! — щелкнул пальцами военный.

— Может, проведем референдум? — предложил астроном. — Может не все захотят уезжать отсюда?

— Хотят или нет — кого это волнует? — отмахнулся дядя. — Кто не хочет — пусть остается. Медузы будут рады.

— Ну... с другой стороны, я думаю референдум вовсе и не обязателен, — согласился Миша.

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти. Бронетранспортер пришлось оставить — ему требовалась ревизия. Но полковник выделил свой МТЛБ. Как и обещал Молодцов, черное золото оказалось неглубоко — мы дошли до него, пробуравив всего восемьдесят три метра. В деревню нефть доставили нефтевозом, собранным на коленке. Тоже то еще чудище получилось, как из "Безумного Макса". Цистерна, водруженная на Урал, обшитый стальными листами, с пулеметной башней.

Там тоже работа шла полным ходом. Сооружалась установка для перегонки нефти, на заводе катались рельсы, а кроме того было налажено почти серийное производство броневигов — еще пять Уралов обшивались броней, на крыше устанавливались пулеметные

башни. К счастью, Захаров снабдил нас этим добром и мы все чаще вспоминали слова покойного феодала, сказанные им на трибунале. В самом деле — мы были почти благородны этому негодяю!

Глава 13. Исход

Я находился на буровой два месяца. Каждый день я связывался по радио с дядей. Полковник не забывал баловать племянника! Отсюда туда отправлялись машины с нефтью, а возвращались — с гостинцем. С так полюбившейся мне дядиной самогонкой, с домашними колбасками. Колбаски мы с Молодцовым умяли за обе щеки, а вот с самогонкой вышла незадача. Она отличалась от привычного продукта как цветом, так и вкусом. Новая Земля преподнесла очередной сюрприз. Оказалось, что кедров, на орешках которого дядя настаивал свой напиток, тут не водилось. Пришлось настаивать на яблоках и коре дуба. Нет, самогон, как и всегда, был хорош, но пропала еще частичка того, что связывало нас с домом.

Да, черт побери, нам уже было недостаточно просто выживать на новой планете. Нам хотелось удобства, комфорта. Того, к чему мы привыкли. В клубе крутили фильмы, пусть не на большом экране, а на огромном телевизоре, реквизированном в замке. Как во времена моего детства, в видеосалонах. Фильмы это, конечно, были старые, перенесенные вместе с нами. До того, чтобы снимать свое кино... я даже не представлял себе, когда наступит этот момент, через сколько лет или десятилетий! Зато по радио транслировались радиоспектакли нашего, собственного производства. Энтузиасты, разбившись по ролям, читали земные книги.

Были готовы и чертежи судна. Вместо того, чтобы потрошить тепловозы, которые нам, особенно после открытия нефтяного месторождения, были нужны, как воздух, Михалыч спроектировал самую настоящую паровую машину. Вот что значит — старая закалка! Эти люди умели все! После завершения работ над броневиками завод начал производство отдельных деталей для корабля. Железнодорожная ветка тоже росла с каждым днем, знаменуя собой начало новой эры Новой Земли. Эры, в которой коренным обитателям придется потесниться.

Что еще бросало тень на лучи светлого будущего — это медузы. Они нападали без перерыва, как заведенные. Мы потеряли еще около пятидесяти человек, а скота — без счета. Собственно, благодаря потерям скота мы и могли себе позволить лакомиться домашней колбасой. Из тех частей, что не пострадали от выделений медуз.

Получив обратно в свое распоряжение БТР, к которому я начал относиться как к старому другу, мы, в составе прежней экспедиции, отправились в заранее условленное место — к мосту. После запуска трех красных ракет я увидел ответный знак — три столба огня. А на следующий день прискакал Конош с целой делегацией скагов. Он сообщил, что старейшины племени отдают интересующие нас земли, тем более, что большая часть все равно принадлежит другому племени чертей, отношения с которыми натянутые. И просят за это сущую малость — тысячу стальных ножей и пять тысяч стальных наконечников для стрел. То есть хитрые инопланетяне впаривали нам то, что им не принадлежало, уничтожая соперников нашими руками, да еще и недурно зарабатывали на этом! Скаги оказались не так просты, как я думал сперва. А еще я подумал, что такое соседство нам неоднократно аукнется в будущем. И, разумеется, оказался прав.

Так же мы получали право прохода через земли краснокожих, право делать в них дырки и строить дороги для железных зверей. Черти, со своей стороны, получали сервитут на наших землях. Самое существенное на их взгляд — шангам, то есть "безрогим", запрещалось

охотиться на землях скагов. Вот уж на что, а на охоту мы не претендовали. Мы располагали более надежными источниками пищи — животноводством и земледелием.

К концу второго года вынужденной колонизации Новой Земли наш первый корабль отправился в первое плавание. Он хорошо принимал волну, но его максимальная скорость составляла всего шесть узлов. Да, не линкор. Но, учитывая, что строили судно те, кто видел море лишь на конфетном фантике — результат потрясающий!

Железнодорожная ветка тоже достигла конечного пункта. Именно по железной дороге, под прикрытием пулеметов бронепоезда, в Верхнезаводск — так мы назвали будущий город, и прибыли первые поселенцы. Мы начали возведение форта. Представить наш город на самом деле было легко — достаточно вспомнить фильмы про Дикий Запад. Да-да, вот именно такой форт из бревен мы и возвели. Отличался он только четырьмя пулеметными башнями на углах, где грозно водили стволами 12,7-миллиметровые пулеметы, и еще по паре башенок на каждой стене, где вооружение было поскромнее — пулеметы ПКМ.

Не то чтобы мы ожидали подвоха от скагов — чертям от нас живых было больше пользы, чем от мертвых. Но, как говорится, лучше перебздеть, чем недобздеть. Да и прочей живности хватало — тех же многогогов и саблезубов. Одна из таких тварей умудрилась перепрыгнуть через стену и была прикончена кинжальным огнем практически в упор.

Пришлось организовать пару истребительных отрядов, которые на бронированных Уралах вывели в расход не меньше полусотни клыкастых хищников. А, кроме того, они сделали важное открытие — Енисей, на берегу которого стоял Верхнезаводск, всего в тридцати километрах вниз по течению сливается с Уралом, а тот, в свою очередь, впадал в море, оставаясь судоходным на всем своем протяжении. Там, на месте слияния двух рек, мы основали второй город — Порт-Артур.

Поскольку корабль уже приближался, первым делом мы сосредоточились на строительстве причала. Дабы успеть вовремя, пришлось привлечь на помощь скагов. Тут черти в очередной раз показали норов, затребовав за свои услуги еще сотню стальных ножей. Капиталисты проклятые!

Ох, намучились с ними прорабы. Ни черта не понимая на человеческом языке, рогатые постоянно требовали жрать, работая спустя рукава. Только благодаря Коношу, который поведал, что телесные наказания у инопланетян в порядке вещей, мы успели в срок.

Кстати, готовили скаги просто невероятно! Язык проглотишь! Любое мясо, сколь угодно лежалого, они умудрялись превратить в изысканный деликатес. Да, потом на горшок бегать устанешь. Во вкусно же!

Мы не оставались в долгу, оплатив аборигенам той же монетой. Открыли им алкоголь и табак. Злая вода, как называли водку черти, привела их в бурный восторг, а вот с табаком случился затык. Никотин вводил инопланетян в состояние дурмана, в котором они чудили по-черному. Собственно, этот факт способствовал выведению сигарет из оборота впоследствии.

Словом, на стройке мы не скучали. Какова же была наша радость, когда на горизонте показался дымок. Через бинокль я разглядел корабль. Колесный пароход, какие в давнем прошлом старой Земли бороздили водную гладь рек и морей.

На чертей зрелище произвело и вовсе неизгладимое впечатление. Их крохотные плоскодонки не шли ни в какое сравнение с чудом земной техники. Впрочем, радость была недолгой. Лишь до тех пор, пока я не смог различить название на носу корабля — "Ришительный".

— И кто додумался так его назвать? — поинтересовался я у Семенова, которого дядя назначил капитаном судна.

— Я! — с гордостью ответил дважды капитан. — Нравится?

— Ну как тебе сказать... а какое проверочное слово?

— Как это — какое? Риск!

На этом литературное образование бывшего участкового, а ныне — министра обороны, было закончено. В первую очередь из-за того, что милиционер увидел Коноша. Нет, он видел его и раньше, но на фото. Вживую, естественно, впечатления были более яркими.

— И с этими чертами нам придется жить? — удивился капитан.

— Не ссы, солдат ребенка не обидит, — ответил Конош.

Сказывалось общение с кузнецом... министр же после этих слов едва не грохнулся в обморок.

Мы приступили к разгрузке. Огромную помощь оказал козловой кран, который мы смонтировали в первую очередь. Разгрузка пошла заметно веселее. Помимо того на корабле прибыл дизельный генератор, пара тракторов и пятьдесят человек рабочих. Люди пришлись весьма кстати. Вечно пьяные черти перестали быть надежным трудовым резервом. В принципе, мы сами виноваты. Не стоило знакомить их с алкоголем.

В следующий рейс "Ришительный" прибыл с баржей, что позволило в значительной мере увеличить его грузоподъемность. Мелочь мы перевозили по железной дороге.

Через полтора года мы смогли обеспечить жильем каждую семью. Ну как — жильем... по две-три комнаты в бараках, исходя из размера семьи. Холостяков, которых, кстати, становилось все меньше и меньше, мы поселили в общежитии. Конечно, это были меры временные и вынужденные. Вообще, я был удивлен, насколько увеличилось население за три с половиной года! Даже с учетом многочисленных потерь, популяция двух городов — Верхнезаводска и Порт-Артура, составляла пять тысяч человек!

Еще сто пятьдесят человек осталось в деревне — демонтировать остатки оборудования на заводе. Пока проблема энергоснабжения была решена благодаря постройке нескольких водяных мельниц с генераторами, но конструкция отличалась сомнительной эффективностью. Все же, не зря человечество из всех источников электроэнергии остановилось на тепловых электростанциях.

Скоро начали прибывать и станки с завода. К этому времени мы уже добывали цемент из мергелевого известняка ближайших скал и строили завод в трехстах метрах от выхода каменного угля на поверхность.

В тот день, когда завод дал первую плавку, мы с Мариной поженились. Свадьба была достаточно скромной — присутствовали только члены правительства и ближайшие друзья. Зато скаги прислали целую делегацию с подарками — Конош сказал им, что я — один из старших племенных вождей, гырхыр. Черти притащили много рога, запеченного целиком. Ума не приложу, как они умудрились приготовить такую громадину целиком, при этом — совершенно равномерно прожаренного. Фаршированного местными ягодами, на вкус напоминавшими нашу, земную клюкву. Впрочем, большую часть подарка сами инопланетяне и слопали.

Мы давно хотели посетить скагов, но не было удобного случая. А свадебное путешествие — чем не повод? И на старом верном и испытанном бронетранспортере мы поехали знакомиться с Кинжаем — верховным вождем племени. Его ставка располагалась в пещере над крутым обрывом на Сигнальной горе. Конош предупредил сородичей о нашем

визите и нас сразу проводили к племенному вождю. Старый скаг с позеленевшей от времени кожей лежал на подстилке из сухих трав в просторной круглой пещере, стены которой были украшены изображениями животных, пронзенных стрелами и три уже знакомые тощие фигуры с длинными руками. Среди этих рисунков мы увидели и себя — люди и бронетранспортер оказались изображены достаточно точно. Только стрелы были затерты, что не могло не обнадеживать.

Я подарил вождю нож и наконечники для стрел. Кроме того хотелось не ударить в грязь лицом и, в ответ на свадебный подарок, преподнести Кинжаю нечто такое из нашей, земной пищи, что не оставит его равнодушным. И я угостил скага дядиной самогонкой и сыром. Выпивка оставила старика равнодушным, а сыр произвел настоящий фурор. Вождь оценил вкус, но больше всего интересовался, как мы умудрились засунуть внутрь дырки. Признаться, я сам плавал в технологиях, так что отделался объяснением, что это все колдовство.

Все общение происходило через Коноша, который успел понабраться наших слов. В первую очередь я спросил про три фигуры — давно меня изводило любопытство. И получил ответ, что это — божества чертей, прибывшее с неба, научившее их всему, что скаги умеют. Имя божеств в переводе Коноша прозвучало как "Трижды одинаковый Тилис".

За спиной вождя висело его оружие — большой лук, собранный из пластин различных пород дерева, усиленный роговыми пластинами и конским волосом, а так же стрелы и дротики. Понятно, что после фигур меня заинтересовал лук — такой уровень технологий был на голову выше всего, что мы видели у чертей. Кинжай поведал, что этот лук передается из поколения в поколение, от вождя к вождю. Да, это не их работа, но работа их предков. Когда-то, очень давно, скаги жили далеко отсюда, за большой водой. Они умели делать стальные ножи, строить каменные дома. Но по какой-то причине, которую уже никто не помнит, Трижды одинаковый Тилис разделил племя и часть прибыла сюда. Тут старик слегка путался. Он утверждал, что божеств прогневили именно те, что остались за большой водой, но наказанию почему-то подверглись именно те, что прибыли сюда. Наказание заключалось в том, что местные черти утратили способность строить каменные дома, делать стальные ножи и все в таком духе.

Мы гостили у инопланетян две недели. За это время я более-менее разобрался в устройстве их общества. Скаги жили, следуя неписанному своду правил — Заветам Предков. Неписанному по той причине, что письменности аборигены еще не успели изобрести, то есть все Заветы передавались устно. Вполне естественно, что информация искажалась. Один не так сказал, другой не так запомнил. Поскольку носителем сакральных знаний в каждом из племен являлся вождь — "хыр", то ответственность целиком возлагалась именно на него — хыра. Отсюда и первопричина войн между племенами скагов. В одном племени считали, что неверную жену следует топить в реке, в другом — что сбрасывать со скалы. Соответственно, каждый считал, что другое племя оскорбляет Заветы Предков. Чем не основание устроить заварушку?

Однако, это касалось только красных чертей. Достаточной причиной для войны с коричневыми являлось то, что они — коричневые. Вот такой первобытный расизм.

Помимо главы племени — гырхыра, в племени было несколько младших вождей — хыров. Что, кстати, со временем трансформировалось в более привычное земному уху "хан". В каких-то исключительных случаях совет старейшин выбирает Багырхыра — Великого Хана скагов. Сейчас эта должность свободна и Кинжай не смог вспомнить, когда в последний раз выбирали Багырхыра, туманно пояснив, что это было еще при прежнем хане.

Дни рождения черти праздновали всем скопом, раз в году, во время сезона дождей. В те дни, когда Арес закрывает собой Солнце и планета погружается в двухнедельную тьму, собирается совет старейшин, которые решают, как всем аборигенам жить дальше. Потому что делать в крошечной тьме все равно совершенно нечего, остается только совещаться.

Скаги придерживаются многоженства, что, учитывая потери мужской части племени на охоте и на войне, вполне объяснимо. Сам Конош, являясь еще молодым воином, имел пока что всего одну жену, причем — дочь Кинжая! То есть над давний знакомый уверенно двигался к тому, чтобы самому стать ханом!

Единственное, что омрачало торжество нашего визита — болезнь сына, Ксицы. Ребенок лежал в лихорадке несколько дней, что, впрочем сильно никого не печалило. По причине весьма примитивной медицины детская смертность у аборигенов зашкаливала. Далеко не каждый разменивал десятый сезон дождей.

Пацана уже практически похоронили, но тут Марина сотворила настоящее чудо, прописав чертенку антибиотики. К концу нашего визита малец уже всю прыгал, отчего Кинжай, да и все скаги, заужавали нас еще больше.

Если говорить о медицине краснокожих, то она заключалась в примитивном шаманизме. Племенной колдун — единственный, кому дозволялось наносить на свое тело татуировки, и не только на тело, но и на лицо — там красного пятна не было, лечил болезни и раны танцами вокруг костра и песнями. Так же шаман призывал дождь, удачу в битве и все остальное. Понятно, что все это — шарлатанство чистой воды, но я не стал разубеждать в волшебной силе шамана новых друзей. Да и не улыбалось нажать врага в лице самого шамана, который, занимаясь непыльным делом, весьма недурно с этого жил.

Точную численность скагов не удалось установить. Хан в ответ на этот вопрос твердил "ба", что в переводе означает "много". К исходу двухнедельного пребывания в гостях, я сам нахватался инопланетных слов и вполне мог изъясняться без переводчика. Язык чертей был построен на основе неограниченного словообразование из существующих слов. То есть, когда требовалось новое слово для описания чего-либо, чего в их языке еще не было, рогатые просто брали нужные слова и составляли из них новое. Отсюда получались чудовищные конструкции понятные по смыслу, но пока проговоришь — язык сломаешь.

Основное занятие скагов — охота и собирательство. Земледелие им не знакомо. Скотоводство ограничивалось разведением лошадей. И, как б удивительно это не звучало, конь для чертей стоил дороже собственных жен! Это если жена по своей воле изменила супругу — ее надлежало скинуть со скалы или утопить в реке, в зависимости от трактовки Заветов Предков, а вот поменять жену на коня — это запросто.

Вообще же, как уже упоминалось, родина красных скагов не здесь. Они пришли из-за моря, с юга. Такая новость дала новую пищу для размышлений. Их маленькие лодочки не могли пережить морской переход. Плюс, обнаруженная нами постройка. Плюс, лук Кинжая. Следовательно, там, на юге, находится более развитая и более мощная цивилизация скагов. Если, конечно, они тоже не прогневали Трижды одинакового Тилиса и не позабыли все, что умели.

Родственные связи у чертей невероятно широкие. Говоря "мой брат" скаги могут иметь в виду как родного брата, так и мужа сестры, и, даже, сына дяди в невесть каком колене. Живут они не так уж и долго — порядка сорока земных лет, погибая, в основном, в боях, на охоте и от болезней. Лишь немногим счастливицам удается дожить до шестидесяти.

Кинжай убеждал меня, что обман или воровство у чертей вообще не встречаются.

— Зачем говорить то, чего нет, когда этого нет? Ведь от этого оно не станет есть! — искренне недоумевал хан.

Ну-ну... я бы, конечно, поверил, если б не видел довольную рожу шамана, который, особо не надрываясь, трескал мясо за троих.

Другое дело — военные трофеи. Поверженного противника скаги готовы ободрать до нитки. Были бы у них коронки на зубах — сняли бы и их. Рабы тоже считались законным трофеем. Но только если раб — коричневый черт. Своих, красных, рогатые в рабстве не держали. Зато коричневые, попав в неволю, дохли, как мухи.

Здесь, опять же, играют роль Заветы Предков, которые гласят, что кровь можно смыть только кровью. Одно дело, когда аборигены крошили друг друга на войне — тут все было честно. А вот причинить смерть скагу вне поля боя... это — тяжкий грех. Или как говорят сами черти — "винеш". Так появляется Долг Крови и весь род начинает охоту на виновника, пока кто-то не прикончит его.

Вот тут я понял, что с таким отношением к жизни нам очень повезло, что положив не один десяток чертей, мы, все же, заключили с ними союз. Или в этом заслуга Коноша, или магия металла, который сами скаги разучились добывать, и ножи со стрелами послужили достаточной оплатой Долга Крови. А, может, они просто не считали нас за равных, чтобы требовать ответной крови?

Глава 14. Самолет

С того дня, когда мы в деревенском клубе огласили начало Нулевого года, миновало около пяти земных лет. Или, считая местным летоисчислением — три с половиной года. Верхнезаводск уже не был крохотным фортом с ютившимся друг на друге домишками. Город превратился в крупный промышленный центр с населением в три с половиной тысячи человек, а дома вышли далеко за стены форта, потеснив поля с пшеницей и картофелем. Благодаря климату, мы снимали по несколько урожаев в год, то есть проблема пропитания перестала быть острой.

В самом Верхнезаводске появилась клиника, школы и даже некое подобие университета. Работал и механический завод, выпускавший достойные клоны автоматов Калашникова, пистолетов Макарова, патроны к ним и вполне сносные мотоциклы.

Нам еще многого не хватало. Сельскохозяйственной и строительной техники, авиации, электроники. Никто не мог с точностью назвать тот день, когда человечество здесь, на Новой Земле, начнет жить так же, как и на прежней. В неге того же комфорта. Удивительно, насколько важны вещи, на которые там, на родной планете, мы не обращали внимания. Взять те же швейные машинки. Вот кто мог подумать, что такой простой механизм станет необходимым и незаменимым!

Изменился и Порт-Артур. В нем проживало полторы тысячи человек, а на верфи достраивался более быстроходный корабль, нежели "Ришительный". И более традиционного для XXI века дизайна. Мне не терпелось продолжить исследования.

Но и сейчас время не проходило даром — я руководил систематизацией того культурного наследия, что удалось спасти из деревни. Книги, музыка, фильмы, большая часть которых сохранилась в компьютерах. Первые библиотека и типография работали уже давно, как и кинотеатр, а вот с обеспечением всех и каждого телевизором, радиоприемником, или, тем более — компьютером, стояла существенная проблема. Пока все ЭВМ, объединенные в сеть, распределялись по государственным учреждениям.

Нам не хватало ресурсов. Нам не хватало знаний. Я лишний раз подчеркну — мы жили, а не выживали, но до возврата в привычное русло было еще как до Китая ползком на пузе.

Электростанция с лихвой обеспечивала нас электроэнергией, поля — пищей, заводы — продукцией, а горы — металлами и углем. Каждый месяц железнодорожный состав с цистернами-нефтевозами отправлялся к нефтяному месторождению, где жило и трудилось пятьдесят три человека. Скважина истощалась, но причин для беспокойства не было. Молодцов, став министром геологических изысканий, нашел еще один нефтеносный район, гораздо более богатый.

Мы даже начали строить свободный от промышленности поселок на берегу Волшебного озера. Свообразные номенклатурные дачи для наиболее заслуженных граждан Новой Земли.

С определенной натяжкой, если б не два солнца, три луны и постоянные встречи с чертями, можно было бы подумать, что ничего не случилось и мы находимся все еще там, на нашей старушке Земле, обреченной на вечный круговорот на орбите единственной звезды.

Казалось, все, что могло произойти — уже произошло. И ничего сверхсерьезного и суперважного в принципе не может случиться, но жизнь, как это обычно бывает, словно

специально ждала момента, когда человечество расслабится, чтобы достать очередного кролика из бездонной шляпы бытия.

Этим памятным вечером я сидел за столом на втором этаже своего дома в Верхнезаводске и изучал эскизы банкнот, некоторым из которых повезет стать основным платежным средством на Новой Земле. Я как раз добрался до сторублевой купюры, выбирая между изображением пика Грачева и Волшебного озера, как вдруг меня побеспокоила Марина.

— Лешка, внизу кто-то есть, — прошептала она.

— Глупости, — отмахнулся я. — С чего ты взяла?

— Там кто-то разговаривает!

— Тебе кажется. Скорее, это кто-то на улице.

— Я что — совсем тупая? Точно тебе говорю — голоса именно в доме, — стояла на своем моя жена.

Желая доказать ей обратное, я подошел к окну и распахнул его, прислушиваясь. Снаружи царил темень и тишина. Город спал.

— Вот видишь, — улыбнулся я. — Тебе показалось.

— Нет! Вот, опять.

И то правда. Снизу доносились какие-то звуки. Выругавшись, я достал из ящика стола пистолет и, стараясь не шуметь, начал спускаться по лестнице. Дожили! И тут появились грабители! И кого грабят? Министра культуры и просвещения! А может, это экстремисты, которые пытаются захватить власть? А ведь мы еще даже не успели начать коррумпироваться!

Водя стволом пистолета, я спустился вниз. На первом этаже было темно, тихо и пусто. Показалось что ли? Но голоса повторились.

— Тьфу, черт! — выругался я. — Это же радио!

И тут меня словно по башке ударило. Кто может меня вызывать в такой час? Как пить дать — или война, или еще что похуже. Я подбежал к радиоприемнику. Эфир молчал. Через окно я видел небо, усеянное звездами. И вдруг из динамика прозвучал голос:

— Here is Foxtrot Whiskey One, calling New-New-York... Here is Foxtrot Whiskey One calling New-New-York...

Тишина. И опять.

— Here is Foxtrot Whiskey One...

Звук был очень чистым, без помех. Видимо передающая станция находилась совсем рядом.

— Слушай! — воскликнула Марина.

Я замер, затаив дыхание. Что-то тихо жужжало, напоминая шмеля.

— Самолет?

Я подбежал к окну. Среди звезд мигнул зеленый огонек, затем — красный. И снова. Оповестительные знаки гражданского воздушного судна! Я метнулся к аппарату.

— Foxtrot Whiskey One, Foxtrot Whiskey One, who are you? — кричал я в передатчик. — Foxtrot Whiskey One, who are you? Here New Earth Republik!

Я услышал приглушенный возглас и ответ на приличном русском, но с сильным американским акцентом.

— Говорит самолет FW-1. Где вы находитесь?

— Прямо под вами! Сейчас пушу сигнальную ракету.

Марина услужливо протянула мне ракетницу. Я распахнул окно и, выставив ствол наружу, нажал на спуск. Хлопнув, красный огонек взвился ввысь. Залаяли собаки. В соседних домах начал зажигаться свет, но главного я добился — теперь самолет кружил прямо над нашими головами.

— Вижу вас. Ночью садиться опасно. Мы прилетим позже. Сколько вас и кто вы?

— Около пяти тысяч, все русские. А вас?

— В самолете пятеро, в Новом Нью-Йорке — двенадцать тысяч человек. Американцы норвежцы, японцы... в общем, много кого. Оставайтесь на той же частоте, мы будем вас вызывать.

— Давно в полете?

— Пять часов. Вылетели на разведку. Днем вернемся к вам.

И эфир замолчал. Умывшись и хлопнув кружку кофе, я бросился будить дядю. Но он уже проснулся и сам — моя ракета навела шороху в городе. Когда я выскочил из дома, в конце улицы уже маячили фарами милицейский бронированный Урал и командирский УАЗик, из которого и вышел полковник. А пятью минутами позже прибыл еще один кортеж с Семеновым.

Новость расплзлась по Верхнезаводску молниеносно. Мы едва дождались рассвета. Поутру, перегородив движение по трассе к Порт-Артуру, мы выложили белую стрелу, подогнали пожарную машину, карету скорой помощи, приготовили дымовые шашки.

— Ну, что? — поинтересовался я, забравшись в бронетранспортер, где Марина дежурила у приемника.

— Пока ничего, — развела она руками.

— Да не приснилось же нам все это?

В ожидании прошло два часа. Многочисленные зеваки рассосались, осталось человек сто — не больше. И вот наконец:

— FW-1 вызывает Новоземную Республику. FW-1 вызывает Новоземную Республику.

Дядя что-то невразумительно пробурчал, но его тон не оставлял сомнений, что это "что-то" было еще и весьма неодобрительным.

— Новоземная Республика слушает, — произнес я в микрофон. — Говорите! Прием!

— Мы летим над архипелагом островов в тропических широтах. Два мотора отказали, вернуться, по всей видимости, не сможем. Связь в Новым Нью-Йорком потеряна. Слышим вас плохо. На тот случай, если мы погибнем — вот координаты Нового Нью-Йорка.

Здесь летчик назвал несколько цифр, которые астроном тут же записал.

— Где вы находитесь сейчас? — спросил Миша у американца.

Аэронавт назвал еще несколько цифр. Я оттолкнул парня от приемника.

— У вас есть оружие?

— Ха, есть ли у Техасца оружие! — последовал ответ.

— Замечательно! Постарайтесь сесть. Мы вас найдем. Главное — не выходите из самолета, не ешьте незнакомых фруктов и не позволяйте никому съесть вас самих!

— На строгом пайке провианта нам хватит на пару недель, — ответил американец. — К тому же мы — пилоты USAF, выживем как-нибудь.

— Ну-ну, — сомнительно покачал головой дядя.

— А, еще — и остерегайтесь медуз! — добавил я.

— Каких еще медуз?

— Увидите — поймете.

— Третий мотор отказал! Идем на экстренную...

Передача оборвалась. Мы ждали. Вокруг снова образовалась толпа. Прошло десять минут. Еще десять минут. Полчаса.

Американцы заговорили только через час.

— Мы посадили машину. Самолет сильно поврежден, но все живы. Аккумуляторы сильно разряжены, так что будем подавать только позывные два раза в сутки.

— Наши-то координаты какие? — завопил Родин в передатчик.

Пилот, пошелестев бумагами, назвал цифры.

— Вот зачем тебе это? — проворчал я. — Ты не знаешь, где мы находимся?

— А ты знаешь, какой меридиан они приняли за нулевой? — возразил Миша. — Или хочешь всю параллель обшаривать?

Я немедленно выехал в Порт-Артур. Мы располагали полутора кораблями — "Ришительным", готовым к выходу в море в любой момент, и "Адмиралом Колчаком", который уже был на плаву, правда без вооружения, силовой установки и подводных крыльев. Планировалось оборудовать его паровой турбиной, спецификации которой уже были на заводе. С ней расчетная скорость крейсера составляла порядка 40–45 узлов. Выбирая из того, что есть, оставался единственный вариант — поставить дизель с тепловоза, значительно урезав возможность судна. Зато такое решение позволит довести его до готовности всего за неделю.

Посоветовавшись, мы решили, что Семенов останется ждать завершения работ над "Адмиралом Колчаком", на котором отправится в Новый Нью-Йорк, где ситуация не казалась критической. А мы возьмем "Ришительный" и пойдем на поиски самолета. Вот там дорог каждый час. Непонятно, в каких условиях оказался экипаж FW-1, какие опасности им угрожают. Там, в тропиках, мы еще никогда не были. И, если не поторопимся, имели все шансы вместо живых людей обнаружить обглоданные косточки. Это — если повезет. С фауной Новой Земли могли даже костей не найти.

Я набрал в экипаж судна двадцать человек, включая Родин, Белкина и Молодцова. Мы погрузили продовольствие, закрепили на палубе "Бандерлога" — трехосный броневик, собранный из деталей автомобилей, не подлежащих восстановлению по тем или иным причинам. Его вооружение составлял курсовой ПКМ и еще один такой же пулемет, спаренный с ракетной установкой на башне.

Тихим ходом прошли по реке. На выходе из устья Урала я послал позывные. Экипаж самолета отозвался. В ту же минуту "Ришительный" покачнулся на волне — мы вышли в открытое море.

На четвертый день вдали показалась земля, хотя мы все время шли одним курсом. Вероятно, материк здесь изгибался, или это был какой-то остров. Мы приближались к тропическим широтам. Жара стояла нестерпимая — термометр в тени показывал сорок два градуса. Обшивка броневика накалилась до такой степени, что кузнец кипятил чайник прямо на нем. Палубу обливали водой ежечасно.

Я связался по радио с Верхнезаводском. Дядя сказал, что, несмотря на все усилия, установить связь с Новым Нью-Йорком пока не удалось, зато Семенов смог ускорить работы над "Адмиралом Колчаком" и судно сегодняшним утром вышло из порта.

На восьмой день пути на горизонте показались острова — где-то здесь и разбился самолет. По словам пилота, на острове был лес и горы, но под эти признаки подходил абсолютно каждый клочок суши. Провиант у американцев подходил к концу — нам

следовало торопиться.

После полудня Миша ворвался в мою каюту и вытащил меня на палубу. Я изо всех сил сопротивлялся — внутри была хоть какая-то тень. Но сразу забыл про жару — над одним из островов поднимался дымовой столб.

Я связался с американцами, уточнить — не они ли развели костер, чтобы привлечь наше внимание. Оказалось — нет. Тогда я спросил, не видят ли они дым. И на этот вопрос ответ был неутешительным — вокруг слишком густая растительность, чтобы видеть хоть что-то. Но попросили поторопиться.

Что же... Кинжай говорил, что их предки пришли с юга, из-за большой воды. Похоже на этих островах и живут предки наших знакомых скагов. Помня, чем началось наше знакомство с чертями, я приказал удвоить посты и выдать экипажу автоматы.

Мы еще полтора дня искали нужный нам остров. Аэронавты матерились по радио, недоумевая, как можно не найти четвертый с севера большой остров. Нет, маленькие острова они не считали. И на кадрах аэрофотосъемки их слишком много, чтобы попытаться сосчитать. Плюс, была облачность, потому сколько маленьких островов — они не знают. Но клянутся демократией, свободой и независимостью, что если считать только большие острова, то они на четвертом с севера. И вообще у них кончается провиант, а таблеток для обеззараживания воды осталось всего две.

Меня уже подмывало утопить судовой журнал и по возвращении отрапортовать, что нашли только трупы. Но под вечер мы увидели остров, наиболее подходящий под описание. Однако берег нас разочаровал: деревья поднимались прямо из моря, толпились на илистых топких, отмелях, где кишели неведомые гады, а воздух был отравлен невыносимо зловонными испарениями. О высадке не могло быть и речи.

Мы поплыли вдоль побережья, отыскивая местечко погостеприимнее. Через несколько километров "Ришительный" достиг устья мутной реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в него войти и подняться километров на пятнадцать. Но и здесь илистые наносы окончательно преградили нам путь. Гребные колеса черпали грязь со дна, забрасывая ее палубу. "Бандерлог", не успев сойти на берег, уже уделался от колес до верхушки башни.

Вокруг на заболоченных берегах шевелились, хлюпали и шипели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые кучи живого студня амебовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задыхались от запаха гнили; термометр показывал сорок пять в тени! Когда настала ночь, берега осветились фосфоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, по-видимому, не было живых существ. "Ришительный" пристал к нему. Мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. С борта на берег лег бревенчатый помост, по которому броневик осторожно съехал на сушу.

— Кто пойдет? — спросил Миша. — Ты, я, Паша и Дима?

— Ты и Дима останетесь, — возразил я. — На судне должен остаться хоть кто-то, кто сможет довести его до порта. И достойный механик. Белкина я брал именно как механика.

Взяв с собой, кроме геолога, еще одного матроса, я вызвал самолет. Узнав, что мы по столь расплывчатым ориентирам умудрились найти нужный остров, американцы завопили от радости.

— Будем у вас часа через два, — проинформировал я их. — Если у вас осталось горючее

— зажгите костер. Дым будет служить отличным ориентиром.

Я проверил напоследок автомат. Зарядил подствольный гранатомет. Загнал патрон в патронник Стечкина и, убрав пистолет в кобуру, забрался в башню к ракетнице. Паша сел за штурвал, матрос устроился в грузопассажирском отсеке и мы тронулись в путь.

Глава 15. Леденящий ужас

Молодцов уверенно вел машину на юго-запад. Я крутил башней по сторонам, осматривая окрестности. Каменистая полоса протянулась всего километра три, после чего пошел мягкий, скользкий грунт. Несмотря на все три ведущих моста "Бандерлога", автомобиль то и дело буксовал, пытаюсь закопаться в грязь. Сказывалась кустарная сборка машины. Да и все было изношенным — шины, двигатель, ходовая. Я в очередной раз пожалел, что мы не смогли взять испытанный БТР, но мы элементарно не смогли бы разместить его на палубе "Ришительного".

Броневик продвигался с большим с трудом. Возможно, я погорячился, обозначив американцами столь короткий срок прибытия. Вода фонтанами вылетала из-под колес. Кенгурин раздвигал заросли тростника, а катки с хрустом перемалывали их в труху.

Запах тухлых яиц, вызванный гниением этих трав, а может быть, желатинообразных существ, преследовал нас неотступно. Через два часа этой мучительной езды мы увидели, наконец, далеко впереди столб дыма. Местность начала повышаться и отвратительные ползучие твари исчезли. Грунт снова пошел твердый, каменистый. И вот я увидел вдалеке силуэт транспортного самолета бородатых годов. Он, небось, еще живым Рузвельта застал.

Заметив нас, американцы, сначала остолбенев от удивления — все же не каждый день видишь в тропических джунглях на чужой планете такое чудо инженерной мысли на шести колесах. Но вскоре пришли в себя.

— Русские идут! — радостно завопили приземленные воздухоплаватели.

Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в форме военно-морского флота США. Я открыл боковой люк и впустил их внутрь. Восьмером мы еле уместились в бронеике — столько народу в нем отродясь не было. Но это не помешало бурным излияниям американцев. Они едва не сломали мне пальцы восторженными рукопожатиями.

Самому старшему из них было лет тридцать пять. Как начальник экспедиции, он представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, который был выше меня на целую голову — капитан Эллиот Смит. За ним шел коренастый брюнет, капитан Рональд Брюстер. Огненно-рыжего расхлябанного парня звали Дональд О'Хара, он был лейтенантом.

Оставался человек в комбинезоне. Указывая на него, американец сказал:

— А это для вас сюрприз: Бежан Шоев, географ и ваш соотечественник!

— Ничего себе — соотечественник, — удивился я.

— Ну он же — таджик! — возразил американец.

— Не обращая внимания, — отмахнулся Шоев. — Для них таджики, белорусы, казахи, армяне и даже поляки — все русские. Я уже привык.

— С такой логикой мексиканцы — американцы, — покачал я головой.

Самого начальника экспедиции звали Артур Джейнс, целый полковник! Я в свою очередь познакомил всех с Павлом и матросом, оказавшимся моим тезкой. Изголодавшие летчики с жадностью набросились на наши сухпайки. Я обратил внимание, что американцы прекрасно знакомы с ними, составом консервов и весьма ловко орудуют пластиковым консервным ножом, на освоение которого мне в свое время понадобилось почти неделю. Только таджика смутил давно истекший срок годности, но после того, как я заверил, что они

хранятся в глубокой заморозке, и он с аппетитом зачавкал.

— Знакомы с ИРП-1? — поинтересовался я у полковника.

— Только в качестве трофейных, — ответил он и набитым ртом.

Но, заметив, как я напрягся, он поспешно пояснил:

— Шутка. Я служил в Ираке, туда их нам поставляли из Казахстана. Наши пайки, они... — Джейнс скорчил брезгливую мину. — А у вас и обмундирование, и питание, и особенно оружие — во! — американец показал большой палец. — Мы первым делом после десантирования собирали АК, и воевали исключительно с ними. Сперва командование пыталось бороться с этим, а потом отстали. Запретили только фотографироваться с Калашниковыми. А у наших винтовок... хм... проблемы из-за песка.

— Ты б не шутил так больше, — улыбнулся Молодцев, убирая руку с рукоятки пистолета.

Фраза была произнесена на русском и осталась непонятой янки.

Накормив американцев, мы стали собираться в обратный путь. Я сказал, что возьму с собой только троих, а мой матрос и двое летчиков пусть останутся — вооружение с самолета все приборы, которые можно спасти. Особую ценность, конечно, представляли четыре авиационных мотора, но собирать их пришлось бы по всей поляне. Да и "Бандерлог" был маловат для такого груза.

Полковник приказал ехать Шоеву, Смиту и Брюстеру, а сам с О'Харой и моим тезкой заперся в самолете. Пренебрегая безопасностью, я уселся рядом с Бежаном. Мой разговорный английский был далек от совершенства, да и практики сколько лет не было, так что с таджиком мне было проще общаться, чем с американцем. Все же, братья-славяне.

От него я узнал, что после падения Челябинского метеорита, который никто не ждал, второй метеорит, значительно больший, и именно тот, который ждали, пролетел над Юго-Западом США. Нет, пролетел он слишком высоко, чтобы нанести какой-либо урон, но британские ученые, которые бороздили океан неподалеку на исследовательском судне, считают, что железо-никелевый метеорит создал какое-то возмущение в электромагнитном поле, в результате чего город и был заброшен на другую планету.

Американцам повезло значительно меньше, чем нам. Новый Нью-Йорк угодил прямо в середину океана. Из семидесяти тысяч в живых осталось около десяти тысяч человек! На острове оказалось кладбище самолетов и несколько производственных объектов, наполовину разрушенных катастрофой. Естественно, как и в любом тexasском городе, в Новом Нью-Йорке каждый припас по паре-тройке пушек под кроватью. С продовольствием было сложнее — пришлось питаться исключительно рыбой.

— На то, что плавает, я теперь даже смотреть не могу, — признался Бежан.

Но самое странное — на острове оказалось достаточно много судов! Уже упомянутое британское научно-исследовательское судно, японский атомный подводный крейсер, французский легкий крейсер, американский эскадренный миноносец, канадский эсминец, норвежский сухогруз и аргентинский танкер. Все эти суда находились в море поблизости и, потрепанные штормами и схватками с морскими чудовищами, чудом нашли кусок родной планеты в бескрайнем океане. Сколько их там, еще не нашло сушу?

— Почему же вы только сейчас вылетели на разведку? — удивился я.

— Были дела поважнее, — уклончиво произнес Шоев. — Ты же заешь этих американцев. Их хлебом не корми — дай демократию и посудиться. Почти половина населения города были безработными, жили на пособия, а тут такое... телевидения нет,

интернета нет, сотовой связи нет. Социального обеспечения — и того нет. Вот и пошли по судам. Нет, вначале и правда пытались удовлетворять иски, а когда поняли, что помощи от дяди Сэма не дождешься — начались беспорядки. Целая война! Полгода на улицах стреляли. Там разные банды захватывали власть раз в неделю. Потом японцы пригрозили, что если не наступит мир — они грохнут реактор со своей субмарины. Вот тогда уж точно будет тишина и порядок. Японцы, чего с них взять? Им дай суши потрескать, да харакири сделать.

— Жесть, — ужаснулся я.

— Америка, — вздохнул Бежан. — Снова хоронили мертвых, восстанавливали дома. И вдруг оказалось, что остров тонет. Быстро тонет. По три дюйма в месяц. Собрали остатки топлива, восстановили один самолет... и вот мы здесь.

— И вы ни разу не слышали наши передачи?

— Нет, — развел руками географ. — Хотя, может кто и принимал. Но нам про это ничего не известно. Ты-то откуда?

— Я ж уже говорил, — улыбнулся я. — Из Новоземной Республики.

— Да нет, я имею в виду там, дома... на Земле, где жил?

— Челябинск.

— Челябинск? — с благоговейным ужасом повторил Шоев.

— Да, а что?

Я уже приготовился услышать про "суровых челябинских мужиков", слесарей и начальников труболитейного завода № 69, сама технология которого — литье труб — вызывает большие сомнения. Но украинец меня сообщил совершенно кошмарную новость.

— Челябинска больше нет.

— То есть как — нет? — переспросил я.

— Так — нет. У нас в новостях передавали — ударом метеорита многомиллионный город стерт с лица Земли.

Я услышал удивленный возглас Молодцова. А сам переваривал полученную информацию. То есть как так — нет? Неужели, нам повезло больше, чем мы предполагали? Неужели там, дома, не осталось никого из родных и близких? Я отдавал себе отчет, что мы и так, вероятнее всего, никогда не увидимся, но как-то спокойнее было думать, что на родно планете все живы и здоровы. А тут такая новость... догнала через пять лет!

Весь остаток пути прошел в гробовой тишине. Часа в три дня мы добрались до "Ришительного". Мы высадили спасенных людей и собрались во второй рейс, как кузнец взмолился взять его с собой вместо геолога. Уж очень ему хотелось поглазеть на разбившийся самолет. Он нудил и нудил, как ребенок. Короче, было проще взять его с собой, чем отмазаться.

Мы уже видели самолет, когда вдруг нас опередила огромная студенистая масса ядовитого фиолетового цвета. По форме она напоминала гигантскую амебу. Я попросил Диму остановить автомобиль, а сам высунулся из люка.

В этот момент дверца флюзеляжа открылась и оттуда выглянул ирландец. Завидев остановившийся броневик, он приветливо помахал рукой и пошел нам на встречу. За ним из самолета вылезли полковник с матросом. Я перевел взгляд на чудовище. Его окраска стала бледнее. Тварь почти слилась по цвету с грунтом. Если б я не знал, где она находится — не рассмотрел бы.

Почувствовав опасность, я закричал О'Харе, отчаянно маша рукам. Он приближался, улыбаясь в ответ. И вот, наконец, он тоже увидел тварь. Но, вопреки моему ожиданию — не

побежал прочь, а замер. Черты его лица разгладились, глаза не выражали совершенно ничего. Я бросился было к пулемету, но сообразил, что прошью не только амебу, но и ирландца, и самолет с Джейнсом и Алексеем вместе взятыми. Чертыхнувшись, выдернув из кобуры АПС, я спрыгнул на землю. Но опоздал. Тварь медленно обволакивала летчика, а тот стоял, словно истукан, даже не пытаясь оказать сопротивление. И только когда осталась торчать только голова, он завопил истошным криком. Матрос стоял с открытым ртом. Полковник скрылся в самолете и грохотал железками, видимо, извлекая упакованное оружие.

Перехватив пистолет обеими руками, я нажал на спуск. Потом еще. И еще. Пули тонули в слизняке с характерным хлюпом, словно в куче грязи, не причиняя видимого вреда. Тварь повернулась ко мне. У нее не было ни передышки, ни зада, просто я почувствовал, что она повернулась ко мне. И в этот миг меня сковал ледяной ужас. Такого страха я никогда не испытывал. Захотелось бежать, но ноги словно приклеились к земле. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Я просто смотрел на амебу, ползущую ко мне, не смея даже моргнуть. Кто-то что-то кричал.

И вдруг слизняк разлетелся на мелкие кусочки. Меня сразу отпустило. Я снова поднял пистолет, намереваясь настигнуть ее свинцом, но стрелять было уже поздно.

— Командир! — услышал я голос кузнеца.

Я резко повернулся всем корпусом и только чудом не успел утопить спусковой крючок. Передо мной, недоверчиво уставившись на пистолет, стоял Белкин. Зажав ствольную коробку под мышкой, он держал автомат, сжимая рукоятку подствольного гранатомета своим богатырским кулаком.

— Тихо, тихо, — произнес он. — Все свои.

Я поставил пистолет на предохранитель и убрал его в кобуру. Тем временем подошли остальные

— What an awful thing! — пробормотал Джейнс.

Меня все еще трясло. Успокоился я лишь после того, как сделал два приличных глотка из фляги со спиртом. Причем обжигающая жидкость прошла по пищеводу легко, как вода.

Остальные тем временем искали остатки ирландца, чтобы похоронить его по-людски. Да где там? От всего летчика удалось найти только пряжку от ремня, металлические пуговицы и золотой перстень.

В подавленном состоянии мы погрузили оружие, навигационные приборы, радиостанцию и вернулись на "Решительный".

Едва автомобиль коснулся палубы, я отдал приказ немедленно сняться с якоря. На вопросы друзей я не отвечал, предоставив рассказать обо всем американцу, матросу, Дмитрию — да кому угодно. Никогда не забуду этот леденящий ужас. Черт, а ведь, скорее всего, я — единственный, кто остался в живых, испытав это на себе!

Лишь чуть погодя я подошел к Белкину.

— Спасибо.

— За что? — на сразу понял кузнец. — А, ты про то. Тебе спасибо, что вовремя остановился, а то пригвоздил бы меня...

Глава 16. Где не ступала нога человека

Полностью перепоручив технические вопросы полковнику Джейнсу и его офицерам, я оставил за собой только общее руководство экспедицией. Было бы непростительной глупостью, забравшись в такую даль, не исследовать остальные острова, что я и собирался сделать. Выбравшись из зловонной реки, я первым делом связался с Верхнезаводском. Ответила Марина. Она рассказала, что Семенову удалось достичь Нового Нью-Йорка и он, с уполномоченным представителем американского правительства, читай — послом, уже отплыл в Порт-Артур. Грачев готовится к приему высокого гостя.

— Дядя, я не знаю, как сказать... — произнес я. — В общем, американцы говорят, что Челябинск уничтожен метеоритом.

— Не обращай внимания! — ответил полковник. — Семенову сначала дали аналогичную информацию, но когда показали запись выпуска новостей... короче, вместо Челябинска там были кадры из "Космического Десанта"...

— "Звездного десанта", — поправил я.

— Ну да, из него самого... те самые кадры разбомбленного жуками Буэнос-Айреса. Я повторяю — не похожие, а именно те, из фильма!

— Фух! — отлегло у меня. — А самих жуков не показали, с припиской "мутировавшие челябинские тараканы"?

Потом, по совету Джейнса, я попытался связаться с Новым Нью-Йорком. Как ни удивительно, они ответили сразу. Полковник сделал короткий доклад, после чего передал мне благодарность правительства.

Мы взяли курс на северо-запад. Дул сильный ветер и "Ришительный" сильно качался на волнах, вызывая протесты в наших желудках. К ночи море успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Я оставил на мостике Смита, а сам отправился спать.

Сон снился донельзя жуткий. И до жути реальный. Я чувствовал каждым волоском на коже дуновение и степного ветра, и даже запах потных тел скагов. Снился покойный Кинжай. Поставив на костер гигантский котел, он, в фартуке с ромашками, крошил в него морковку, картошку, свеколку. А затем забросил и меня в кипящий бульон. Бульон был наваристым, тягучим, вязким, как студень. И вдруг я понял, что в котле вовсе не бульон, а фиолетовый слизняк! Я закричал от ужаса и начал раскачивать котел, чтобы выбраться. Я раскачивал его и раскачивал...

Проснувшись, я внезапно обнаружил, что судно и в самом деле качается! Забегая вперед, скажу, что в моей жизни не было больше ни единой ночи без кошмаров с участием фиолетового студня. Торопливо одевшись, я поднялся на палубу.

— Что случилось? — спросил я у рулевого.

— Не знаю, командир, — развел он руками. — Мы только что остановились.

— Где американский капитан?

— Слева по борту, вместе с американским полковником.

Из люка высунулась голова Михаила — он тоже проснулся. Вдруг раздался громкий всплеск, и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое английское ругательство, потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

— Вниз! Вниз!

В тот же момент Смит сбил меня с ног и мы оба кубарем покатались в открытый люк. Джейнс нырнул следом за нами. При свете лампы я разглядел белые, искаженные ужасом лица американцев. С грохотом захлопнулась дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок и "Ришительный" накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

— Что это за фигня? — взревел я.

Я уже был готов подумать, что янкели устроили диверсию по какой-либо только им известной причине. Рука потянулась к кобуре, но я вовремя понял, что тогда они не были бы сами настолько напуганы.

Американцы переглянулись.

— Морские гады! — произнес Смит.

— Гады? — переспросил я.

— Морские, — уточнил полковник. — И гигантские!

Я похолодел. Никогда не отличался большой любовью к морям и океанам. Потому что там, на суше, можно быть только съеденным или разорванным на мелкие кусочки. А в воде можно быть еще и утопленным! Нет, плавать я умел. Но сама мысль о том, что какая-то морская тварь утащит меня в пучину — ужасала.

Я вспомнил прошедший день. Вспомнил слизняка. Да и все свои остальные опыты с большой водой, которые никогда не заканчивались ничем хорошим. Я даже вспомнил, что как корабль назовешь — так он и поплывет. И помянул недобрый словом Семенова, которому стоило бы почаще листать орфографический словарь или, хотя бы, не спать на уроках в школе.

На подгибающихся ватных ногах мы поднялись по лестнице на закрытый мостик. Сквозь большие иллюминаторы я увидел, что залитая светом трех лун палуба пуста. Только на носу, у самой ракетной установки, извивалось нечто вроде толстого каната.

Смит рассказал, как все произошло. Когда колесо по левому борту застопорилось, они с Джейнсом пошел посмотреть, что стряслось. И вот там, в воде, увидел огромный купол, усеянный чешуей. Нет, тогда еще он не понял, что это — чешуя. И, вообще, посчитал, что судно налетело на мель. А потом чудище начало шевелить щупальцами. Вот тогда-то капитан и завопил, что есть мочи.

Мы попробовали запустить машину; колесо сделало пару оборотов, затем мотор снова заглох. Последовала новая серия толчков и рывков.

Казалось, эта ночь никогда не кончится. Но только на рассвете мы увидели, как велика опасность. По крайней мере три десятка морских гадов окружило судно со всех сторон.

Оказалось чертовски сложно найти аналог этим существам в нашей, земной мифологии. Они походили одновременно на медуз — точно такой же купол, гибкий, покрытый чешуей. И на осьминогов — каждая тварь обладала шестью щупальцами. Но вместо четвертой пары щупалец торчали клешни, как у краба. Рот у них, скорее всего, тоже был, но оставался там, внизу. В той части, что мы не могли разглядеть.

— Ктулху, — произнес я. — Назовем этих штуковин ктулхами.

— Вообще-то, "Ктулху" — имя собственное, — заметил Михаил. — И во множественном числе не употребляется!

— Вот сейчас они тебя на завтрак употребят, — мрачно проговорил кузнец. — Там, изнутри, и объяснишь им, что куда употребляется.

— Вот эта вся дискуссия, конечно — хорошо, — вздохнул я. — Стало быть, не я один

вижу этих ктулх. Вопрос в том, что делать? Если они разнесут корабль в щепки — конец наш будет быстрым и печальным.

— Может, снять пулемет с броневика и накормить их свинцом? — предложил Белкин.

— Давай-давай, — кивнул я. — Кто сейчас решится прогуляться по палубе?

— Вообще-то у нас в самолете был FN Minimi, — напомнил Эллиот. — И он упакован где-то в трюме!

— Отлично! — воскликнул Михаил. — Тащите сюда свой пулемет!

Пока матросы искали в трюме ящик с американским оружием, мы могли лишь безучастно наблюдать за тем, как ктулхи крушат "Ришительный". Одно чудовище как раз приближалось, пеня воду щупальцами. Вот оно уцепилось за поручень правого борта и оторвало его напрочь. Я молился только о том, чтобы эти гады не нащупали "Бандерлога". А, если и нащупают — чтобы он оказался достаточно крепко привязан.

— Может, если мы завалим одного, остальные похвают его и успокоятся? — предположил кузнец со свойственной ему добротой.

Прозвучал звонок, я подошел к переговорной трубке.

— Командир, колеса свободны.

— Ждите, — приказал я. — Как скажу — жми вперед на полную.

Двое матросов втащили по трапу пулемет, третий нес короб с патронами. Я открыл иллюминатор и, выставив ствол наружу, приготовился дать очередь. Но меня остановил Шоев.

— Ты хорошо знаком с этой системой оружия?

— Только в качестве трофейной, — процедил я сквозь зубы. — И это не шутка.

— Пусть стреляет американец, — поддержал Бежана Миша. — Он лучше знает свое оружие.

Я уступил место Смиуту. Тот тщательно прицелился и дал очередь по морскому гаду.

Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, встряхнув воздух трубным ревом, потом пошло ко дну. Капитан уже взял на мушку второго, как вдруг разразилась настоящая буря: десятки гигантских рук заметались по палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни летели за борт, как семечки. Ракетница на носу тоже отправилась на дно. Один из тросов, держащих броневик, лопнул и разнес стекло. Другое щупальце не упустило возможности протиснуться в иллюминатор.

Чудовищный отросток яростно извивался. Михаила швырнуло о стену, остальные попадали на пол, спасаясь от угрозы. И только кузнец сразу пришел в себя. Сорвав с крюка пожарный топорик, он размахнулся широким жестом дровосека и начисто отсек щупальце. Через полуоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал бедствия, пока еще целы мачты антенны. Хотя... кому? Когда до нас доберется хоть тот же "Адмирал Колчак" — даже ктулхов от несварения желудка поздно спасать будет — само пройдет. "Ришительный" раскачивался все сильнее. И тут случилось чудо, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас на поверхность высунулась огромная плоская голова и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Я сразу узнал эту штуку — мы их видели во время нашего похода, когда собирались искупаться в море. Одним взмахом она перехватила надвое одного гада и устремилась к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы и между вновь прибывшими и ктулхами началась битва. Такая свирепая и жестокая, что я до сих пор не знаю, сколько она продолжалась.

Минуту или целый час!

Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах.

Мы поняли, что спасены, и, не искушая судьбу, не желая выяснять, как плавающие головы относятся к металлу в своем меню, на полном ходу пустились на север.

Светлая лунная ночь позволяла идти не снижая скорости. Утром мы увидели впереди остров. Мы пошли вдоль южного берега; он был скалистый, крутой и выглядел не очень-то гостеприимно. В глубине тянулась цепь невысоких гор. Добравшись к концу дня до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Взошло солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Позавтракав, мы сделали промеры. Выяснилось, что у берега глубина достигает десяти морских саженей. "Ришительный" подошел вплотную, мы легко перекинули помост и броневик, получивший несколько вмятин в битве с ктулхами, съехал на берег. В разведку решили снарядить Михаила, Смита и Джейнса. Не без тревоги я смотрел вслед машине скрывшейся за первым подъемом. Как-то когда уходишь сам, то надеешься, что вернешься. Даже не надеешься — а веришь, что ничего дурного не случится. А если и случится — то все в своих собственных руках. А вот когда уходят другие... тут уже беспокойство набирает обороты. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы от шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать товарищей. Но плохо, что искать их теперь не на чем.

Часа через два шум мотора возвестил о возвращении разведчиков. Из броневика выскочил один Михаил.

— Где все? — спросил я.

— Там, — загадочно ответил он.

— "Там" — это где?

— Поехали, увидишь. Мы нашли нечто... такое...

— Какое "такое"?

— Короче, ты обалдеешь!

Ну... Родин смог возбудить мое любопытство. Я передал командование Брюстеру и залез в машину. Кузнец, разумеется, увязался с ними. Куда же без него-то?

Мы ехали по волнистой степи с редкими рощицами. Минут через сорок перед нами возникла скала высотой в несколько метров; на ее плоской вершине стоял Джейнс. Михаил остановил "Бандерлога" у самого подножия. Мы спешили, обогнули скалу. С другой стороны чернела глотка пещеры, в которую астрофизик меня и повел.

На стенах были выбиты ряды странных значков, удивительно напоминающих санскритский алфавит. Сначала я подумал, что ребята просто решили надо мной подшутить, но неподдельный налет времени на камне быстро убедил меня в обратном. Да и выбиты они оказались слишком глубоко, чтобы управиться за пару часов. Тем более — в таком количестве. Проведя ладонью по шероховатой стене пещеры, я обнаружил, что знаки даже и не выбиты, а выжжены. Я насчитал больше четырехсот знаков, сбился и бросил это дело.

— Это еще фигня! — заверил меня Михаил. — Выйдем, такое увидишь...

Совсем недалеко от скалы оказалась небольшая, словно вымершая котловина. Если на окрестных скалах еще была поросль — кустарник и пучки трав, то в котловине краснела только потрескавшаяся от жары глина. На ее дне громоздилась гора металлических листов и скрученных балок. Остатки некоего аппарата. Несомненно — летающего аппарата. Иначе как он тут мог очутиться?

Я протиснулся в щель между нагромождением обломков. Толстые листы обшивки, изготовленной из неизвестного мне металла, давно вросли в глину. Смит сказал, что это какой-то титановый сплав.

— Что это за хренотень? — изумился я. — Самолет?

— Вполне возможно, — развел руками астроном. — Только не наш, не земной.

— Вы что, верите в инопланетян и прочий бред? — рассмеялся Смит.

Но четыре пары глаз посмотрели на него так пристально, что смех застрял в горле американца.

— Вы еще чертей не видели, — буркнул кузнец.

— Чего? — не понял капитан.

— Узнаешь, — пообещал я.

Мы подошли к тому месту, где должна была находиться носовая часть и, следуя логике — кабина пилотов. Спереди повреждения оказались не столь значительны и странный аппарат сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков, судя по конструкции, задуманная, как герметичная. Она легко открылась.

В кабине, имеющей форму усеченного конуса, положенного на бок, я увидел нечто вроде панели управления с такими же знаками, какие встретились ранее, на скале. Узкие металлические кресла, порванные провода и раскуроченная труба воздуховода, свисающая с потолка. Я вскрикнул: на рулевом рычаге из черного пластика застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и только с четырьмя пальцами. Четыре пальца, ладонь и торчащий из мертвого мяса осколок кости.

Не сговариваясь, мы склонили головы. Сколько времени эта рука сжимает рычаг последним невероятным усилием? Что за существа управляли этим кораблем?

— Сдается мне, что на этой штуке прибыли благотворители скагов, — шепотом проговорил Родин. — Те, кто научили чертей строить дома и плавить металл.

— Согласен, — кивнул я. — И мне меньше всего хочется, чтобы они вернулись.

— Брось, — отмахнулся астроном. — Она лежит здесь несколько сотен лет. Если б кто-то хотел вернуться — уже вернулся бы. Нет, дружище. Этот корабль так же затерялся во вселенной, что и мы.

Посчитав, что это вряд ли будет считаться осквернением места упокоения, мы принялись рыться в обломках. Нашли несколько пустых банок, части каких-то приборов, книгу с металлическими страницами, но, увы, без всяких иллюстраций. Да еще молоток вполне земной формы, с пластиковой рукоятью, ставшей хрупкой от времени. Вот и все.

Удивляться скудости наших находок было нечего: судя по надписи на скале, часть экипажа спаслась и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. В кормовой части, где должны были размещаться двигатели, громоздились оплавленные, ржавые глыбы. А жаль. Они являлись едва ли не самым интересным во всем аппарате.

Мы сделали фотоснимки и вернулись на корабль, захватив с собой немногочисленные трофеи. Подробно обследовать остров у нас уже не оставалось времени. Мы назвали его просто — "Объект". И отправились дальше.

Около следующего острова "Ришительный" встал на якорь в бухте, защищенной со всех сторон высокими скалами. Мы спустили броневики и покатали в глубь неведомой страны.

В четыре часа пополудни, когда мы доедали запоздалый обед, вдали показалась многочисленная группа всадников. Когда она приблизилась, мы узнали скагов. Эта встреча

нас огорчила: скаги преграждали нам путь к горам, а, зная их крутой нор, ехать напролом было опасно — дело неминуемо кончилось бы столкновением. Но скаги, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта.

И вот тут наши мнения разделились. Я и Михаил предлагали повернуть назад, а кузнец и американцы настаивали на продолжении пути. С моей стороны основными аргументами было нежелание вступать в вооруженный конфликт с местным населением и то, что на "Ришительном" нас ждут к вечеру. Американцам же съедало любопытство — они еще ни разу не видели чертей. Дима утверждал, что за броней нам ничего не грозит — проверено и испытано.

Хорошенько подумав, я уступил. В конце концов, на другие острова мы не собирались заплывать, так что от этого следовало взять по максимуму. Все равно, если здесь живут краснокожие — рано или поздно придется вернуться, устанавливая контакт. Да и Коношу будет интересно, как живет другая половина древнего племени, не проклятая Трижды одинаковым Тилисом.

С Михаилом за рулем и полковником в башне, мы продолжили углубляться в территорию скагов. Мы проехали еще часа два, как вдруг "Бандерлог" резко затормозил. Астроном звучно выругался. Я выглянул в амбразуру и обалдел. В паре километров впереди возвышался целый город! Через бинокль я рассмотрел каменные стены, башни и беспокойно снующих скагов.

Внезапно от одной из башен взлетела черная черточка. Она приближалась, приближалась и приближалась, пока не воткнулась в землю в полусотне метров от нас. Это была гигантская стрела.

— Твою мать! — завопил Родин. — У них баллисты!

— Go, go, go! — заорал американец.

Зашумел сервопривод башни и оглушительно загрохотал пулемет. Броневи́к, взревев двигателем, пошел на разворот.

— Налево! — прокричал американец, не отвлекаясь от стрельбы.

Миша резко крутанул руль и в землю впился еще один дротик.

— Направо!

Виляя, прыгая на неровностях, автомобиль уходил от преследователей. По броне защелкали стрелы. Я бы предпочел, чтобы наши новые знакомые находились на том же уровне развития, что и старые, когда сотня-другая стальных наконечников для стрел способствует установлению дружеских отношений. Эти — наоборот, сами не жалели стали, поливая нас стрелами и дротиками.

— Мы потеряли крышку! — услышал я астронома.

Дело принимало серьезный оборот. Высунув ствол автомата в амбразуру, я начал крошить всадников свинцом. Меня смущала в них какая-то деталь, что-то было не то... и сняв пятого, я понял — на этих чертях были брюки! А на их лошадях — седла! Эти ребята так же далеко отстоят по своему развитию от знакомых нам скагов, как Колумб от индейцев!

Полковник отчаянно завопил. Раздался треск рвущегося металла и в салон броневика вошел дротик.

— Все, — заключил Джейнс. — Ствол пулемета в него упирается — нельзя больше стрелять. Зато я разнес им одну башню ракетой!

Самое удивительное было то, что пробив крышу "Бандерлога", дротик вошел стальным наконечником в стальную книгу, которая и остановила его! Осмотрев ее позже, я не

обнаружил даже вмятины!

— Отличный металл! — со знанием дела заметил кузнец.

— Ты про книгу, или про дротик?

— И про то, и про это.

Вскоре, потеряв еще несколько десятков убитыми и ранеными, скаги отстали. Не останавливаясь, на ходу, мы перепилили древко толщиной в руку и извлекли наконечник. Броневик, только что собранный, на котором доселе муха не сидела, уже после первого же путешествия отправится на капитальный ремонт!

Мы ехали всю ночь и лишь перед самым рассветом увидели сигнальные ракеты, взлетающие с палубы "Ришительного". Поднявшись на борт, я отдал приказ отплывать без промедлений.

Только теперь мы смогли оценить масштабы ущерба. Одна шина изодрана в клочья, в обеих запасках, висевших сзади, стрел — что в еж иглок. Плюс пробоина в крыше. Сколько мы умудрились положить чертей — никто не считал.

— Вот дерьмо, — ругался я. — Дерьмное дерьмо, в которое мы вляпались!

Если островные скаги живут по тем же Заветам Предков, что и континентальные — сюда лучше больше вообще никогда не соваться. А это печально! Союзники, способные возводить целые города, знакомые с металлургией, нам бы не помешали.

Глава 17. Свобода, равенство, братство!

Спустя несколько дней "Ришительный" достиг устья Урала. Мы отсутствовали целый месяц! Нужно ли говорить, как я был рад видеть Марину? Сколько раз за это путешествие я думал, что уже никогда не увижу ее!

Наш многострадальный кораблик в доки на ремонт. "Бандерлог" — тоже вернулся в цеха ВИЗа, залатать раны.

В Верхнезаводске царило оживление — "Адмирал Колчак" с американским послом причалил за пару дней до нас, сегодня утром прибыл Конош, ставший гырхыром после смерти своего тестя. Для проведения общего собрания ждали только меня.

Американцы молили о спасении. Как я уже говорил, Новый Нью-Йорк тонул. Им срочно требовалась эвакуация и только скаги могли предоставить им земли для поселения. Но была еще одна проблема. Да-да, извечная проблема американцев — у них не было нефти. Зато демократии — хоть завались. У нас сложилась обратная ситуация — полнейшее отсутствие демократии, но тысячи тонн топлива. И менять топливо на демократию мы не были готовы. На кой нам сдалась эта демократия, когда мы и без нее прекрасно жили?

Для решения этого вопроса и ждали меня. Ну разумеется, присутствие министра культуры и просвещения при решении вопроса спасения утопающих и снабжения их топливом — просто жизненно необходимо.

Сначала на заседании правительства выступил американский посол Рональд Стоун. Он долго благодарил нас за то, что отозвались. Говорил много сладких речей, что мед в уши лил. Даже слишком много. Вот уж что, а языком трепать янки умеют. И заключил:

— У нас есть корабли, самолеты, вертолеты, но нет топлива. Если вы сможете продать нам горючее — то было бы очень кстати. Мы заплатим долларами!

— Ну что вы! — замахал руками дядя. — Алеша, переведи ему, что вшивые его доллары нам даром не нужны. Только бартер! Техника, оборудование, электроника, оружие. А бумажками своими пусть подотрутся.

Стоун на некоторое время замер с открытым ртом, переваривая услышанное. Конечно, в моем, более деликатном изложении. Для посла это был разрыв шаблона. Как это так — кому-то не нужны доллары? У них-то, у самих этих долларов навалом, а как закончатся — еще напечатают. А вот как раз ценные ресурсы Рональд отдавать не торопился.

И залился длинным монологом, расписывая победы американцев во всех войнах, со времен Чингисхана. Да-да! По его мнению монголо-татар победили именно brave американские морские котики! И этому факту совершенно не мешали досужие домыслы о том, что Колумб открыл Америку лишь четверть тысячелетия спустя.

Семенов в ответ рассказал о сильной, хорошо вооруженной армии Новоземной Республики, о боевой технике, адаптированной к ведению боя на инопланетных территориях, рогатых союзниках и большом опыте. В итоге посол сдался.

Переговоры вошли в более продуктивное русло. Согласно договору мы обеспечивали американцев топливом, предоставляли им земли к западу от Урала, строили им временное жилье. За это мы получали миноносец, пятьсот автомобилей, десять самолетов, три вертолета, огромное количество запчастей к ним, кучу оружия, боеприпасов, станки, компьютеры, произведения искусства и так далее. Полный список занял почти тысячу

страниц приложения к договору.

Встала новая проблема — как доставить топливо на остров? У нас не было ни одного танкера! А оба корабля — "Ришительный" и "Адмирал Колчак" — слишком малы. Выход нашел министр тяжелой промышленности — Михалыч. Он предложил переоборудовать баржу, которая почти год стояла без дела — оснастить ее емкостями для топлива и системой пожаротушения. На все он просил месяц. Михаил вызвался отбуксировать ее на "Решительном" до Нового Нью-Йорка.

Осталось последнее — выторговать у скагов земли, обещанные мною американцам. И тут Конош удивил меня. Ножи и наконечники для стрел чертей больше не устраивали. Они хотели жить в удобных домах, выращивать еду, как это делаем мы, такое же оружие и такие же машины, как у нас. Лишь после долгих и упорных переговоров я смог убедить Коноша, что наше оружие и машины слишком сложны, чтобы краснокожие смогли заботиться о них и содержать в надлежащем работоспособном состоянии. Но на счет домов и обучении их земледелию я не имел ничего против.

На том и сошлись — я давал ему пятьдесят человек — строителей, агрономов и, даже, Белкина, чтобы научить чертей строить дома, возделывать земли и ковать металл. А Конош выделял тысячу скагов на строительство города для американцев. Мне удалось доступно довести до хана, что эта тысяча станет отличными специалистами во всех областях, так что он выигрывает во всех отношениях.

Так началось строительство еще двух населенных пункта с бревенчатыми домами — будущего Клинтон-Сити для американцев и Скагаранского Халифата для инопланетян.

Через месяц Миша и Семеновым, погрузив на "Ришительный" американцев и взяв на буксир баржу с двумя сотнями тысяч литров соляры, отплыли в Новый Нью-Йорк. Островитяне тем временем демонтировали все, что можно было спасти. До последней гайки. Перекачав топливо в хранилища и заправив аргентинский танкер, команда которого состояла из наших соотечественников, спасатели отправились в обратный путь. Теперь обеспечением занимался только танкер- он был и быстрее, и более подготовленным для перевозки нефтепродуктов.

Через полгода первый караван покинул тонущий остров. Кстати, именно тогда и появилось официальное название до этого момента безымянного города — Клинтон-Сити. Из-за этого я проспорил дяде сто рублей! Я-то утверждал, что название будет героическим, из истории прежней земли и с приставкой "Нью". Дядя настаивал на том, что американцы всех удивят и учудят нечто невообразимое. И оказался прав! Впрочем, и в дальнейшем американцы чудили не по-детски.

Население Новоземной Республики тоже увеличилось, за счет десяти человек экипажа аргентинского нефтевоза. Они пожелали передать нам и свой корабль тоже. Американцы сперва противились, настаивая, что в договоре танкер не был указан, но моряки пригрозили вовсе утопить его. Мол, раз не наш — то и ничей. И даже вывели его из бухты, где находился американский порт, угрожая именно здесь открыть кингстоны и перекрыть выход в море на все обозримое будущее. Янки пришлось сдаться.

Французы вместе с канадцами основали небольшой городок с населением в тысячу человек на нашей территории. Двести норвежцев, из которых лишь малая часть являлась экипажем сухогруза, а большинство — спасенные командой судна рыбаки с промысловых шхун, попросили отвести им земли в устье Урала и основали там небольшой рыболовный порт. С японцами вообще получилось очень выгодное сотрудничество — мы дали им в

аренду небольшой кусок прибрежной территории, а они, поставив свой атомоход на якорь в бухте, снабжали практически половину мира электроэнергией. В дальнейшем они начали производить автомобили. Мы сперва удивлялись, как это сто пятьдесят человек умудряются делать машины лучше всего остального человечества Новой Земли, а после махнули рукой. Кому от этого плохо?

Британцы с исследовательского судна поселились недалеко от американцев и до поры до времени не тревожили нас.

Как я уже говорил, янки чудили по-черному. Они настойчиво предлагали совместно разрабатывать наши нефтяные месторождения, по получали отказ за отказом. Тем более, что нефть, пусть не там много, у них была своя. Тогда, совместно с англичанами, они начали давить, при каждом удобном случае обращая внимание на то, что у нас нет демократии.

Нет, я еще готов был понять американцев — у них этой демократии пруд пруди и они при первом удобном случае всегда пытались выменять ее излишки на нефть. Но британцы... у них-то откуда столько демократии взялось? Возникло ощущение, что они специально копили ее, отказывая себе во всем, почти тысячу лет — со времен крестовых походов Короля Ричарда Львиное Сердце, чтобы в критический момент поделиться с нами. И почему именно с нами? Вон, у норвежцев — монархия. У тех же японцев — империя. И ничего — живут себе!

Но нет, американцы докапывались именно до нас. Причина, конечно, лежала на поверхности — нефть. Но когда они вконец одолели, мы провели выборы. Изготовили бюллетени, с одним лишь именем — "Борис Грачев", и тремя вариантами "За", "Против" и "Воздержался". Результаты выборов превзошли все ожидания! 85 % проголосовали "За", 17 % — "Против", 4 % — воздержались, 2 % бюллетеней было испорчено, а 19 % попросту не явились на выборы. Конечно, ничего по большому счету не изменилось, но американцы перестали нудеть.

Вдохновленные нашим примером дружбы со скагами, янки собрали комиссию, которая пришла к ошеломительному выводу. Скаги не являются ни белыми людьми, ни афроамериканцами, ни латиноамериканцами, ни, подумать только, коренными американцами! Следовательно — они вообще не люди! Лет пять назад мы начали догадываться о чем-то подобном, но то, что учудили наши соседи, нам даже в голову не пришло! Они снарядили несколько протестантских миссий с целью обращения скагов в христианство. И я бы еще понял, если бы речь шла о Скагаранском Халифате — там давно привыкли к человеческим заскокам и, живя в благоустроенных домах с электричеством и водопроводом, им было глубоко перпендикулярно — христианство у них, или шаманство.

Но нет! Американцы отправились к коричневым скагам, общение с которыми происходило только через прицел пулемета. Мы сделали для своих друзей все, что могли — научили скагов секретному заклинанию "Yankee Go Home", которым черти исписали все окрестные скалы. Но американцы не поняли намека. Как и следовало ожидать — из их миссий ни одна не вернулась домой.

Зато скаги, проникшись христианской добродетелью, сожгли два пограничных американских форта. Человечество не осталось в долгу — в воздух поднялись три американских самолета. Отыскать убийц не удалось — в степи их и след простыл, а обширные леса были непроницаемы для взгляда с воздуха. Тогда американцы оторвались, разбомбив несколько скал, где раньше были замечены черти. Ответ не заставил себя долго ждать — скаги напали на нефтяные вышки янки.

Вот тут американца обратились за помощью к нам и нашим союзникам в лице хана Коноша, которого за все заслуги уже провозгласили Багырхыром, то есть Великим Ханом, объединившим под своим началом всех красных чертей. Я не торопился соглашаться, требуя за поддержку передачи нам трех реактивных "Боингов", привезенных из Нового Нью-Йорка. Самолеты, порезанные на куски для транспортировки, восстановить было невозможно. Да и вообще реактивная авиация была нам без надобности — не было ни пилотов, ни подготовленных аэродромов. Да и летать особо некуда.

Но на "Боинги" у меня были свои планы. С "Адмиралом Колчаком" я наигрался вдоволь душа требовала более быстроходного судна и я планировал использовать двигатели самолетов для постройки экраноплана. Что такого? Совместно с японцами такой проект был более, чем возможен! А вокруг нас — еще целая планета, неизведанная, полная тайн!

Пока американцы сопротивлялись, скаги успели сжечь еще и добрую часть их посевов пшеницы. Это и решило вопрос.

Кампания была трудной и не без потерь. Мы далеко углубились во вражескую территорию, встречая лишь незначительное сопротивление. Но на рассвете третьего дня к нашему лагерю со всех сторон галопом устремилось более пятидесяти тысяч всадников! Я и подумать не мог, что у коричневых такой перевес сил!

Поставив броневики кольцом, включая восстановленный и намотавший еще несколько тысяч километров многострадальный БТР-80, мы открыли огонь. Но скаги неслись на нас черной лавиной. Мы не успевали перезаряжаться! Безумная отвага чертей наводила ужас, а их живучесть казалась просто невероятной! Я своими глазами видел, как один из них даже после того, как ему оторвало руку вместе с плечом, продолжал, сжимая уцелевшей рукой обсидиановый нож, царапать обшивку броневика, пока американец не прикончил его выстрелом в голову.

Мы отбросили первую волну, за ней последовала вторая. Степь почернела от крови. Подоспели самолеты, но к тому времени все так смешалось — кони, люди, что залпы авиационных орудий скорее навредили бы нам, чем скагам.

Битва длилась до ночи. Я уже десять раз подумал, что три "Боинга" — слишком малая плата за заварушку, в которую мы оказались втянуты. Чертям удалось поджечь несколько машин. Но под покровом темноты уцелевшие скаги бежали и больше не возвращались. Несколько американских броневиков бросились в погоню — позже мы нашли их. Разодолбанные, раскуроченные, разобранные почти по болтику с изувеченными, обезображенными трупами. Даже Джейнс, командовавший американскими войсками, не смог с уверенностью сказать, какому количеству человек принадлежат останки в той или иной машине.

А после битвы на поле брани пришли другие враги — саблезубы. Привлеченные запахом крови, обезумевшие от такого ее количества, сотни хищников были не прочь сделать и нас своей пищей. Пришлось принять еще один бой.

Два последующих года прошли относительно мирно. Американцы все больше замыкались в себе. Наши контакты свелись только к торговле и не более того. Даже британцы участвовали в совместных с нами исследовательских экспедициях. Хотя... в большей степени их привлекал мой... то есть наш экраноплан "Юрий Гагарин", развивающий скорость до четырехсот пятидесяти километров в час! На нем мы совершили первое кругосветное путешествие.

А еще американцы сохранили глупые предубеждения против скагов. У нас с туземцами

складывались наоборот замечательные отношения — многие из них жили и работали в наших городах, многие люди жили и работали в Скагаранском Халифате. Мы занимались образованием и просвещением чертей. И даже больше — в городе скагов патриарх Илья заложил православную церковь!

И вот настал день, когда снова заговорил оружие. Повод был пустяковым. Американцы накормили Ксицы горчицей. Не знаю уж, как сын Коноша оказался на их территории, факт тот, что юный скаг заметил, что земляне намазывают горчицу на хлеб тонким-тонким слоем. И поинтересовался, что это за лакомство такое диковинное. Понятно, что янки не желали зла. Просто неудачная шутка. Так или иначе, кто-то поведал, что горчица — очень редкое и дорогое лакомство, доступное далеко не каждому землянину. Но для такого уважаемого скага, как хыр Ксицы, сына Великого Хана, ничего не жалко. И угостили его целой столовой ложкой горчицы.

Я не знаю, меня там не было, но Конош рассказывал, что сын прискакал весь в мыле и пожаловался, что американцы изрезали его язык тысячей ножей. Так появилось еще одно правило в Заветах Предков, запрещающее скагам употреблять пищу безрогих. Наказание не было прописано, там никакого сожжения на костре или еще чего в таком роде, считалось, что черт, отведав земной еды, сам себя наказал.

Вот тоже головой нужно думать, прежде чем такие номера откалывать. Был бы на месте Ксицы любой рядовой воин — происшествие осталось бы незамеченным. Но тут же сын Багыра! И тут, как говорится, понеслась.

Десяток скагов, включая Катора — сына жены дяди брата мужа сестры отца Великого Хана, отправились к американцам за извинениями. Потребовали-то сущую малость — полсотни топоров и сотню лопат. Понятно, что железных. Янки ответили, что сейчас угостят чертей железом, только не тем, на которое они рассчитывают, а тем, что из стволов вылетает. Катор схватился за нож, земляне — за автоматы.

В итоге стычки трое инопланетян погибли, пятеро получили ранения и были захвачены в плен, в том числе и Катор. Двух оставшихся, предварительно попинав и отняв конец, отпустили восвояси с посланием для Коноша. Мол, они тут, в Новых Американских Штатах, круче Пика Грачева и не собираются не перед кем извиняться.

Да, после всего, в изложении Джейнса, история звучала совсем иначе. Дескать, произошел несчастный случай, приведший к смерти троих чертей. А тех пятерых и вовсе никто насильно не удерживал — им оказывали медицинскую помощь.

Правда, те двое, которых послали к Великому Хану, добрались до моста через Енисей, где находилась наша маленькая погранзастава и рассказали начальнику свою версию событий.

Тот, чтобы разобраться на месте, сел вместе со скагами в джип — уже полностью отечественный, японского производства, и пересек пограничную реку. За что жестоко поплатился — американцы расстреляли и автомобиль, убив начальника заставы и обоих чертей. По счастливой случайности именно на этой заставе хранился после войны трофейный миномет, добытый в свое время у Захарова. Как позже сказал Семенов, он каждый день собирался перевезти его в Верхнезаводск, да не доходили руки. Взбешенные пограничники ответили минометным огнем, превратив в развалины ферму на американском берегу.

Дальнейшие события последовали с невероятной быстротой. Как только пришел сигнал с поста, мы собрали экстренное заседание парламента. Через час разведчики сообщили, что

стучат боевые барабаны скагов и на всей территории чертей поднимаются дымовые столбы сигнальных костров. Каким-то чудом Конош уже знал обо всем и собирал воинов. А еще через час позвонили из Приморска — его обстреливал американский эсминец. "Адмирал Колчак" и "Генерал Деникин" завязали с ним артиллерийскую дуэль.

Дядя отдал приказ о всеобщей мобилизации, колонна броневиков выстроилась к походу на Клинтон-Сити, самолеты, запавленные и с полным боекомплектом рулили на взлетные полосы... и тут снова вмешались японцы. Они всего лишь щелкнули рубильником, обесточив американское побережье. Янки сопротивлялись еще минут десять. А затем, связавшись с премьер-министром Борисом Грачевым, предложили вступить в переговоры.

Мы погрузились в вертолет и уже через полчаса пролетали над остовом тонущего американского эсминца — ракетный залп с "Генерала Деникина" удачно угодил ему под ватерлинию.

Переговоры в Клинтон-Сити начались весьма бурно. Американцы вели себя так заносчиво, что я вынужден был напомнить, что это их судно сейчас идет на дно, а не наше. И это они сидят без света, а не мы. И, вообще, без нашей помощи они давно кормили бы рыб. В итоге была создана комиссия, в которую вошли Джейнс, Смит, я, Семенов и непосредственный виновник едва не начавшейся войны — Ксицы. После тщательного расследования вина троих негодяев, из-за которых и заварилась вся каша, была доказана, и всех троих расстреляли. Черти получили в качестве компенсации американскую ткацкую фабрику, мы — остатки авиации янки, оставив им один "кукурузник" и один вертолет.

Удивительно, но после этого конфликта, едва не вылившегося в кровопролитнейшую войну, мы стали ближе. Начались совместные научные разработки, экспедиции и так далее. Кроме того пограничная со скагами полоса шириной в десять километров была объявлена демилитаризованной зоной, в которой запрещалось размещать военные объекты, носить оружие, людям — огнестрельное, а скагам — луки и дротики. О хищниках беспокоиться уже не стоило — к тому времени саблезубы и многороги стали вымирающими видом, а других крупных плотоядных тварей в наших местах не наблюдалось.

Глава 18. Футура

Минуло еще десять лет. Мы, Робинзоны, заброшенные волей судьбы на чужую планету, не только выжили, но и нашли союзников, смогли укрепиться на Новой Земле, продолжили рост — научный, технический, социальный. Мы не только не растеряли, но и приумножили наше наследие.

Вот сухие цифры статистики: по сравнению с 2013 годом протяженность железных дорог выросла в 420 раз, автомобильных дорог — в 870 раз, население — в 5,7 раза, выплавка черного металла — в 64 раза...

Да, к черту статистику! Разве сравнятся цифры со спокойной жизнью в скромном четырехэтажном домишке в Святоборисовске на берегу Волшебного озера практически в полном одиночестве — всего с пятью слугами, любящей женой и тремя чудесными детьми? Как бывает чудесно взять ночью катер и встретить зарю с удочкой в руках, покачиваясь на волнах озера. Или поохотиться, скача на породистом мустанге по степи, сжимая лук, ловя кончиком стрелы многоорога. А после, сидя у костра под тремя лунами, подкрепиться мясом, которое личная охрана Великого Хана Коноша готовит просто превосходно.

Я достаточно поколесил по планете, чтобы навеки утолить жажду приключений. Недавно я вернулся из своей последней экспедиции, окончательно решив более не высовываться. Слишком опасное это дело. Пусть рискуют молодые.

Мы снова посетили остров Объект. На "Юрии Гагарине" путь до него занял меньше трех дней! Там ничего не изменилось. Только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Мы вновь зашли в кабину, где черная рука продолжала сжимать рычаг управления. На полу до сих пор остались наши следы, сохранившиеся в закрытом помещении.

Мы посетили Город Башен. После всего, что мы натворили в прошлый визит, достичь мира оказалось невероятно трудно, а без посредничества хана Ксицы — и вовсе невозможно. Мы пообщались с местными чертями, что тоже оказалось нелегким делом. Пусть с нами был сын Коноша, да и я уже изъяснялся на скагаранском так, словно сам родился в этом мире, под тремя лунами, но сказывался разрыв в несколько сотен лет. Многие слова исчезли из лексикона рогатых, иные, появившиеся позже, вовсе были уникальными, не встречающимися в другом наречии.

Хан островных скагов рассказал нам легенду.

Давно, очень давно, много поколений назад, к их берегу пристала лодка, которая "шла по воде сама собой". Из нее вышли трое странных существ. Когда черти хотели их захватить, они рассеяли нападавших, метая "стальные стрелы".

— Не маленькие кусочки, как у вас из палок, которые делают "бум", — уточнил вождь. — А стальные стрелы, вот такие, — он показал пальцами около пяти сантиметров. — Делают тихое "ш-ш-ш" и пронзающие сразу сто скагов.

Но скоро странные существа сами пришли к аборигенам и предложили жить в мире. Пришельцы выучили язык чертей, научили их плавить металл, строить каменные дома и выращивать еду. Дважды они спасали рогатых от врагов, метая "стальные стрелы". Казалось, они чего-то ждут с неба. Потом существа умерли один за другим и были похоронены согласно традициям скагов — сожжены на костре. Перед смертью они успели написать большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими их вещами в священной

пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но отвел нас в священную пещеру. Здесь еле живой от старости шаман, покрытый татуировками с головы до ног, показал нам настенные фрески. На них были изображены три черные фигуры, вполне человеческие, если не принимать во внимание необычно большие головы и длинные руки, свисающие почти до земли. Фигуры, которые я видел много раз в пещерах континентальных скагов. Если здесь, на острове, творчество было ближе к первоисточнику и пропорции были соблюдены правильно, то, прикинув по высоте изображенных рядом рогатых, получалось, что рост существ составлял около двух с половиной метров, а то и того больше!

Мы попросили показать их вещи: три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на острове Объект, несколько вполне обычных инструментов, пара приборов и остатки оружия, которое "метало стрелы".

Это были корпуса из пластика, потрескавшегося от времени, с прикладом, рукояткой, цевьем и прицелом, длиной около семидесяти сантиметров. Приклад, судя по всему, когда-то регулировался, но, ввиду возраста конструкции, боясь ее повреждения, мы не стали проводить опыты. Зато Михаил вскрыл один из корпусов, что оказалось весьма просто. Внутри была металлическая рама, но без других элементов, которые, в теории, должны там находиться. Вероятно, пришельцы не захотели оставлять свое слишком мощное оружие чертям. В казенной части ствола Родин нащупал два электрода.

— Электромагнитная винтовка! — изумился он. — Снаряд разгоняется в стволе благодаря разности потенциалов!

Следующий предмет только подтвердил догадку астронома — пятисантиметровая игла из термоупроченного алюминия, являющаяся, очевидно, боеприпасом.

Опять же, говоря теоретически, мы могли и сами построить такое оружие. Вся тонкость в источнике питания — в нашем случае винтовку пришлось бы запитать от реактора японского атомохода и вряд ли ее можно было бы назвать ручным оружием.

Последней мы увидели книгу, написанную на пергаменте. Около пятисот скрупулезно пронумерованных листов, исписанных такими же знаками, как в металлических книгах, как пещера на острове Объект. Я горько посетовал, что никто не сможет разобрать эти символы. И тут старый шаман заявил, что книга написана на языке скагов и он умеет ее читать!

После долгих уговоров черт взял в руки книгу, возможно даже вверх ногами, и начал нараспев:

— Тилис, Тилис, Тилис! Да прибудет мир с теми, кто пришел слишком поздно. Мы долго ждали. Мы надеялись до конца. Я остался один. Я уже никогда не увижу Тилис. Будьте добры к скагам, они приняли нас хорошо.

Шаман умолк.

— Дальше я не могу читать, — добавил старик после долгой паузы.

Мне удалось узнать, что первые строки, выученные наизусть, передаются от шамана к шаману много поколений и это слово — "Тилис", должно послужить паролем, когда соотечественники пришельцев снова высадятся на планете. Кроме того, название, данное стариком инопланетянам, показалось мне более емким, точным и поэтичным, чем "Трижды одинаковый Тилис". На языке островных скагов это звучало как "Тилис, Единый в Трех Ликах".

Сегодня и книга, и оружие, и прочие вещи пришельцев хранятся в Святоборисовском музее. Мы долго бились над расшифровкой, но пока текст не поддается. Ну... это уже дело

будущих поколений, которым мы вверяем судьбу человечества на этой планете.

Меня, главным образом, беспокоят две вещи. Первая — объект на Объекте. Откуда-то же он прилетел! Надо полагать, что издавека, в противном случае Новая Земля задолго до нас была бы колонизирована сородичами гостей скагов из Города Башен. А если они вернуться? Если снова забредут в эти края? Такое оружие, как у них, явно проектировалось не для скромной самообороны... а на каком уровне развития они находятся сейчас? Что мы сможем противопоставить им? Готов поспорить — диалога с ними не будет. Только война. Вы же не спрашиваете у таракана — готов он жить с миром на вышей кухне, или нет. Вы просто травите его дихлофосом. Оставалось надеяться, что Михаил прав и сородичи пришельцев окончательно потеряли своих блудных сынов столетия назад.

А вторая — скаги. Это сегодня мы живем дружно. Но, я уверен, через поколение, три или пять, они захотят силой взять то, что мы им не даем сейчас — технологии. Не те примитивные знания, что мы им дали, а настоящие, которые не только сделают их независимыми, но и угрозой для всего человечества. И тут тоже не будет ни переговоров, ни предупреждений. Черти сметут людей своей численностью. Единственное, что может их остановить — они сами. Общество уничтожает само себя гораздо продуктивнее, чем любой внешний враг.

Но, вообще — мы сделали многое, хотя и не все. Большая часть планеты — все еще огромное белое пятно. Эпоха Великих Географических Открытий на Новой Земле только начата. Пройдет немало лет, даже, скорее всего, десятилетий, прежде чем планета будет изучена, колонизирована, а дальше...

А дальше, я более чем уверен, будет не лучше той, Старой Земли. Яркий пример — скаги. Как только они начали жить в хороших домах, начали осваивать различные ремесла, кроме охоты и войны, в их обществе началось расслоение на богатых и бедных. Началась зависть, ложь, коррупция. Другими словами — пришла Цивилизация. Куда она их приведет?

И мы пойдем тем же путем. Человечество достигнет до той точки, когда станет противно само себе. Когда человек человеку будет страшнее самого ужасного кошмара. Но до этого момента еще много времени, когда "Человечество" будет звучать гордо. А затем оно просто будет... надолго ли?

Больше книг на сайте - Knigoed.net